

ПИОНЕР

СЕНТЯБРЬ 9

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА» 1965 г.

Год издания 42-й

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ И ЦЕНТРАЛЬНОГО СОВЕТА ВСЕСОЮЗНОЙ ПИОНЕРСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ ИМЕНИ В. И. ЛЕНИНА

МЫ ВЕРНУЛИСЬ, ШКОЛА, СНОВА МЫ С ТОБОЙ!

Снова школьные коридоры — для кого-то знакомые-презнакомые, а для кого — совсем неожиданный, новый мир. Классы, кабинеты, лестницы. Ступеньки, отполированные бесчисленными ногами.

Сколько ребят прошло здесь по этим ступенькам, до нас! Ступеньки, ведущие ввысь... Образ пути, который ведет к знаниям.

Привет тебе, школа!

Здравствуй, новый класс, новая ступенька школьной лестницы. Мы продолжаем путь вверх.

9 СЕНТЯБРЬ 1965 г.

издательство „ПРАВДА"

КОЧЕРЫЖКА

В. ОСЕЕВА

Рисунки Е. МЕДВЕДЕВА.

Люди возвращались. На маленькой голубой станции, потрескавшейся от дождей и бомбежек, беспорядочно и суетливо выгружались из вагонов женщины и дети с узлами и «авоськами». По обеим сторонам дороги заколоченные домики, глубоко зарывшись в сугробы, ждали своих хозяев. То там, то сям вспыхивали в окнах светлячки коптилок, из труб поднимался дым.

Дольше всех пустовал домик Марьи Власьевны Самохиной. Забор ее повалился, и только кое-где стояли еще крепко вбитые колья. Над калиткой торчала вверх и билась на ветру сломанная доска. В морозные зимние ночи, проваливаясь в снег, к запущенному крыльцу брел голодный пес, похожий на затравленного волка. Он обходил дом, прислушиваясь к тишине, царившей за большими окнами, тянул носом воздух и, бессильно волоча длинный хвост, укладывался на снежном крыльце. А когда луна бросала на пустой дом светлые желтые круги, пес поднимал морду и выл.

Вой будоражил соседей. Измученные, настрадавшиеся люди, зарываясь головой в подушки, грозились заткнуть эту голодную глотку дубиной. Может быть, и нашелся бы человек, решившийся поднять дубину на поджарое собачье тело, но пес, как бы зная это, остерегался людей, и утром на снегу оставались только следы, тянувшиеся неровной цепочкой вокруг брошенного дома.

И лишь один маленький человечек из домика напротив каждый вечер за старым обвалившимся погребом ожидал голодного пса. В растоптанных валенках и старой серой шинельке он тихонько вылезал на крыльцо и смотрел, как в сумерках белеет снег. Потом, прижимаясь к стене, круто заворачивал за угол дома и шел к погребу. Там, присев на корточки, он делал в снегу плотную ямку, выкладывал из кармана корочки хлеба и тихонько отступал за угол. А за погребом, медленно переставляя лапы и не сводя с ямки голодных волчьих глаз, появлялась поджарая собака. Ветер качал ее костлявое тело, когда она жадно глотала то, что принес маленький человечек. Окончив еду, пес поднимал голову и в упор смотрел на мальчика, а мальчик смотрел на пса. Потом оба расходились в разные стороны: собака — в снежные сумерки, а мальчик — в теплый дом.

* * *

Судьба маленького человечка была судьбой многих детей, застигнутых войной. Где-то на Украине золотой осенью в обуглившемся селе, только что отбитом у немцев, безусый сержант Вася Воронов нашел на огороде завернутого в теплое одеяльце годовалого мальчишку. Рядом, на вспаханной огородной земле, среди обрубленных кочанов капусты, в белой сорочке, вышитой красными цветами, лежала, раскинув руки, молодая женщина. Голова ее была повернута набок, голубые глаза застыли, а пальцы одной руки крепко сжимали бутылку с молоком. Из горлышка, заткнутого бумагой, медленно стекали на землю крупные молочные капли... Если б не эта бутылка с молоком, может быть, пробежал бы Вася Воронов мимо убитой женщины, догоняя своих товарищей. Но тут, горестно поникнув головой, он осторожно вынул из рук мертвой бутылку, проследил ее застывший взгляд, услышал за высокой горкой срезанных капустных листьев слабое кряхтенье и увидел широко открытые детские глаза. Неумелыми руками вытащил безусый сержант закутанного в одеяльце ребенка, су-

нул в карман бутылку с молоком и, наклонившись над мертвой женщиной, сказал:

— Беру... Слышь? Василий Воронов! — И побежал догонять товарищей.

На привале бойцы поили мальчика теплым молоком, любовно оглядывали его крепенькое тельце и шутя называли Кочерыжкой.

Кочерыжка был тихий. Свесив голову на плечо Васи Воронова, он молча глядел назад, на ту дорогу, по которой его нес Вася. А если мальчик начинал плакать, товарищи Воронова с пыльными и потными от зноя лицами приплясывали перед ним, тяжело потряхивая амуницией и хлопая себя по коленкам.

— Ай да мы! Ай да мы!

Кочерыжка замолкал, пристально вглядываясь в каждое лицо, как будто хотел запомнить его на всю жизнь.

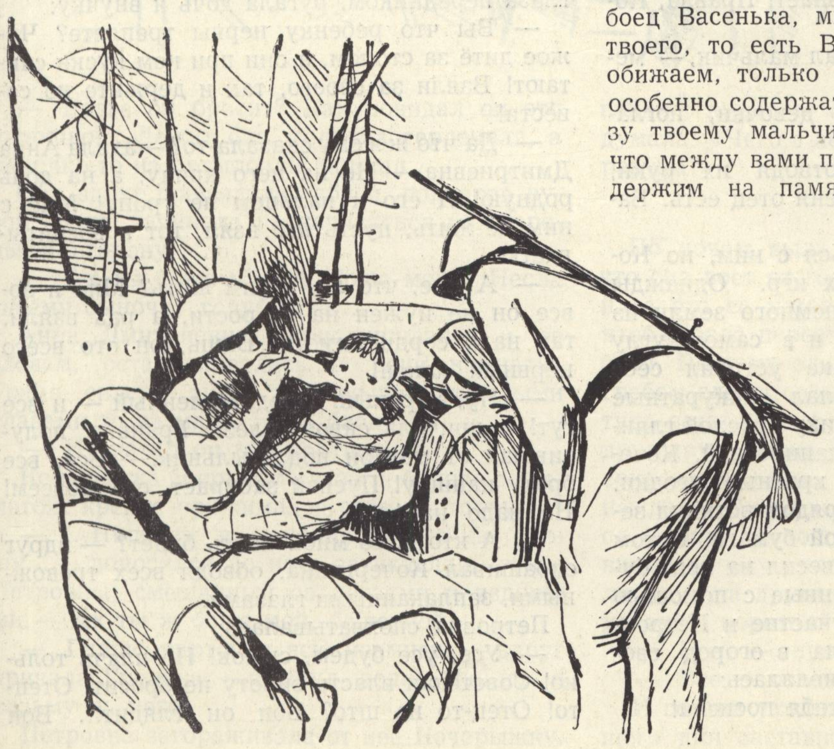
— Изучает чегой-то! — шутили бойцы и дразнили Васю Воронова:

— Эй, отец, докладай, что ли, по-начальству насчет новорожденного!

— Боюсь, отымут, — хмурился Вася, прижимая к себе мальчонку. И упорно добавлял: — Не дам. Никому не дам. Так и матери его сказал: не брошу!

— Одурел, парень! С ребенком, что ли, в бой пойдешь? Или в няньки теперь попросишься? — урезонивали Васю бойцы.

— Домой отошлю. К бабке, к матери. Закажу, чтоб берегли тама.

Твердо решив судьбу Кочерыжки, Вася Воронов добился своего. Поговорив по душам с начальством и передав своего питомца с рук на руки медицинской сестре, Вася написал домой длинное письмо. В письме было подробно описано все происшедшее с просьбой держать Кочерыжку, как своего, беречь, как родное дитё сына Василия, и не называть его больше Кочерыжкой, потому как мальчик «крещен» в теплой речной купели самим Вороновым и его товарищами, давшими ему имя и отчество: Владимир Васильевич.

Молоденькая сестричка привезла Владимира Васильевича в семью Вороновых зимой сорок первого года, когда сами Вороновы, заколотив свой домик, бежали с вещами и «авоськами» к голубой станции. На ходу, второпях прочитали Анна Дмитриевна и бабка Петровна письмо Васеньки, со вздохами и слезами приняли от сестрички дорогой подарок в сером солдатском одеяле и, нагруженные вещами, полезли с ним в дачный вагон, а потом в теплушку... А когда вернулись на старое жилье и открыли свой отсыревший домик, война уже отодвинулась, письма Васеньки шли с немецких земель, а Кочерыжка подрос и ходил по комнате или сидел на скамейке, пристально изучая новые углы и новые лица своими зеленовато-голубыми глазами. Анна Дмитриевна, осторожно поглядывая в сторону мальчика, писала сыну:

«Завет чести твоей и совести, дорогой наш боец Васенька, мы сохраняем. Кочерыжку твоего, то есть Владимира Васильевича, не обижаем, только достатки наши невелики, особенно содержать его не можем. По приказу твоему мальчику о тебе поминаем, как что между вами произошло, и бутылочку тую держим на память. Еще разъясни ты нам, как ему нас звать, а то все «тетенька» да «тетенька» я ему, бабку зовет Петровной, а сестренку твою Граню Ганей кличет».

Вася Воронов, получив письмо, слал ответ:

«За хлопоты ваши великое спасибо. В остальном разберусь, как домой приеду. Одна просьба: Кочерыжкой не звать, потому как это звание походное, данное случаем по обстоятельству местонахождения в капусте. А он должен быть как человек — Владимир Васильевич — и сознавать, что я ему отец».

Кочерыжке своему Вася Воронов, подумав, всегда писал одно и то же: «Расти и слушайся». Кочерыжка рос плохо, а слушался хорошо. Слушался молча, медленно, понятливо и серьезно.

— Батюшки, да что ты, как спеленатый, на лавке сидишь? Пойди хоть побегай маленько! — замечая его, на ходу кричала тетенька Анна Дмитриевна.

— А где побегать? — сползая с лавки, спрашивал Кочерыжка.

— Да в садике, батюшки мои!

Кочерыжка выходил на крыльцо и, как будто стесняясь, с неуверенной улыбкой смотрел на тетеньку, потом, опустив руки, неловко перебирая ногами, бежал к калитке. Оттуда медленно возвращался и снова садился на лавку или на крыльцо. Петровна качала головой:

— Притомился, Кочерыжка, то бишь, Володичка?

Мальчик поднимал тонкие брови и односложно отвечал:

— Не.

Граня бегала в школу. Иногда у крыльца, как стайка веселых птиц, собирались ее подружки. Граня вытаскивала Кочерыжку, сажала его к себе на колени, дула на его большой лоб с пушистыми темными завитками и, скрестив на его животе крепкие загорелые руки, говорила:

— Это наш, девочки! Мы его в капусте нашли! Не верите? Он сам знает! Правда, Кочерыжка?

— Правда, — подтверждал мальчик, — меня в капусте нашли!

— Бедненький! — ахали девочки, поглаживая его по голове.

— Я не бедненький, — отводя их руки, говорил Кочерыжка. — У меня отец есть. Вася Воронов — вот кто!

Девочки начинали возиться с ним, но Кочерыжка не любил шумных игр. Однажды зимой Петровна дала ему немного земли из старого цветочного горшка, и в самом углу широкой скамьи Кочерыжка устроил себе огород. На огороде он сделал аккуратные грядочки. Граня дала мальчику красной глянцевитой бумаги и зеленой папиросной. Кочерыжка вырезал круглые красные ягодки, разложил их на грядках, а рядом воткнул зеленые кустики из папиросной бумаги. Потом принес из сада прутик и повесил на него бумажные яблочки, раскрашенные с помощью Грани. В игре принимала участие и Петровна; она тайком подкладывала в огород свежую морковку и громко удивлялась:

— Гляди-ка, морковь у тебя поспела!

Анна Дмитриевна называла Петровну «потатчицей», но сама как-то привезла два игрушечных ведерка и совочек для «огорода». Кочерыжка любил землю. Он брал ее на ладонь, прижимался к ней щекой и, когда скупое зимнее солнце падало из окна, серьезно говорил:

— Не загораживайте солнце-то: ведь расти ничего не будет!

* * *

Жизнь в то время была трудная. У Вороновых не хватало хлеба, картошки своей не было. Анна Дмитриевна работала в столовой. Она приносила в бидончике остатки супа. Граня с размаху залезала в бидон ложкой и вылавливала гущу. За столом мать бранила ее:

— В такое-то время, когда весь народ от войны еще не оправился, она только о себе думает! Выловит гущу, а мать и бабушка, как хотите! Да Кочерыжка еще на руках у нас!

Громкий голос и сердитые слова пугали Кочерыжку.

— Я не буду! — испуганно говорил он, сползая со стула. — Я не буду кушать!

— Сядь! Что за «не буду» такое! — в раздражении кричала на него Анна Дмитриевна.

Кочерыжка низко наклонял голову и начинал капать крупными слезами. Петровна схватывалась со своего места и, вытирая ему глаза передником, ругала дочь и внучку:

— Вы что ребенку нервы треплете? Чужое дитё за столом, а они при нем куски считают! Взяли за своего, так и держите по совести!

— Да что ж я ему сказала-то? — ахала Анна Дмитриевна. — Не на него кричу, а на дочь родную! Я его и пальцем не трону! Мне с ним не жить, пусть кто взял, тот и воспитывает!

— А мне, что ли, с ним жить? Мне и вовсе он не нужен на старости, а раз взяли, так надо сердце иметь! Вишь, он ото всего нервный какой!

— Ну, нервный! Представленный — и все тут! — кричала сквозь слезы Гранька, получившая от матери подзатыльник. — Все, все брату напишу! Пускай забирает его совсем! Не надо нам!

— А кто ж со мной жить будет? — вдруг спрашивал Кочерыжка, обводя всех тревожными, заплаканными глазами.

Петровна спохватывалась:

— Усе, усе будем, сынок! Не плачь только! Советская власть сироту не бросит! Отец-то! Отец-то на што? Вон он глядит... Вон

он...— Она снимала с полки фотографию Васи и, обтерев ее ладонью, подавала мальчику.

— И-и какой отец!.. С ружьем!

Кочерыжка сквозь слезы улыбался доброму скуластому лицу Васи, а Петровна, расчувствовавшись, крепко прижимала к себе мальчика.

— Не тронь, не тронь, Гранечка! Я сама опосля возьму!

Анна Дмитриевна, как бы очнувшись, бежала к постели, взбивала подушечку и принимала из рук Петровны спящего мальчика. Гранька вертелась тут же, чтоб вытащить из горячих сонных рук Кочерыжки Васину карточку, но мать молча отводила ее руку и,

— Разве он бросит? Как повидал он это горюшко!.. Лежит она, голубка сердечная, а молочко-то из бутылочки кап-кап...

Она вдруг прерывала себя и, подперев рукой щеку, начинала раскачиваться из стороны в сторону.

— Ах ты боже ж мой, боже мой... Несла своему сыночку голубушка...

Анна Дмитриевна, прислушиваясь к ее словам, останавливалась посреди комнаты. Граня сидела тихо, поглядывая круглыми глазами то на мать, то на бабку.

— И сказал он ей, мертвенькой...

Кочерыжка закрывал глаза и, борясь с дремотой, крепче прижимал к себе карточку.

— ...Нипочем я сыночка твоего не брошу...— доносился до него затихающий голос Петровны, смешанный со слезами и вздохами.— Ах ты ж боже мой, боже мой...

— Гляди, карточку всю изомнет! — вдруг кричала Гранька.— Заснул ведь! Дай-ка я возьму у него!

Петровна загораживала от нее Кочерыжку.

глядя в курносое безмятежное лицо девочки, думала: «Чего в ней не хватает — сердца или разума?»

* * *

По ночам выла собака. Кочерыжка знал, что она воет от голода, от тоски по хозяевам и за это ее хотят убить. Кочерыжка хотел, чтоб собака перестала выть и чтоб ее не убивали. Поэтому однажды, увидев за своим погребом следы собачьих лап, он стал относить туда остатки еды. Собака и мальчик боялись друг друга. Пока Кочерыжка складывал свои сокровища в ямку, собака стояла в отдалении и ждала. Он не хотел погладить ее сбившуюся шерсть на тощих ребрах, она не хотела вильнуть ему хвостом. Но часто они смотрели друг на друга. И тогда между ними происходил короткий разговор.

— Все? — спрашивали собачьи глаза.

— Все,— отвечали ей глаза Кочерыжки.

И собака уходила, чтоб в сумерки следующего дня заставить его тревожно ждать за

погребом, прислушиваясь к каждому голосу из дома. За столом Кочерыжка, глядя испуганными глазами на все лица, прятал за пазуху хлеб.

* * *

Однажды ночью он проснулся от собачьего голоса. Но это не был вой. Это был короткий визг. Кочерыжка прислушался. Визг не повторился. Мальчик понял: что-то случилось. Он сполз с кровати и, всхлипывая, пошел к двери. Петровна в одной юбке, сонная и растрепанная, схватила его на руки.

— Куда ты? Куда, батюшка мой?

Кочерыжка громко заплакал.

— Молчи, молчи, сынок... Усех в доме перебудишь...

Но мальчик вырывался из ее рук и, захлебываясь слезами, указывал на дверь:

— Туда, туда...

— Да куда же мы пойдем с тобой? Ведь на дворе тьма-тьмущая... Там усе волки сейчас бегають... Гляди-ко!

Петровна подняла Кочерыжку к окну и отдернула занавеску. На дворе стояла оттепель, сквозь мокрое стекло было видно, как из освещенного окна пустого дома на крыльцо падала желтая тень. Кочерыжка вдруг затих, а Петровна, зевая, сказала:

— Никак, Самохины приехали?

* * *

В эту ночь от станции, глубоко проваливаясь в снег тяжелыми бутсами, шла женщина. Рваное мужское пальто, подвязанное веревкой, мокрыми полами обхватывало ее колени, черный платок съехал на плечи, седые пряди волос прилипали к щекам. Женщина часто останавливалась и прислушивалась к собачьему вою. В калитке оторванная доска задела ее за плечо, а с крыльца поднялся одичалый пес и, прижимая к затылку уши, двинулся ей навстречу. Женщина протянула к нему руки, чуть слышно пошевелила губами. Пес с коротким визгом упал на снег и пополз к ней на брюхе... Женщина обняла его за шею и достала из кармана ключ. Потом поднялась на ступеньки, открыла дверь, зажгла огарок свечи, и от освещенного окна упала желтая тень, которую увидел Кочерыжка.

* * *

Собака не приходила. Два дня ждал ее Кочерыжка, глядя на огонек, светившийся через дорогу. Теперь оттуда часто доносился хриплый, сердитый лай. Слышно было, как пес кидался к забору и до конца улицы провожал идущих мимо отрывистым лаем. Он сторожил свой дом. Из разговоров соседей Кочерыжка знал, что в домик Самохиных вернулась одна старуха Марья Власьевна...

Бабка Маркевна, никуда не уезжавшая во время войны, считала себя хозяйкой опустевшего поселка с заколоченными домиками. Ей казалось, что именно она, оставаясь здесь, под фашистскими бомбами, уберегла от разрушения весь поселок. И как хозяйка встречала она всех возвращающихся, приветливо и жалостно, не скупясь ни на сочувствие, ни на вязанку дров для захолодавших людей. Первой являлась она к семьям, еще не обогревшим пустые углы, и, прислонившись к косяку двери, зябко кутаясь в клетчатую шаль, говорила:

— Ну вот, слава те, господи! Вернулись! На родном пороге не обобьешь ноги!

И тут же зорко примечала она чьи-то заплаканные глаза, горестно покачивала головой, кляла душегубов-фашистов, вытирала концом платка слезы и утешала:

— Что делать, милушка, война... Уж теперь не вернешь и сама в могилку не полезешь. Скрепи сердце, как ни есть... Небось, не одна поплачешь, люди с тобой поплачут и над твоим и над своим горем... Все вместе, легче будет...

Серенькое, востренькое лицо ее, теплые руки с темными жилками, слезы и сочувствие

успокаивали. Поплакав, бабка Маркевна деловито распоряжалась:

— Печку-то пробуй, не дымит ли. Да пойдем ко мне, дровишек сухоньких дам или кипяточку отолью.

Бабка Маркевна жила одна, но с утра до вечера у ней толокся народ: женщины, ребятишки. Каждому что-то было нужно. Иногда на широкой лавке под печкой сидел у бабки чей-нибудь закутанный ребенок, и бабка, придя со двора, говорила:

— Ишь, бог послал... Чей же это? Сафроновых али Журкиных? — И сама себе отвечала: — Небось, Журкиных... Она нынче к снохе в город уехала...

Погремев в печи заслонкой, Маркевна вытаскивала горячую картофелину, дула на нее, перебрасывая с ладони на ладонь, и подносила ребенку:

— На-кось... Погрей ручки да скушай!

Теперь бабка Маркевна часто сидела у Петровны и, указывая на домик Самохиной, с обидой говорила:

— Я к ней, а она от меня... Я во двор, а она в дом... вижу, лица на ней нет.

— Да, да, — подтверждала Петровна, — чуждается она людей... А бывало, как работала библиотекаршей на заводе, от одних ребят отбою не было, сама всех привечала.

Маркевна освобождала от шали востренький подбородок и шумно сморкалась.

— Всхожу это я в сени, а у самой сердце не на месте... И ее жалко и навязываться тошно... Только, думаю себе, горе-то, что петля на шее, если некому растянуть ее, она всего человека захлестнет. Ведь одна-одинехонька вернулась. Игде невестка, игде внучка ейная. Все, небось, в земле сырой похоронено. Как не бывало. И сама-то вся рваная, пальтишко худенькое.

— Ох-хо-хо, — подперев щеку рукой, вздыхала Петровна. — Ведь полным домком жил человек, да где же это она всех растеряла-то?

Но Маркевна уже снова перешла к обиде.

— Да разве в ней человецкая душа осталась? Голубушка, говорю, милая ты моя, одна, что ли, в свой домик возвернулась? А она это как глянет на меня, руками за стол схватилась, да как крикнет: «Не спрашивай!» Батюшки мои! Ровно я ей в сердце иголку всадила... — Маркевна заплакала.

Петровна мельком взглянула на Кочерыжку. Лицо у него было серое, губы дрожали, в глазах стоял испуг.

— Уйди ты отсюда, что за ребенок такой! — рассерженно крикнула Петровна и, схватив Кочерыжку за руку, вытащила его в кухню. — Ступай! Оденься, погуляй хоть с ребятами! — Она бросила ему шинельку и платок. — Ступай, ступай! Вот всегда эдакто, прилипнет к лавке и сидит, на нервы действует, — объясняла она бабке Маркевне.

Кочерыжка нерешительно потоптался в кухне, взял с плиты печеную картофелину, надел шинельку, вышел во двор и побрел на собачий лай. Ему хотелось взглянуть на собаку, которая уже два дня не приходила к погребу. Но ему было страшно, что на крыльце Самохиных вдруг появится та женщина и закричит на него, как на бабку Маркевну. Во дворе никого не было. Не отрывая глаз от закрытой двери, Кочерыжка долго стоял у забора, потом храбро направился к калитке.

* *
*

Марья Власьевна сидела одна у холодной печки. Около нее валялась сломанная табуретка и секач. Скрип двери, серая шинелька и протянутая ладошка с печеной картофелиной испугали ее. Она откинула со лба седые волосы и, зажмурившись, сказала:

— Боже мой, что это?

— Собаке... — дрожащим голосом прошептал Кочерыжка, не сводя с нее глаз.

Марья Власьевна глубоко вздохнула.

— Волчок!

Со двора вбежала собака, шумно обнюхала мальчика и, виляя хвостом, остановилась с ним рядом. Мария Власьевна молча смотрела, как Кочерыжка кормил ее. Потом она заглянула в печь и чиркнула спичку. Спичка погасла. Она снова чиркнула. Кочерыжка подобрал с полу тоненькие щепочки и положил их перед ней. Потом обнял за шею собаку и удивленно сказал:

— Я ее не боюсь.

В печке затрещали сухие доски. Мальчик осторожно присел на корточки и протянул к огоньку красные руки.

— Чей ты? — тихо, с напряженным вниманием вглядываясь в его лицо, спросила Марья Власьевна.

— Васи Воронова. Я Кочерыжка, — робко сказал он и, заметив на ее губах слабую улыбку, стал рассказывать свою историю.

Он делал это совсем так, как Петровна, подперев рукой щеку и раскачиваясь из стороны в сторону. Марья Власьевна слушала его с удивлением и жалостью. Прощаясь, Кочерыжка сказал:

— Я к тебе и завтра приду.

По дороге его переняла Граня. Размахивая концами платка, сердито потащила к дому.

— Ходит не знай где! Весь в снегу извалялся! Настоящий Кочерыжка!

От усталости, сердитого голоса Грани и всего пережитого за этот день Кочерыжка сел на снег и заплакал.

* * *

Самохина сторонилась соседей. Она часами сидела одна, опустив на колени руки. Ее память с болезненной точностью рисовала ей то одно, то другое... Разбросанные в беспорядке вещи напоминали ей сборы в дорогу и залитое слезами лицо ее невестки Маши. Слезы свои Маша объясняла по-разному, невпопад: то нежеланием расстаться с насиженным углом, то боязнью перед незнакомой дорогой. Марья Власьевна не знала тогда, что Маша скрывает от нее смерть сына, что она одна переживает свое тяжелое горе, щадя старуху мать. Марья Власьевна вспоминает, как она сердилась на нее за эти слезы, как в последнюю ночь сборов, выйдя из терпения, она сурово прикрикнула на невестку:

— Перестань! Возьми себя в руки! Стыдно! Люди близких теряют...

Мысли Марьи Власьевны перескакивают. Она видит длинный эшелон, набитый женщинами и детьми. Она сидит между своими и чужими узлами, затиснутая в угол теплушки, потная головенка внучки, прикрытая ее широкой ладонью, прижимается к груди. В полумраке большие заплаканные глаза Маши. А потом бомбежка и глухой полустанок, где она, Марья Власьевна, металась между разбитыми вагонами, не выпуская из рук синего чайника и с остановившимися от ужаса глазами бессмысленно объясняя кому-то:

— За горяченьким пошла... за горяченьким...

А из-под обломков люди вытаскивали что-то страшное, в чем уже нельзя было узнать ни внучки, ни Маши. Кто-то отнимал у нее детский капор, кто-то совал ей в руки узелок и вел ее за носилками, покрытыми серым брезентом... Затерянная на этом полустанке, одна среди чужих людей, она случайно развязала Машин узелок и там нашла карточку сына вместе с его письмами к жене. Рядом с карточкой лежала серая бумажка, где сообщалось о славной смерти честного бойца Андрея Самохина... Лицо сына было радостное и удивленное, как будто он сам не верил в это сообщение о его смерти. Марья Власьевна стискивала руки, обводила глазами пустые углы и шептала без слез:

— Деточки мои... деточки...

Волчок клал ей на колени свою острую морду и, шумно вздыхая, лизал старые, сморщенные руки.

* * *

Теперь, когда Кочерыжка прятал в карман хлеб, Петровна бросала на Анну Дмитриевну многозначительный взгляд, и Анна Дмитриевна сама клала перед мальчиком горку печеного картофеля.

— Кушай, кушай, сынок! А то на потом себе спрячь!

Кочерыжка брал в руки картошку и обводил всех недоверчивым вопросительным взглядом. Но все смотрели в свои тарелки, а то нарочно выходили в кухню, и, глядя, как торопливо натягивает Кочерыжка свою шинельку, Петровна таинственно шептала:

— Собрался!..

А Анна Дмитриевна тяжело вздыхала:

— Что ему там нужно?

Если б не Маркевна, в семье Вороновых давно запретили бы Кочерыжке ходить к необщительной соседке.

— В горе он сам родился, да еще на ее горе глаза таращит. Эдак вовсе ребенка испортить можно, — беспокоилась Петровна.

— А не пусти — плакать будет, — огорчалась Анна Дмитриевна.

Гранька надувала розовые губы:

— Сами позволяете... Вася приедет — всем попадет... Не она его нашла — и ладно!

Но Маркевна была другого мнения.

— Как можно не пускать? — строго говорила она. — Грех в нем сердечко сдерживать. Кто чужие слезы утрет, тот меньше своих прольет... Не всякое горе к себе близко подпускает, а ребенок, он как лучик тепленький... Ведь вот я-то, старая, разбередила ей душеньку...

Уходя, Маркевна вынимала из-под платка

свежевыпеченный хлебец и совала его Петровне.

— Дай мальчику-то, пущай снесет... от себя вроде.

Кочерыжка не понимал маленьких хитростей взрослых, он и вправду носил от себя. Войдя к Марье Власьевне, он просто выкладывал на стол все, что принес, выбирая куски для собаки. Один раз Самохина сурово сказала:

— Не носи больше. — Но, заметив в его глазах испуг, спросила: — Кто тебя посылает?

— Сам иду, — всхлипнул Кочерыжка.

Марья Власьевна погладила его по голове.

— Не носи больше, слышишь? Так приходи...

Вечером она собрала кое-что из белья, приладила лампочку и села чинить. Потом затопила печь, нагрела воды, вымыла комнату, вытащила из сарая маленький стульчик и, подумав, поставила его около печки.

* * *

Смеркалось, а Кочерыжки не было. Анна Дмитриевна не выдержала, надела шаль и пошла к дому Самохиной.

— Хоть погляжу своими глазами, как он там...

Но, дойдя до калитки, испуганная яростным лаем собаки, она повернула обратно и, придя домой, написала письмо сыну.

«Дорогой мой Васенька!

Исполняю свой материнский долг и спешу с тобой посоветоваться. Твой сынок Володенька — мальчик тихий, беспокойства он нам не доставляет, только последнее время совсем мы с ним голову потеряли и ума не приложим, как нам быть...»

Анна Дмитриевна подробно описала возвращение соседки Самохиной, привязанность к ней мальчика и закончила словами:

«...сердце в нем мягкое, а характер настойчивый — весь в тебя».

Заклеив письмо, она позвала Граньку.

— Снеси на станцию. Да покличь Кочерыжку.

— Не пойду я за ним, — отказывалась Гранька.

В это время входная дверь стукнула, и вместе с морозным паром на пороге встали две фигуры. Женщина в черном платке и в мужском пальто, подвязанном веревкой, держала за руку Кочерыжку.

— У меня мальчик ваш был, — тихо сказала она и повернулась, чтоб уйти.

Но Анна Дмитриевна взволновалась.

— Он у вас, а вы у нас... Посидите маленько.

Петровна живехонько столкнула с табуретки Граньку и вышла в кухню.

— Хоть чайку-то откушай с нами. Добрые соседи — вторая семья. — Сказав это, она вдруг испугалась и робко добавила: — Не обижай старуху, Власьевна!

— Спасибо. У меня там собака заперта, — со вздохом сказала Марья Власьевна.

Но Анна Дмитриевна увлекла ее в комнату и усадила на табуретку.

— Садись, садись, рядышком, Володичка! Около тетеньки садись, — хлопотала она.

— С мороза-то чайку попейте, — угощала Петровна.

Самохина молча взяла чашку. Анна Дмитриевна подвинула ей кусок сахару.

— Кушай, кушай, голубочек, — шептала Кочерыжке Петровна, не зная, какой вести разговор.

Граня в упор рассматривала гостью. Гладкие седые волосы, глубокие морщины. Лицо ее было усталое, казалось, что у нее смертельно болит голова. Она с трудом поднимала на говорившего выцветшие серые глаза. Глядя на нее, Петровна тщательно подбирала слова и, боясь сказать чего не следует, беспомощно поглядывала на Анну Дмитриевну. Анна Дмитриевна дергала под столом Граньку, обращалась к Кочерыжке и, не слушая его ответов, говорила про погоду:

— Все снег да снег! И куда его столько навалило! На железной дороге девки только и гребут... только и гребут...

В разгар чаепития вошла Маркевна. Увидя за столом Самохину, она оробела, сунула всем руку дощечкой и сразу повела громкий разговор:

— Зима, зима! А весна-то уж вот она! На пригорке сидит, на солнышко поглядывает!

— Верно, верно! — почувствовав в ней поддержку, оживилась Петровна. — Зиму-то мы уже отстрадали! Теперь всяко растение к солнышку потянется, всякой душеньке на земле полегчает.

Маркевна строго взглянула на нее.

— ...и подснежнички где-нигде покажутся, и цветочки по овражкам желтенькие... — с испуганным лицом затянула Петровна.

А гостья сидела молча, сжимая обеими руками кружку, как будто хотела согреть свои иззябшие руки. Глаза ее смотрели куда-то далеко, мимо этих людей, поивших ее чаем. А они, исчерпав все пустые слова, напуганные ее молчанием, сначала перешли на шепот, а потом и вовсе замолчали, растерянно и грустно поглядывая друг на друга. Один Кочерыжка сопел и беспокойно вертелся на лав-

ке. Ему казалось, что все забыли про гостью, а она уже давно пьет горячую воду без сахара. Боясь, чтобы она так и не ушла, он припомнил самые лучшие, по его мнению, слова, которые говорила гостям Петровна, повернулся к Самохиной и, подвигая к ней сахар, громко сказал:

— Кушай, голубочек!

Самохина посмотрела на него и улыбнулась.

Петровна ахнула, Гранька расхохоталась, а Маркевна торжествующе сказала:

— Угощай! Угощай! Ты хозяин! Проси еще чашечку испить!

Провожая Марью Власьевну, Анна Дмитриевна просила не забывать их.

— А уж мальчик, коль не мешает, так нам только радостно... только радостно, — повторяла она, опасаясь про себя, что от Васи выйдет приказ не пускать к Самохиной Кочерыжку.

* * *

Теперь каждое утро после завтрака Кочерыжка начинал собираться.

— На работу, сынок? — шутливо спрашивала его Петровна, не подозревая, что после запрещения носить еду мальчик придумал себе новую заботу: идя по двору или по дороге, он усердно собирал щепки, складывал их в букетик, приносил Марье Власьевне и молча смотрел, как она разжигает огонь его щепками.

Ему нравилось, что в комнате было чисто; наследив на полу мокрыми валенками, он брал тряпку и, посапывая, затирал свои следы. Все чаще заставал он Самохину за работой. Однажды она принесла в круглой корзине грязное белье, и на другой день, подходя к дому, он увидел густой белый дым, валивший из трубы. В комнате было тепло, на плите булькал котел. Марья Власьевна стирала, засучив рукава. Кочерыжка остановился на пороге и нежно улыбнулся.

— Тепло у нас!

Марья Власьевна сняла с него шинельку и придвинула к печке стульчик.

— Погрейся. Картинки погляди.

Она достала с полки отсыревшую книжку с картинками и подала мальчику. Собака уселась рядом. Переворачивая страницы, Кочерыжка смотрел картинки и шевелил губами.

Марья Власьевна придвинула к печке стул и стала читать. Она читала медленно, множество слов и собственный голос утомляли ее. Иногда, перевернув страницу, она замолкала, но глаза Кочерыжки смотрели на нее с нетерпеливым ожиданием, и она читала дальше, пока не кончила сказку.

— Вся? — с сожалением спросил Кочерыжка.

— Вся.

Мальчик пристально посмотрел на нее и, наклонив голову, спросил:

— Сапоги-скороходы есть у тебя?

— Нету. А у тебя? — вдруг лукаво спросила Марья Власьевна.

— И у меня нету! — Он посмотрел на свои растоптанные валенки.

Оба засмеялись.

С тех пор чтение сделалось их любимым занятием. Марья Власьевна стирала белье для заводской столовой, Кочерыжка терпеливо ждал, пока она закончит стирку и, придвинув свой стул к печке, начнет ему читать. От сказок перешли к рассказам. Первым читали «Каштанку». В том месте, где собачонка бегает по улице, разыскивая следы столяра, Кочерыжка разволновался. Он перестал слушать и нетерпеливо спрашивал:

— А хозяин-то, хозяин-то у тебя где? — И сердился: — Не надо мне про гуся!

Марье Власьевне приходилось доказывать, объяснять, уговаривать. Кочерыжка слу-

шал, соглашался и, прижимаясь к ее плечу, просил:

— Читай, баба Маня!

* * *

Жизнь начинала входить в прежнюю колею. Анна Дмитриевна уже не носила из столовой суп, а Петровна все чаще баловала своих горячими лепешками, щеки у ребят порозовели, Кочерыжку заставляли пить козье молоко, и, когда он прыгал по комнате, Петровна острила:

— Ишь, ишь, коза-то бунтует!

От Васи пришло только одно письмо. Пахло оно недавним порохом, было полно тоски по дому и уверенности в близком конце войны.

«Только бы ступить мне на родную землю, обнять вас всех да заглянуть в глаза сыну. Экий парень, небось, вырос! Ведь шестой год ему пошел. Жаль, не узнает он меня!»

— Где уж узнать-то? — вздыхала Петровна.

* * *

Стаял снег. Влажная, черная земля подсохла. Люди радостно засуетились, высыпали на огороды. Разделывали грядки, подвязывали молодые деревца и перекликались со двора во двор звонкими, помолодевшими голосами. В саду Марьи Власьевны зазеленели кусты клубники, вылезли из-под снега тоненькие прутики малины. На окне в тарелке мокли завязанные в тряпочку бобы. Кочерыжка каждый день заглядывал в тряпочку и умилялся, когда у бобов появлялись крошечные зеленые хвостики. Марья Власьевна привезла из города рассаду капусты, они вместе сажали ее и радовались крепким, тугим стебелькам. В праздник Победы Марья Власьевна с Кочерыжкой снова сидели рядом за столом Анны Дмитриевны. Народу собралось много, было шумно, пили за славных бойцов, за Васю Воронова. Петровна плеснула в чашку сладкого вина и подала Кочерыжке.

— Выпей, выпей, Владимир Васильевич! За папаньку своего!

Общая радость отодвинула личное горе каждого; плача о погибших, люди радовались живым. Марья Власьевна тоже плакала и радовалась, обнимая Петровну и Анну Дмитриевну. Кочерыжка смотрел на всех сияющими глазами и смущался, когда пили за его отца — Васю Воронова.

* * *

Каждый день с голубой станции шли военные. Маркевна то и дело, прикрыв глаза рукой, смотрела на большую дорогу и, завидев человека в зеленой гимнастерке, выходила на крыльцо. Инвалиду без руки или без ноги она сама шла навстречу, низко кланялась и говорила:

— Прости, сынок! За нас грешных пострадал!

И растроганный чужой человек обнимал ее сухонькие плечи.

— Не зря пострадал, мать.

Петровна после каждого поезда посылала Граньку поглядеть, не идет ли Вася.

Анна Дмитриевна вскакивала ночью и, заслышав голоса на дороге, окликала:

— Васенька?!

Марья Власьевна, завидев издали военного, указывала на него Кочерыжке. Но мальчик уверенно отвечал:

— Не он. Я его изо всех сразу узнаю.

Он уверял, что даже сердитый Волчок не будет лаять на Васю.

— Ведь он не чужой, а отец мне, — простодушно говорил он.

Марья Власьевна грустно улыбалась. Ей представлялся высокий, плечистый человек, который берет за руку Кочерыжку и навсегда уводит его из ее дома. Ей даже снилось, как мальчик идет за своим отцом, оглядываясь на крыльцо, где они так часто сидели с книжкой, на собаку, которую он кормил, и на нее — свою новую бабу Маню...

А Кочерыжка, не замечая ее тревоги, все чаще и чаще говорил:

— Отец едет ко мне!

* * *

Василий Воронов приехал. Он был крепкий, коренастый, с широкой улыбкой и громким голосом. Первая увидела его Гранька и с визгом бросилась в сени. Мать и бабка выскочили на крыльцо. Вася сбросил с плеч два чемодана, крякнул и прижал к своей груди обе старые, седые головы.

— Эх, старушки мои!

— Боец ты наш, защитник! — обливая слезами его гимнастерку, лепетала Петровна.

— Сыночек... сыночек... Васенька... — ощупывая его дрожащими руками, повторяла Анна Дмитриевна.

Гранька при виде брата вдруг застеснялась и спряталась за дверь.

— Давай, давай ее сюда! — кричал Василий, вытаскивая сестренку. — А ну, покажись, какая стала?

Отпустив Граньку, Вася оглянулся вокруг и тревожно спросил:

— Где ж он?

Все поняли, что он спрашивает о Кочерыжке.

— Сейчас, сейчас,— заторопилась Петровна, повязывая платок.

Анна Дмитриевна торопливо стала рассказывать, что мальчик у той же соседки, о которой она писала в письме.

— У той же? Значит, дружба у них идет? — Вася широко улыбнулся, схватил шапку и крикнул Петровне:

— Стой, бабушка! Я сам туда пойду! Я их спугаю сейчас! Который дом-то? — Весело улыбаясь, он побежал через дорогу к дому Самохиной.

Кочерыжка в длинных синих штанах стоял рядом с Марьей Власьевной, подрезая большими садовыми ножницами кусты малины. Марья Власьевна что-то говорила ему, оправляя выбившиеся из-под платка волосы. У забора залаял Волчок. Кочерыжка оглянулся, бросил ножницы и шепотом сказал:

— Баба Маня...

От калитки шел военный человек, отгоняя шапкой собаку. Кочерыжка бросился к нему, но вдруг, оробев, остановился.

— Кочерыжка! Владимир Васильевич?! — широко расставив руки, крикнул Вася Воронов.

Кочерыжка зажмурился и, подпрыгнув, обхватил его за шею.

— Сын-то, сын-то какой у меня вырос! — вглядываясь в его лицо, говорил Василий.

Марья Власьевна молча смотрела на них с растерянной, жалкой улыбкой. Собака беспокойно взвизгивала.

— Узнал меня? — радостно спрашивал Василий, поглаживая пальцами темные брови мальчика и пристально вглядываясь в знакомые голубовато-зеленые глаза.

— Узнал! Сразу узнал! И она узнала! — Кочерыжка обернулся к Марье Власьевне и, вцепившись обеими руками в руку Василия, потащил его за собой.

— Узнала отца моего? — быстро и тревожно спросил он Марью Власьевну.

— Не узнала, так я узнал! — с волнением в голосе сказал Вася и, подойдя к Марье Власьевне, расцеловал ее в обе щеки. — Мы друг дружку, небось, давно знаем! Через него познакомились, верно я говорю?

Марья Власьевна посмотрела в его открытые глаза и облегченно вздохнула. А Кочерыжка уже тащил Васю за руку, показывал ему грядки, кусты и говорил, задыхаясь от радости:

— Гляди, чего тут мы с ней насажали! Гляди, отец!

Слово «отец» он произносил твердо, как будто давно привык к нему. А Вася Воронов, поминутно оборачиваясь к Самохиной, повторял:

— Спасибо вам за него, спасибо! — И неудержимо радовался: — Нет, каков сын-то у меня!

Марья Власьевна улыбалась, кивала головой, но руки ее дрожали. У крыльца она остановилась, подняла на Васю Воронова серые усталые глаза и тихо спросила:

— Уедете куда или с матерью жить будете?

Он понял ее вопрос и твердо сказал:

— Никуда! У нас с ним теперь два дома и оба свои — чего же еще искать-то?

Овсей ДРИЗ

ОДНО К ОДНОМУ

Цветок к цветку —
Цветной узор.
Сосна к сосне —
Сосновый бор.
Стеклись ручьи —
Бурлит река.

Десяток слов —
Уже строка.
Лады к ладам —
Поет гармонь.
Плечо к плечу —
А ну-ка тронь!

ТОЧИЛО

Если найдется
В сарае точило —
Наточишь стамеску,
Тупое зубило,
Ножик и ножницы,
Все, что захочешь...
Только тупицу
Ничем не наточишь.

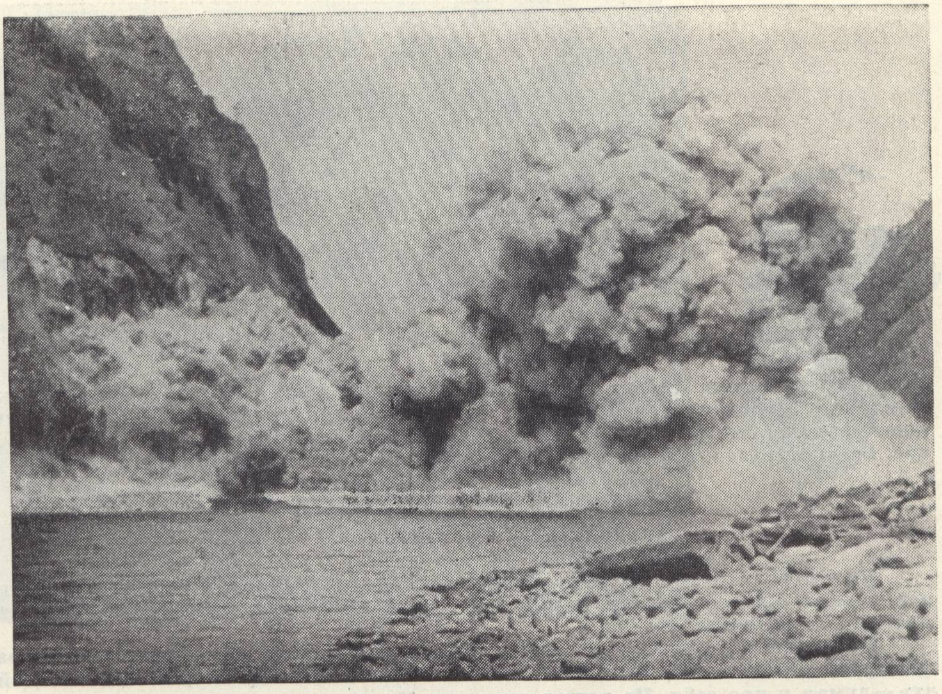
МЫСЛИТЕЛЬ

В лесные города свои
Поклажу тащат муравьи.
Лишь на одном не вижу клади;
Вот он с трудом плетется сзади.
— Чем ты, скажи, обременен!
— Несу я мысль,— ответил он.

Перевели с еврейского И. Прокофьев, Ю. Вронский, Т. Спендиарова.

Н. ПОЯРКОВ,
Д. УХТОМСКИЙ

СТРОИМ САЯНО-ШУШЕНСКУЮ ГЭС. МЕТАЛЛ ДЛЯ ЭТОЙ СТРОЙКИ ДОЛЖЕН БЫТЬ ПИОНЕРСКИМ! ЧИТАЙТЕ РЕПОРТАЖ С БЕРЕГОВ ЕНИСЕЯ.

Мальчишки ждут

«Какая она будет?», «Когда?», «Где?»... Вопросов тысячи, похожих и непохожих. Ребята узнали о Саяно-Шушенской ГЭС и пишут к нам в журнал, на стройку.

Толя Чернецов из поселка Кола Мурманской области просит как можно скорей рассказать «историю гидростанции». Он, верно, думает, что ГЭС уже построена. Пятиклассники из города Зеленогорска Ленинградской области хотят знать, как будет выглядеть плотина. А пионеры из Челябинска спрашивают, сколько нужно гидростроителям металлолома.

Нам понятно нетерпение ребят. Ведь с Саяно-Шушенской не сравнишь ни одну гидроэлектростанцию. Ни Братскую, ни даже Красноярскую.

Она встанет в семидесяти пяти километрах от Шушенского, где жил в ссылке Владимир Ильич Ленин. Плотина будет высотой с шестидесятиэтажный дом. А каждый из двенадцати генераторов будет могуч, почти как Днепрогэс. Представляете, сколько металлолома понадобится для такого агрегата — около двух тысяч тонн! Миллионам ребят хватит работы...

Но все это вырастет через несколько лет. Пока тут идет только подготовка к строительству. Топографы и геодезисты измеряют и исследуют прибрежные скалы, дно. Инженеры уточняют проекты. Строятся дома, подсобные заводы. Встают мачты высоковольтки. Многотонные экскаваторы и самосвалы прокладывают на берегу шоссе.

Журналист Николай Поярков и фотокорреспондент Дмитрий Ухтомский побывали на месте стройки. И вот некоторые их рассказы.

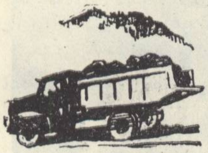
НЕ ПРОСТО КЛУМБА

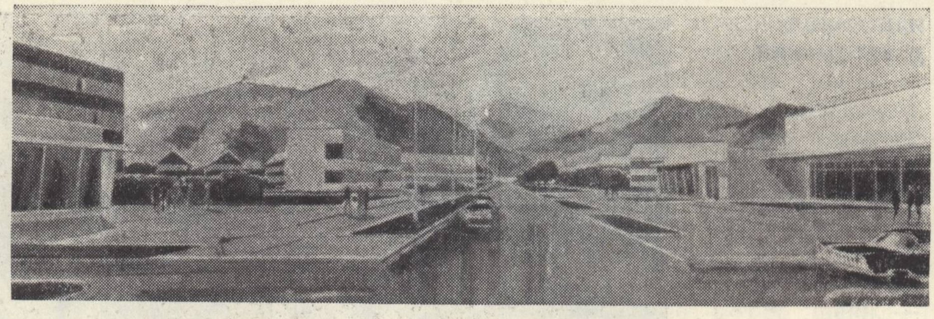
Я хожу около новых двухэтажных домов в поселке строителей Майно. Под ногами хрустит гравий. Солнце разлеглось по скамейкам — некрашеным, пахнущим смолой.

Крайний дом не достроен, стоит в лесах. Врассыпную, затейливой дробью перестукиваются топоры.

Неподалеку двое мальчишек поливают из леек клумбу. Один присаживается на корточки, осторожно поднимает поникшую головку цветка.

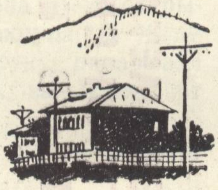
Клумба — это не просто клумба. Это — начало бульвара в будущем городе. Его мальчишки видели на проекте в конторе. Отличный город: асфальт, дома

Будущий город. Таким увидели его на рисунке мальчишки.

большие, универмаг весь из стекла... Мальчишки уже выбрали себе квартиры, вон там, у столетних кедров. Кедры эти останутся, их не тронут. Гидростанцию, конечно, тоже смотрели на рисунке. Ух, какая плотина! И море огромное-огромное. Горы за створом в него по пояс уйдут, некоторые даже с головой...

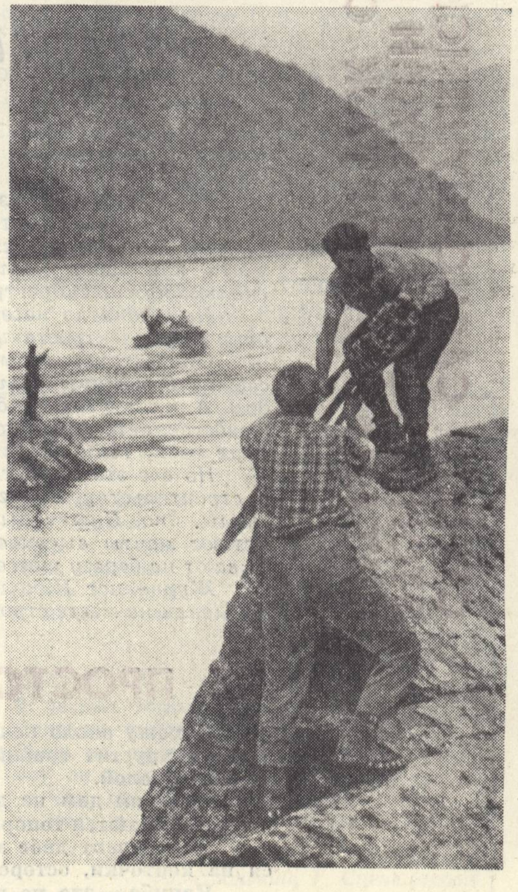
ТОПОГРАФЫ

Километрах в двадцати от поселка — Карловый створ: место, где плотина перегородит Енисей. Тут геологи и топографы обследуют скалы. Для проекта нужны самые точные сведения.

На створе я упросил топографов прихватить меня с собой в горы. Топографы сразу взяли такой темп, что я почти задохнулся. «Ну нет, не сдамся. Дойду»,—думал я про себя. Не дошел все-таки. Последних десяти метров не дошел. Сердце разрывалось на части, рот хватал и не мог ухватить воздух — я проклинал свою нескладную, неспортивную жизнь.

Но я не жалел, что увязался за топографами. Я смотрел, как они, груженные увесистыми инструментами, не останавливаясь и не сокращая шаг, взбирались по круче. Ну вот, остановились наконец. Здоровы, ничего не скажешь... Скалолазы!

Далеко внизу поблескивал Енисей. Под ногами по соснам ползло облако. Оно прикрыло постройки у створа, и только по гудению катера я знал, что люди вообще существуют и никуда не исчезли. Если бы не это гудение, не заметил бы, наверное, до чего вокруг тихо.

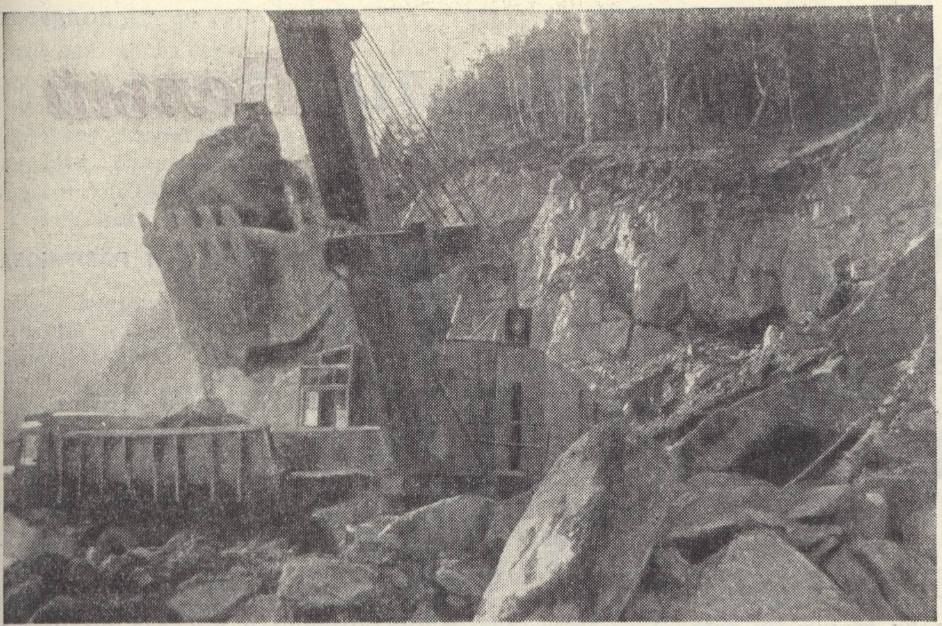
Каждый геодезист — скалолаз, перворазрядник.

ВИДУНОК

Один электрик мне рассказывал:

— Зовут его Видунок. Фамилия такая. Ну вот, зимой, когда этих высоковольтных опор еще не было, Видунок у нас отличился. Энергию мы на правый берег пускали по кабелю. Толстый канат такой висел над Енисеем. А река тут, в горах, напористая, посередине даже в сильный холод не замерзает. И случись, оборвался в кабеле провод. Как раз над этим потоком. Что делать? Видунок тогда и решился. «Попробую,— говорит,— полезу».

Вы в цирке эквилибристов видали? Так вот, то в цирке, а здесь Енисей, высота жуткая, льдины под тобой, и мороз почти тридцать градусов. Проползти, скажем, два-три метра или там десять нашим приходилось. Но тут же сотни метров — триста с гаком, а то и все четыреста! Глядим мы, как человек, лежа, гусеницей по этим метрам перебирается,— сердце падает. Ну как ослабнет, закоченеет? А доползет — каково ему там, над потоком, злосчастный тот провод ремонтировать? И, представьте себе, дополз! Соединил провод. И вернулся живздоров. Вот какие у нас бывают случаи.

Сначала взрыв. Потом экскаваторы убирают обломки скал. Так рождается шоссе.

ВОТ-ВОТ

На огромном камне в самом устье Джоя — притока Енисея — мальчишки удят рыбу. Гудит синяя вода, высоко в небе рыжее солнце жжет верхушки сосен.

Мальчишка ведет леску вниз по протоку. Удилище дрогнуло. Мелькнула в воздухе быстрая тень... И забился, затрепыхался, изгибаясь и дергаясь, большущий хариус! Будет уха...

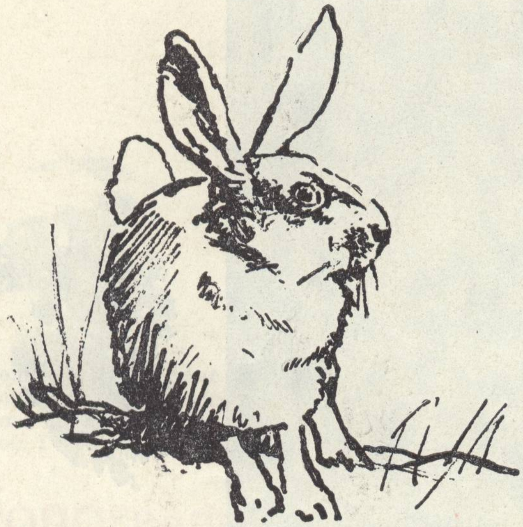
Пока повсюду покой, ожидание. Ждет тайга, ждут строители, ждут мальчишки. Но вот-вот наступит момент, когда все встанет здесь на дыбы. Приедут главные отряды механизаторов, привезут исполинские машины. Пойдут в атаку на горы. И стройка загремит тысячами могучих голосов. Тогда уже ничего нельзя будет узнать — все будет по-иному.

Хороша на Енисее рыбалка!

Эрскин КОЛДУЭЛЛ

Молли-Белый хвостик

Рисунки П. ПАВЛИНОВА.

Моя тетка приехала к нам в гости, и вот мы все сидели около огня и разговаривали. Вернее, говорила тетя Нелли, а мама только поддакивала. Отец изредка заходил в комнату, каждый раз на несколько минут, а потом выходил опять, чтобы пройтись вокруг дома и посидеть у сарая. Они с тетей Нелли не очень-то ладили. Тетя Нелли была уверена, что нет никого остроумнее ее, а мой отец не хотел спорить на этот счет, чтобы не выйти из себя.

Муж тети Нелли уехал на охоту во Флориду, а она приехала к нам в Каролину погостить на это время. Мой дядя до смерти любил охоту, и все свое время тратил на то, чтобы пострелять дичь.

— Бесс,— спросила тетушка мою маму,— а Джонни любит охоту?— И она кивнула в мою сторону.

Мама ответила отрицательно, и это было правдой. Я любил ловить кроликов и белок для забавы, но никогда не убивал их. В то время у меня как раз была любимица курочка, попавшая когда-то под колесо, которое сломало ей ногу. Я спрятал ее в сарае так, чтобы отец не видел. Она оставалась там две недели, и, когда нога срослась, я ее выпустил с другими цыплятами во двор. Когда же отец все-таки ее обнаружил, он сказал, что ей придется умереть, если я не позабочусь о ней и не буду кормить ее: она не могла выкапывать червяков, как остальные куры. Ее нога срослась, но была кривая, и курочка при каждом шаге хромала.

— Да,— сказала тетя Нелли моей маме,— позор, что он не любит охоту. Из него никогда не получится настоящего джентльмена-южанина.

— Но, Нелли,— запротестовала мама.— Джонни не любит убивать.

— Какая чепуха!— сказала тетушка насмешливо.— Каждый джентльмен на юге любит охоту. Только богу известно, что получится из Джонни.

Отец, несомненно, был бы на моей стороне, если бы он находился в комнате в это время. Он тоже не любил убивать животных.

— Я разочарована в своем племяннике. Он не настоящий южанин и никогда им не будет, если не займется охотой...

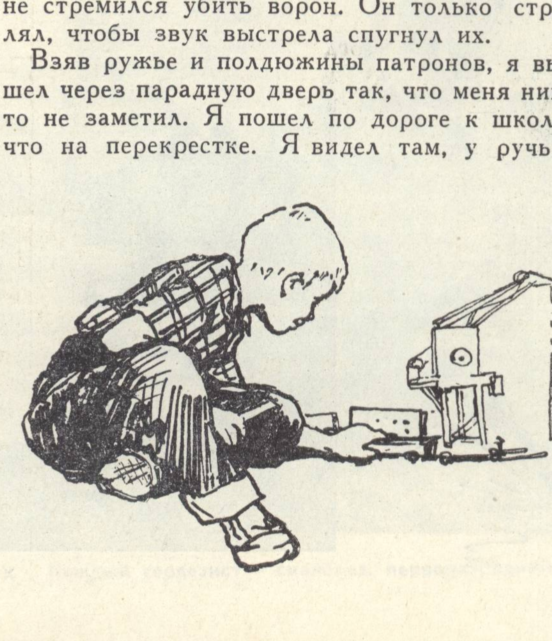
Тетка всегда долго говорила на одну и ту же тему, уж если начала.

А я совсем не хотел быть настоящим южанином, но мне и не хотелось, чтобы она обо мне так говорила. Каждое лето она писала матери, приглашая меня к ней в Мерилэнд, и мне хотелось в этом году опять туда поехать.

Мой отец услыхал ее слова и, выйдя во двор, кидал камешки в стену сарая.

Я пошел в столовую, где висело охотничье ружье, и снял его. Из него обычно стреляли, чтобы отпугивать весной ворон, которые уничтожали молодые побеги. Отец никогда не стремился убить ворон. Он только стрелял, чтобы звук выстрела спугнул их.

Взяв ружье и полдюжины патронов, я вышел через парадную дверь так, что меня никто не заметил. Я пошел по дороге к школе, что на перекрестке. Я видел там, у ручья,

много кроликов каждый раз, когда шел в школу и возвращался домой. Это были крупные кролики с серыми спинками и белым подшерстком. У всех были длинные и тонкие уши и белый, как будто ватный, шарик вместо хвоста. Они мне очень нравились.

Я остановился на мосту через первый ручей и облокотился о перила. Через несколько минут я увидел двух кроликов, которые прыгали по дороге впереди меня. Подняв ружье, я пошел к ним. Через сотню ярдов от моста дорога врезалась в холм, и по обеим сторонам дороги возвышались склоны высотой в 16—20 футов. В это время года, когда почти каждое утро сильно подмораживало, на южном склоне было теплее, так как солнце освещало его почти целый день. Я уже раньше видел нескольких кроликов, сидящих в норках на склоне, и я знал, куда направлялись эти два кролика. Добравшись до южного склона, я увидел серую крольчиху, сидящую на солнце у норки. Когда я увидел ее, я поднял ружье к плечу и прицелился хорошенько. Крольчиха мигала и жевала кусочек травы, которую она, должно быть, где-то нашла под корягой. Я был в 12—10 футах от нее, но думал, что будет лучше, если я подойду поближе, чтобы наверняка убить. Тогда я возьму крольчиху домой и покажу тетушке. Я хотел, чтобы она опять пригласила меня провести у нее лето.

Я подбирался ближе и ближе, пока не оказался в сухой водосточной канаве в трех футах от крольчихи. Она продолжала мигать и жевать траву. Мне не хотелось убивать ее, так как я видел, что она и не помышляла о смерти и ей очень нравилось сидеть на солнце и жевать траву. Но моя тетя Нелли считала, что мальчик должен быть спортсменом и убивать всякую дичь, которую он увидит. Мне ничего не оставалось делать. Я должен был застрелить крольчиху, чтобы принести ее и показать тетке.

Я хорошенько прицелился, закрыл оба глаза и нажал на курки, один за другим. Когда я открыл глаза, крольчиха продолжала сидеть, уставившись на меня. Я был рад, что, несмотря на выстрелы, крольчиха осталась жива, и, бросив ружье, вскарабкался на откос и поймал крольчиху за длинные уши. Я поднял ее и держал крепко, чтобы не убежала. Она так испугалась выстрелов, что вся дрожала, как собачонка, которую побили. Когда я взял ее на руки, она уткнулась носом в свитер и перестала дрожать, пока я гладил ее шерстку.

Держа крольчиху крепко в правой руке, я поднял ружье и побежал скорей домой.

Отец сидел на заднем дворе, когда я прибежал.

— Что это у тебя? — спросил он.

— Крольчиха, — ответил я.

— Как ты ее поймал?

— Я выстрелил в нее, но промахнулся. А потом поймал за уши и принес домой.

— Послушай, Джонни, — сказал он. — Ты

— Что у тебя там, в ящике? — спросила тетка.

— Крольчиха,— поспешил я ответить.

— Где ты ее взял?

— Я стрелял в нее из ружья, но не попал, а она не убежала, и я принес ее домой.

Тетка с отвращением повернулась к маме.

— Вот, пожалуйста, Бесс! Что я тебе говорила!

Я не слышал, что сказала мама. А отец встал и пошел в сарай. Тетка пошла в дом и сильно хлопнула дверью. Мама несколько минут стояла, глядя на меня так, как будто я в конце концов поступил правильно.

Вынув крольчиху из ящика, я пошел в сарай к отцу. Он сидел и шелушил колосок для цыплят, которые собрались около него. Я сел рядом и выпустил крольчиху.

ведь не стрелял в крольчиху, когда она сидела?

— Нет, я стрелял,— признался я, торопливо добавив: — но я не попал в нее.

— Ну и хорошо, что не попал. Хороший спортсмен никогда не стреляет в сидящих кроликов. Хороший спортсмен никогда не будет стрелять в птицу, пока она не полетит. Настоящий спортсмен всегда дает возможность животным, на которых он охотится, избежать смерти.

— А тетя Нелли сказала, что я должен убить кого-нибудь, но она ничего не говорила, что нельзя убивать сидящих животных.

— Не обращай внимания на тетку. Она не знает, что говорит.

Я дал отцу подержать крольчиху, пока я нашел ящик для нее. Когда я все приготовил, я пустил ее в ящик и плотно закрыл.

— Что ты собираешься с ней делать?— спросил отец.

— Она будет жить у меня.

— Я бы не сажал ее в ящик,— сказал он со странным выражением на лице.— Если она захочет остаться, она не убежит. А если она не захочет остаться, то замучится до смерти в этом ящике. Открой-ка, и мы посмотрим.

Я боялся выпускать крольчиху, так как не хотел, чтобы она убежала. Но отец знал гораздо больше о кроликах, чем я. Как раз в этот момент тетка Нелли и мама вышли на заднее крыльцо.

— Почему бы тебе не назвать ее Молли-Белый хвостик?

— Что это значит?

— У нас тут два вида кроликов: с белыми хвостиками и без белых хвостиков. У этой белый хвостик. Видишь, белый пушок на хвосте, как будто ватный шарик.

Крольчиха опять попрыгала и села на свой белый хвостик. Цыплята совсем ее не боялись. Они подходили к ней и подбирали зерна, как будто она была тоже цыпленком.

— Почему ты не сходишь в сад и не принесешь ей салата?.. Принеси хорошего, молодого салата из парника. Все кролики любят салат,— сказал он.

Я принес салат и дал ей. Она приблизилась к нам, прося еще. Я отдал ей все, что у меня было, и она ела прямо из рук.

— Если бы ты ее застрелил, ты бы теперь пожалел об этом,— сказал отец. Ясно было, что ему понравилась моя крольчиха. Она все прыгала перед нами, играя с цыплятами. Цыплятам она тоже понравилась.

— Конечно, лучше иметь ее живой, а не мертвой,— сказал я, осознав вдруг, что она мне ужасно нравится.

Молли прыгала между нами и ткнулась носом в руку отца. Он протянул руку, чтобы погладить, но она увернулась.

— Ну, не бойся, Молли!— успокоил он, протянув руку к нашей крольчихе.

Перевела с английского Ю. Арбеньева.

КАК ТЫ УЧИШЬСЯ?

Некоторые взрослые любят задавать этот вопрос. Даже отвечать скучно! Наш вопрос звучит так же, но на самом деле он вовсе не о твоих отметках, а о другом. Как ты учишься, то есть как ты это делаешь?

— Учусь и учусь, обыкновенно... — ответишь ты и вот здесь-то как раз ошибешься.

У нас многое так: на первый взгляд просто, а чем больше вникаешь, тем сложнее и сложнее оказывается. И тем интереснее. Вот ты встал и сделал шаг. Чего проще — один шаг. А для того, чтобы шаг получился, сотни приказов побежали от мозга, сотни сигналов побежали к мозгу.

Но удивительная тайна шагания — ничто в сравнении с удивительной, сложной, загадочной работой твоего мозга, которая начинается, как только ты сядешь готовить уроки.

Эту работу вот уже много десятилетий медленно, шаг за шагом изучают ученые. Давай и мы с тобой попробуем!

Где? В нашей специальной научно-исследовательской лаборатории.

Что мы будем изучать и исследовать? Да самих себя, работу своего мозга, своей памяти, своего внимания и многое другое, из чего складывается захватывающая тайна того, как ты учишься.

Вот письмо, полученное недавно от одного мальчика. «Прямо не знаю, что я за человек такой: вечно опаздываю в школу и на музыку.

Со временем у меня просто беда. «Ну,— думаю,— на все уроки мне и часа уж наверняка хватит». А потом гляжу — в школу пора. «Ну,— думаю,— на дорогу десяти минут, наверное, хватит». А пока форму наденешь да книжки все соберешь,—и прошли эти десять минут. Что мне с собой делать?»

И надо же такое совпадение: несколькими днями раньше пришло другое письмо от шестиклассника Андрея. Фамилию, как это случается у ребят, он забыл написать. Андрей совсем из другого города и, разумеется, никогда не читал первого письма, но кажется, будто он именно на него ответил.

«Я решил в этом году, кроме музыки, еще и спортом заниматься. Мне очень надо: я в своем шестом классе почти что всех слабее. Чтобы успевать с уроками, я вот что придумал: кладу перед собой часы и составляю себе точный расчет, сколько мне надо на арифметику, сколько на русский, сколько на другие предметы.

Живу так вот уже две недели и все успеваю».

Что же случилось с Андреем? Разберемся! Ведь часы не волшебный талисман. Они показывают время — и все тут! А между тем часы помогли Андрею. И вот как: он не просто учил уроки, он следил за своей работой, думал, как лучше ее организовать.

Когда человек действует обдуманно, контролирует себя и свой труд, он поднимается на ступеньку мастерства.

Молодец, Андрей! Его открытие наша лаборатория принимает и отдает «на вооружение» всем остальным ребятам.

Встающие на крыло

Есть такие выражения у охотников: «встают на крыло», «встали на крыло». Так говорят о птенцах, которые учатся летать, уже отрываются от земли, завоевывают воздух.

На севере нашей страны есть город Сыктывкар — столица Коми АССР. Там живут ребята, про которых тоже можно сказать: они «встают на крыло». Это члены республиканского клуба юных летчиков «Ракета».

Конечно, птица — что! Птице легко. Для нее это вопрос тренировки, одного-двух дней. Человеку стать крылатым куда труднее. Знания, труд, дисциплина, характер — вот его крылья! Каждый вступающий в «Ракету» дает клятву. «Я клянусь,— говорит он,— повседневно овладевать знаниями, добиваться примерной дисциплины и организованности, быть выносливым, не бояться трудностей и мужественно преодолевать их...» А первые трудности, с которыми сталкиваются ребята, в них самих. И члены «Ракеты» мужественно преодолевают их. Вот Юра Конаков, например. В 5-м «В» у него была печальная слава

Так начинается день в лагере юных летчиков.

Перед вами Галя Шаня и Ира Попова (чьи пилотки торчат внизу, не выяснено). Пилот Артур Рейш принимает ребят в кабине самолета.

ленивого и равнодушного человека. Теперь он волевой, энергичный, сразу видно будущего летчика. И как учится!

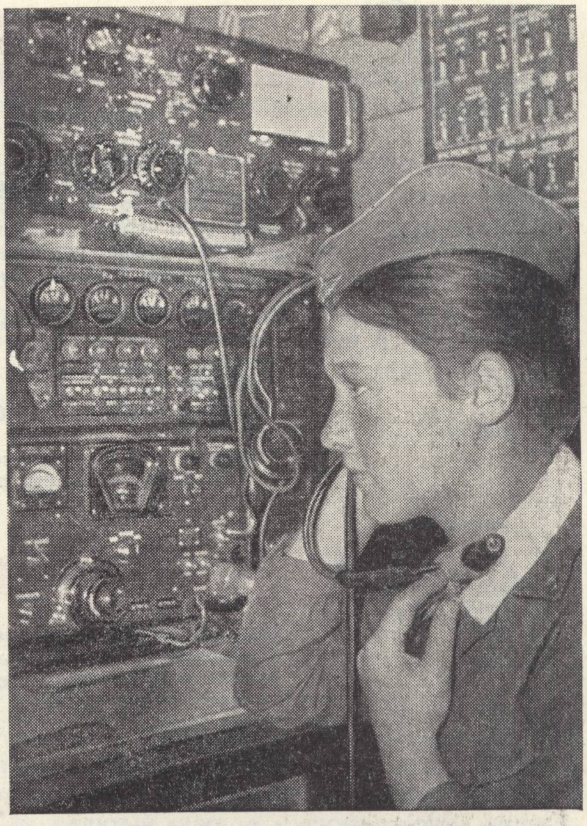
Мальчики и девочки в клубе «Ракета» объединены в эскадрильи. Каждая эскадрилья в среднем человек тридцать.

У клуба свое знамя, своя форма, знаки различия. Сначала «Ракета» имела только один адрес: Сыктывкар, аэропорт. Теперь у нее много адресов: филиалы этого замечательного клуба существуют и в других аэропортах Коми АССР.

Кто же помогает им встать на крыло? Летчики, инженеры, радисты аэропорта.

Члены «Ракеты» могут выбирать для изучения специальность летчика, радиста, авиамеханика. Девочки, кроме того, могут пройти подготовку бортпроводницы. По окончании ребята получают диплом, дающий право вне конкурса поступать в любое авиационное училище.

«Вот бы и нам...» — подумают многие, прочитав эти строки. Что ж, если в ваших краях есть хоть маленький аэродром гражданской авиации, это вполне осуществимо. Идите в райком или в горком комсомола. Он с помощью летчиков может все организовать, тем более что Центральный Комитет комсомола рекомендует перенимать это хорошее дело.

Галя выбрала. Она будет связисткой.

Фото Б. ВДОВЕНКО и Г. ГОЛЬДБЕРГА.

Транзисторный приемник, конечно, не ахти что. Но как это здорово — услышать знакомый голос с неба.

ТРУБИТЕ СБОР!

ПРЕДЛАГАЕМ КОМПЛЕКС ПИОНЕРСКОЙ РАЗМИНКИ!

Кончилось лето. Пришел новый школьный год. Пионерский год начнется немного позже. 2 октября — старт соревнования пионерских дружин.

Всем известно: на соревнования не отправляются просто так. Нужна разминка, нужна зарядка, чтобы разогреться, войти в форму, рассчитать свои силы. Вот и давайте, пока есть время, устроим такую разминку в нашей дружине, в нашем отряде.

ЧТО НУЖНО ДЕЛАТЬ! Нужно, не теряя ни секунды, организовать в дружине конкурсы.

КАКИЕ КОНКУРСЫ! Самые разные. Лишь бы были они интересны.

Состязание хитроумных.

Конкурс отрядной песни.

Строевой смотр.

Конкурсы помогут вам объединить всех ребят, увидеть и оценить в деле себя и своих соперников.

Конкурсы — наша пионерская разминка перед соревнованием. Чтобы они удались, нужно знать три важных секрета.

СЕКРЕТ ПЕРВЫЙ

Каждый должен знать, что замышляется в дружине. Подойдешь к любому мальчишке в коридоре, а он тебе все подробно и точно расскажет.

Как этого добиться! Повесим на видных местах громадные афиши и плакаты. Подготовим специальные выпуски газет. Расскажем обо всем по радио. Пошлем активистов во все отряды.

СЕКРЕТ ВТОРОЙ

Пусть подготовка к конкурсам и смотрам займет как можно меньше времени; пусть каждый день во всех отрядах будет известно, кто сегодня, именно сегодня, победил, кто отстает, кто догоняет победителей.

На дверях отрядов, идущих впереди, будем вывешивать короткие сообщения. В них похвала, а еще — информация о том, что отрядом придумано. Тут к строевому смотру сочинили свою отрядную песню, там шьют красивые пилотки...

СЕКРЕТ ТРЕТИЙ

Все ребята должны знать, что ждет победителей. Конечно, это не так уж хорошо из-за награды стараться, но на первый случай можно.

КАК МЫ НАГРАДИМ ОТРЯД-ПОБЕДИТЕЛЬ! Отправим в автобусную поездку по городу. Кино бесплатно покажем. Дадим палатки, да хороший маршрут, да инструктора подходящего — идите в поход, ребята, вы заслужили!

ПОСМОТРИТЕ, КАКОЙ КОНКУРС ВАМ БОЛЬШЕ НУЖЕН. Если в вашей дружине ребята ходить не умеют, если стыдно смотреть, когда идет отряд по улице, тогда, конечно, строевой смотр.

Если в пионерской комнате разор и запустение, тогда конкурс на лучший проект оформления. А то пусть все отряды подумают, какие сюрпризы они подготовят для других отрядов в ближайшее воскресенье. Новую игру. Небольшое цирковое представление. Турнир смекалистых.

Проведете один-два таких конкурса, и сами увидите, что готова ваша дружина в дальний поход. И настроение у всех хорошее, и работать хочется.

Доброго вам пути, отряды и дружины!

ТРУБИТЕ СБОР!

Якорь

А. МИРОВ

Не прыгнешь!

— Прыгну!

— Ну прыгнешь, а не достанешь. Здесь глубоко.

— Метров пять.

— Больше!

Они сидят в большой старой лодке. Брат и сестра. Сестра — на корме, длинная, худенькая, черноглазая и очень смуглая. Брат — на носу, меньше ее ростом, но плотный, широкий в плечах, с легким, желтоватым загаром. Ей одиннадцать лет, ему четырнадцать.

Молчат.

С утра над рекой висит солнце. Ветра нет. Река, как расплавленное серебро. Жара. Полдень.

— Слушай, Тань, а сколько здесь, как думаешь?— спрашивает он.

Сестра насмешливо фыркает.

— По веревке посмотри, сколько с якорем потеряли.

Он смущенно чешет спину. Он и сам думал об этом, но не хочется признаться даже самому себе, что здесь не меньше восьми метров глубины, а то и больше.

— Да, метров семь есть.

— Больше! — вздыхает она и, наклонившись вперед, смотрит на него в упор насмешливо и выжидающе.

Брат дышит спокойно и ровно, стараясь унять дрожь, противную дрожь страха. Лодка мерно покачивается на мягких, почти незаметных волнах,— большая, старая, но очень надежная. Под нею восемь метров глубины, и там никого нет, кроме рыб. А может быть, и есть кто-нибудь, кроме рыб?..

Правая нога у него предательски дрожит...

Когда ныряешь, первое время ничего не соображаешь, вокруг какой-то легкий звон: потом открываешь глаза, в них лезет светло-зеленая вода, внизу колышутся солнечные лучи и пропадают в жуткой холодной зелени. Болтаешься в звенящей тишине, и нет ей дна, и кажется, что она сейчас схватит тебя сзади за пятки...

...Он вздрагивает всем телом, по спине бегут мурашки. Сестра смеется, наклонив голову, вытянув худую шею. Глаза у нее ехидные.

Кто может сказать, что ее брат — трус? Никто! Она сама видела, как он дважды за один день переплывал реку. А Вуокса здесь широка, так широка, что похожа на Волгу, только противоположный берег ее горист и весь покрыт синеватым хвойным лесом.

Кто из рыбаков выходит на ловлю в любую погоду? Только ее брат! Только он спокойно шагает по пляжу, таща тяжелые весла и якорь, в то время как все остальные нерешительно поглядывают на разгулявшиеся волны и молча дают ему дорогу. Никто не может сказать, что он трус, но вот уже битых полчаса, как они сидят в лодке, и сестренке этого достаточно, чтобы забыть все его подвиги.

Да, он боится нырять, с этим ничего не поделаешь, и предпочитает оставаться наверху, где всегда знаешь, сколько еще у тебя сил, а не барахтаться внизу, где тело, как надутый шар, а мускулы почти ничего не значат.

...В субботу вечером они с отцом ловили здесь крупную плотву. Дул сильный холодный ветер. Шла большая волна, и лодку все время тащило с нужной глубины к берегу. Дно здесь илистое, зацепиться не за что, и якорь пахал его, а отец смеялся, называя себя и сына огородниками. Как назло, брала хорошая плотва, и только на одном месте. Несколько метров к берегу — и клев прекращался, приходилось выгребать против волны, снова бросать якорь. Они здорово промокли, замерзли, а дело продвигалось медленно. Наконец веревка туго натянулась, лодка зарылась носом в волну— якорь крепко впился в дно.

Плотва шла одна за другой, клев был великолепный. Отец и сын весело махали удилищами вплоть до ужина.

А когда сын потянул веревку, она не подалась. Потянул сильнее — лодка врезалась в волну и двинулась вперед. Они вместе ухватились за веревку и, упершись коленями в борта, долго мучились, совершенно вымокшие и злые.

— Хватит. Зацепился якорь, все равно не вытащим,— сказал отец и, помолчав, чертыхнулся. Потом сказал: — Попробуем еще.

Снова тянули.

— Нет, крепко зацепился.

— За что? Здесь ил.

— Бревно или, может быть, баржа, как вон та, на берегу.

Посидели, устало опустив горящие от веревки руки.

Разрумянившееся солнце осторожно пристроилось на горбу каменистой косы, скупо разливая мягкий вечерний свет. От пристани слабо, против ветра, донеслось:

— ...ло-о-дя!.. о-оша!

— Мать пришла, — сказал отец, — придется резать.

Сыну стало жалко якорь.

— Погоди! — крикнул он.

Он схватил толстое сосновое удилище, сломал его о колено.

— Теперь режь.

Отец усмехнулся, подождал, пока сын перехватит веревку, и полоснул по ней большим столовым ножом. Конец веревки Гоша привязал к белой, очищенной от коры палке, отпустил ее, и лодку понесло к берегу.

— До утра продержится. Палка белая, ее далеко видно, так что найду.

— Ты что, нырять собираешься? — удивился отец.

Гоша молчал, старательно работая веслом.

Отец знал, что сын боится нырять, и — в который раз! — выручал его, привозил якоря, но четыре якоря за неполный месяц — это уж слишком.

Малодушие можно простить раз, два, но когда оно повторяется, это становится похожим на черту характера, а тут еще ты ему сам потакаешь...

Правда, здесь довольно глубоко и течение сильное, но мальчишка плавает, как рыба, вон какая грудная клетка и плечи! Ничего, пусть повоюет с собой.

— Вот что: я на следующей неделе приехать не смогу, значит, якоря тебе не будет. Лови у берега или с кольев. Сам виноват. А насчет ныряния — с осени будешь ходить в бассейн, там научат нырять. Перестанешь бояться глубины.

И вот сейчас Гоша думал о том, как он будет доставать якорь; и еще он думал, как нудно и неинтересно ловить без якоря и как ему все время не везет с якорями. Раз отец сказал, значит, так и будет: больше не привезет...

На каменистой косе женщины стирают белье, на гранитных валунах сушатся красные, желтые и белые тряпки, в мелкой воде визжат ребятишки — отсюда все это кажется маленьким и дрожащим. Солнце печет очень сильно, и воздух струится, как тонкий, бесцветный дым.

Таня вздыхает и начинает шлепать босыми ногами по воде, скопившейся в лодке.

Гоша понимает ее. Ведь так можно просидеть и весь день. Это все равно, что проваляться на пляже, как те бездельники. А какие лещи сейчас гуляют в траве, в устье речонки! Позавчера они с сестрой натаскали килограмма четыре. И голавли шли и средний окунь — в такую жару! Все местные и дачные рыбаки просто обалдели.

Нет, дальше так нельзя. Или махнуть рукой на якорь, или... А что, если только посмотреть, нырнуть, подтянуться по веревке, сколько хватит дыхания, посмотреть — и наверх?

— Греби.

— Чего? — спрашивает сестра и удивленно таращит на него свои черные глазищи.

— Греби, говорю!

— Куда?

Вместо ответа брат ложится животом на нос лодки и опускает правую руку в воду. Сестра срывается с кормы и бежит к веслам. Лодка медленно движется к белой палке, почти ушедшей под воду. Брат ловит палку, втягивает ее в лодку, обматывает цепью от замка. Теперь можно нырять: веревка натянулась, как струна, и под небольшим углом уходит в воду; по веревке легче спуститься вниз, меньше уйдет сил. Может, еще подергать: вдруг отцепится? Нет, крепко сидит. Лучше прыгать с лодки: выиграешь верных два метра.

Страх постепенно проходит, становится даже весело оттого, что решился.

Гоша встает на нос лодки, распрямляется, глубоко и ровно дышит. Делает еще один глубокий вдох, стараясь заполнить всю грудь, и прыгает головою вниз в воду.

В ушах журчащий шум. Гоша идет вниз, вытянув руки и закрыв глаза. Пытается нащупать веревку. Открывает глаза: вот она, веревка, идет справа, совсем близко. Он судорожно хватает ее.

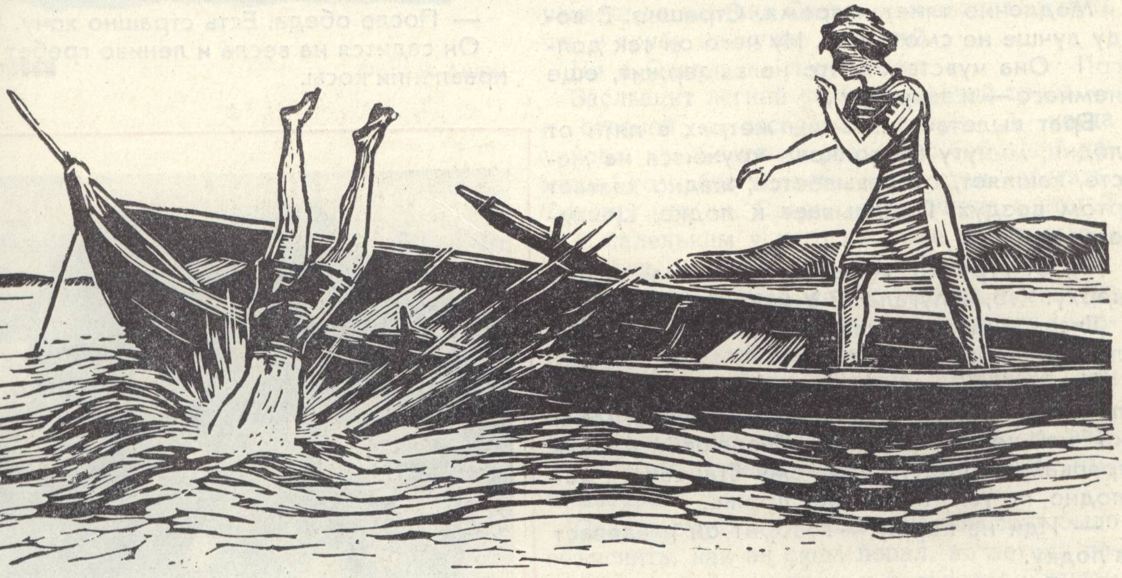
В мозгу никаких мыслей, только руки автоматически перебирают веревку и ноги ритмично работают «ножницами». Вниз, вниз, еще, еще... Он замечает, что становится темней... Еще немножко вниз... Не хватает дыхания или только кажется, что не хватает? Он останавливается. Солнце и лодка высоко наверху, а здесь мутная темнота. Нет, не нужно было ему останавливаться, потому что в следующую секунду

он летит наверх, как хорошо надутая волейбольная камера, пуская пузыри и отчаянно работая руками и ногами!

Он вылетает из воды почти до пояса, чуть не ударившись головой об обшивку лодки. Уцепившись за веревку, отфыркивается, жадно дышит.

Струсил, вернее, немножко струсил. Ну ничего, самое главное сделано — он нырнул, и нырнул глубоко. Но почему он не видел дна? Нет, кажется, дно видел.

— Как? Видел? — спрашивает сестра. У нее тонкие длинные руки и испуганные глаза.

— Ага, видел... дно... Ух, и х-холодно там!..

— А якорь?

— Погоди, с-сейч-час... сейч-час я до него доберусь.

От возбуждения у него начинают стучать зубы. Теперь он почти не боится. Теперь ему даже весело.

— Послушай, если трудно, не надо. Отец сказал...

Снова всплеск. Таня кидается на нос. Теперь она боится, за него боится. Она смотрит вниз и видит, как мелькают его ноги: лодка покачивается, веревка равномерно вздрагивает, и вот она уже не видит его ног; глубоко внизу мелькает светлое колеблющееся пятно, вот и его уже нет. Ее маленькое загорелое лицо морщится, губы некрасиво растягиваются, она начинает тихо хныкать.

На этот раз он спокойнее: быстро и равномерно перебирает руками, не останавливаясь, идет вниз. Ничего не замечает, перед глазами только веревка, веревка, веревка... Стоп! Левая рука нащупала железо. Вот он, якорь! Вокруг тусклый свет, дно серое, вода мутная. Ил. Кругом ил. Гоша дергает якорь — не поддается. Дергает еще и еще... Потом ощупывает его левой рукой, правой держится за веревку. Ага, бревно! В иле большое, толстое бревно. Одна из лап якоря прочно вошла под него. Значит, нужно... Не хватает воздуха. Грудь и диафрагма сжимаются от напряжения... Наверх!..

Он отдыхает, держась за борт лодки. Зубы стучат, как кастаньеты, но глаза смеются, серые раскосые глаза. Сестра тоже смеется, размазывает слезы.

— Ты чего ревела?

— Испугалась. Тебя совсем не видно было.

— Г-говорила, не н-нырну, а я... якорь нашел.

— Н-ну?!

— Ага, нашел. Бревно там... Н-нужно вытащить.

— Гош...—Лицо ее опять морщится. — Отец сказал, сказал... что ты все равно не достанешь, и... ну, только он не велел этого говорить... в общем, не ныряй, а?

Он удивленно смотрит в ее потеплевшие, ставшие светло-коричневыми глаза. Улыбается.

— Ну нет! Это я-то не вытащу? Что ж я, зря... Это... Да я еще неделю с ним ловить буду. Сейчас вытащу. Ослабь веревку: туго натянута, а его нужно из-под бревна выдрать... Вот так. Хватит! Смотри, червей уро-

нила в воду; собери и воду вычерпай. Я сейчас...

Он опять спустился к бревну, держась за якорь, встал на дно коленями и пополз назад, изо всех сил дергая одной рукой, а другой цепляясь за вязкий, противный ил. Якорь неохотно, медленно, но поддавался.

Таня не собирает червей, не вычерпывает воду; она сидит на носу и потихоньку плачет. Потом опускается на дно лодки.

На косе среди других женщин стирает белье их мать. Не дай бог, если мать что-нибудь заметит! А Гошки все нет и нет! Чего он так долго? Здесь же глубоко!

Медленно тянется время. Страшно. В воду лучше не смотреть... Ну чего он так долго?! Она чувствует, что не выдержит, еще немного — и закричит...

Брат вылетает из воды метрах в пяти от лодки, минуту бестолково кружится на месте, кашляет, отплевывается, жадно хватает ртом воздух. Подплывает к лодке. Цепляется за борт.

— Ог-гурчика х-хватанул на... на самом верху. Что, испугалась? У-у, вредина!

Глаза у него полузакрыты, на губах застыла блаженная улыбка.

Несколько минут молчат. Над рекой висит плотная, пропитанная солнцем тишина. Только на косе женщины хлопают мокрыми тряпками о воду. Вдруг ему становится холодно, по телу пробегает дрожь.

— Иди на корму,— говорит он и влезает в лодку.

— Гош,— робко спрашивает сестра,— вытащил?

— Вытащил. Крепко, черт, сидел. А дно там противное! Ладно, вычерпывай воду, а я подниму пока.

— Гош,— еле слышно окликает она опять.— А Гош, ты уж прости меня... прости меня... прости, а...

— Да ладно! — отмахивается он.

— Нет, ты не знаешь.

Сестра отчаянно сжимает кулаки и, собравшись с духом, выпаливает:

— Отец-то якорь привезет, перед отъездом хозяину сказал, а я слышала. Он не велел тебе говорить до воскресенья.

Гоша резко оборачивается.

— Эх... эх, ты...— только и может он выдавить.

Сестра съеживается, садится на дно лодки в воду. С минуту они смотрят в упор друг на друга.

У нее такой жалкий, такой несчастный вид, что он не выдерживает, чуть улыбается.

— Ну, ладно, ладно. Может, и правильно, что не сказала: нырять бы не стал. А ты все-таки вредина!

Он упирается коленями в борта, натягивает веревку и резко рвет ее на себя. Затем сильно и легко выбирает метр за метром.

Наконец показывается якорь — большой, тяжелый, на его лапах видны куски ила.

— Вот и все,— говорит брат.

Сестра молчит, виновато поглядывая на него, скребет консервной банкой по дну.

— Вымой лицо,— приказывает он,— мать заметит, что ревела. И не болтай никому.

— Ладно. Ловить поедем?

— После обеда. Есть страшно хочу.

Он садится на весла и лениво гребет в направлении косы.

Вот ведь как вышло: льет дождь, а соревнования по футболу в полном разгаре!.. И юнкоры все равно принесут свежий репортаж в свою школьную газету.

Фото восьмиклассника Владиса Спехта.
г. Вентспилс.

СЛАВКА И ЕГО СОСЕД

В. МАТВЕЕВ   Фото В. Анни.

ЧТО ЗА ЧЕЛОВЕК СЛАВКА

Славке сейчас четырнадцать. Он носит башмаки сорок второго размера, и зовут его уже давно не Славкой, а Славой, но давайте на время забудем об этом, потому что в начале нашего рассказа ему только десять.

Он собирается стать моряком, но вовсе не обязательно капитаном или штурманом.

Он любит мороженое. Любит возиться с рыбками. Мечтает, чтобы ему подарили щенка.

Вообще в свои десять лет он больше любит, чем не любит.

Славка не мастер драться. Не станет он и обгонять других, чтобы оказаться первым. Предпочитает место с краешку, утверждая при этом, что ему-то как раз всех удобнее. Но уж если кому-то захочется спихнуть его оттуда, он будет драться.

Такие мальчишки встречаются на свете не так уж редко.

Вот только одному из них — Славке Галину — повезло больше других.

СЛАВКА САМ ЕЩЕ НЕ ЗНАЕТ, С КЕМ ДРУЖИТ

Еще в день переезда Славка заприметил: их соседом по лестничной площадке будет военный летчик.

«Но разве станет он разговаривать с десятилетними мальчишками? Ясно, что нет, — рассуждал Славка. — О чем ему со мной говорить, да и когда?»

Вон у него какая жизнь: уйдет на работу, и день его нет, другой нет, а то и всю неделю.

«Опять какой-нибудь дальний полет», — догадывается Славка.

А его бабушка ворчит:

— Вам бы все летать да на кораблях плавать! Посмотрел бы вон, как соседка сейчас одна, да с малым ребенком...

Но Славку не проведешь. Он-то знает, что бабушка его, Славку, таким хитрым образом воспитывает. И все потому, что хочет Славка ехать в августе в Ленинград, поступать там в нахимовское училище.

Что же касается соседки, которой некому помочь, так это бабушка для впечатления ввернула. Не она ли сама ходила к жене уехавшего летчика Светлане и велела ей чуть что в трубу на кухне стучать?

Но и Славка не лыком шит.

Заслышит легкий стук по газовой трубе — и стрелой к соседской двери. А когда увидел, что Светлана рада их с бабушкой помощи, то и без всякого стука стал забегать. Трудно, что ли, Славке в булочную слетать? А с маленьким у него не хуже бабушки получается.

Но вот вернулся как-то летчик домой из дальней поездки и видит: ходит по его квартире незнакомый мальчишка, держит на руках его дочку Виту да еще распевает при этом во все горло. А его дорогая дочь хлопает мальчишку по щекам и хохочет. И, видно, совсем не печалится, что нет рядом отца с матерью.

Славка смутился, замолк. Потом стал было объяснять, как он сюда попал, но летчик поставил свой чемоданчик и подхватил Славкину песню.

А когда допели они ее до конца, сказал:

— Спасибо тебе, Карасик, за мужское товарищество.

Он сказал это и весело и все-таки серьезно. И оттого больше прежнего понравился Славке. Разве обязательно нужно много времени и слов, чтобы понять: ты встретился сегодня с хорошим человеком — разве так уж трудно это увидеть сразу?

...Летними, свободными от дел вечерами Славкин знакомый выкатывал велосипед и, подмигнув Славке, уносился на нем туда, где кончаются последние дома на окраинной улице и шоссейная дорога убегает через леса, поля, деревни в края, где Славка никогда не был. И Славка сидел на лавочке и ждал, когда он вернется, потому что он всегда рассказывал Славке, где был и что видел. А потом еще звал смотреть телевизор.

Однажды Славка почувствовал, что и Светлане тоже очень хочется погонять на велоси-

педе по зеленым загородным дорогам и посмотреть на лесные поляны, поглядеть с горы, куда садится солнце, и по склону помчаться ему вдогонку. Оба соседа переглянулись, и между ними произошел безмолвный разговор:

«Что делать, Карасик? Нет второго велосипеда».

«Ничего, нетрудно помочь».

«Что тут можно сделать?»

«Да уж я знаю, что».

На следующий день Славка принялся чистить и смазывать свою «Украину», а к вечеру поставил ее рядом с соседским...

Шло время, и Славка уже знал, что зовут летчика Алексеем Архиповичем, а фамилия его — Леонов.

Тут кто-нибудь из наших читателей уж обязательно воскликнет:

— Что же, этот Славка не мог сообразить, что живет рядом с космонавтом?

Но в том-то и дело, что тогда людям было известно о полете только одного — Юрия Гагарина.

Алексей Архипович Леонов был тогда для всех просто военным летчиком, капитаном.

СЛАВКА ЕДЕТ В ЛЕНИНГРАД И... ВОЗВРАЩАЕТСЯ ОБРАТНО

Дома посовещались и неожиданно для Славки отпустили его в Ленинград. И вот он лежит на железной койке один в спальне нахимовского училища и думает про свою будущую морскую жизнь. Большой дом пуст. Славка приехал первым.

Наутро привезли ребят, и настоящий боцман с настоящими усами повел их по врачам. Боцман Славке очень понравился. И врачи понравились все, кроме одного, который долго хмыкал, и барабанил пальцами по столу, и все глядел на Славку из-под очков, а потом взял и написал в Славкиной карточке какие-то непонятные слова, по которым выходило, что Славке нельзя учиться на моряка.

Не жить Славке в Ленинграде в большом старом доме на набережной, не носить моряцкую форму, не ходить в увольнительную в город.

Надо собирать свои вещички и ехать обратно, домой.

Эх, и реванул тогда Славка, здорово реванул! Один. В самом темном углу под лестницей. А по ней вверх и вниз, вниз и вверх бегали, и галдели, и смеялись счастливчики.

А дома? Как он теперь покажет нос на улицу, что теперь скажет ребятам? Мама уже принесла учебники для пятого класса, купила новую форму. Форму, да не ту! Серую, школьную.

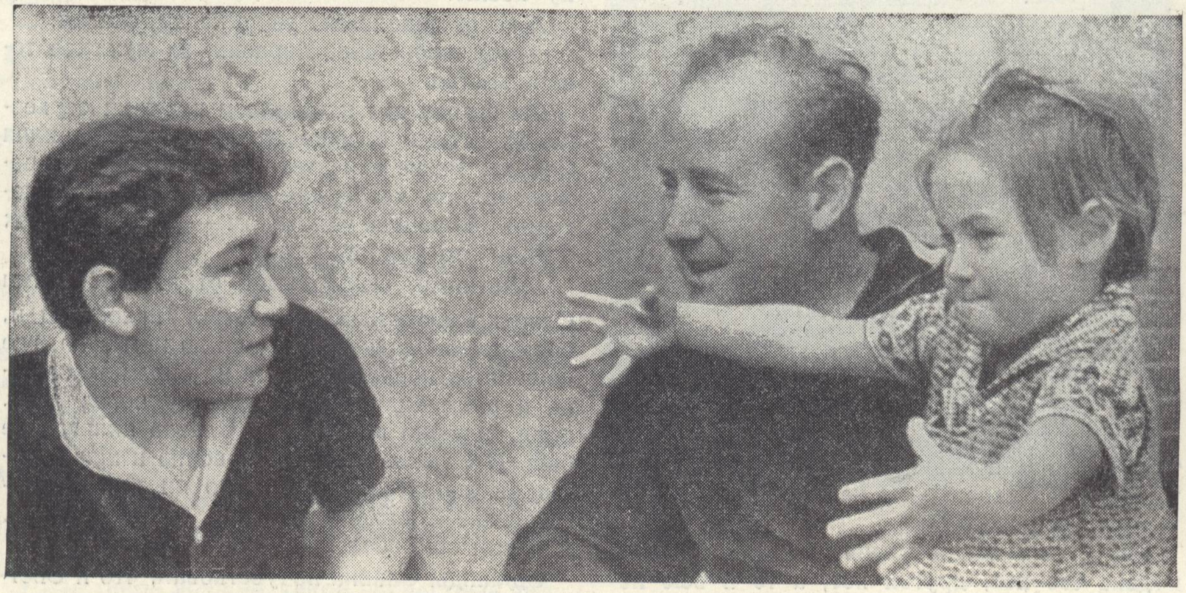
Увидел Славку дядя Леша и позвал к себе:

— Садись-ка, Карасик, поближе. Давай-ка поговорим.

Дядя Леша был неулыбчив в этот раз.

— Неприятная штука — неудача в жизни, Карасик. Я тебя понимаю. — И только тут его глаза чуть повеселели.

— У меня вот тоже с детства мечта была стать художником. Море хотелось писать — ненастье, шторм, гребни могучих волн и корабли. Я, Карасик, у моря долго жил и ду-

Вита рассказывает папе и Славе историю про барашка.

мал, что чувствую его хорошо. И вот тоже, как ты, поехал поступать в академию учиться на художника.

Увидев, как изумился вдруг при этих словах Славка, дядя Леша совсем по-настоящему улыбнулся.

— Да, да, я на художника сначала экзамены сдавал. Но учиться не пришлось. Огорчился я тоже основательно. Ты-то меня поймешь, верно? А, Карасик?

Тут и Славка заулыбался (еще бы ему не понять!). Многие в эти дни утешали Славку как могли, но все только утешали: «Брось, Славка, не горюй, забудь!» Легко так говорить. Один дядя Леша не утешитель был, а друг.

А Алексей Архипович продолжал рассказывать:

— Нельзя, подумал я, чтобы неудача в жизни стала для тебя неудачей всей жизни. Понимаешь? Нельзя быть неудачником. И решил я тогда летать. Но уж как следует! И, знаешь, Карасик, не получился из меня неудачник, нет, не получился! Вот хоть что со мной делай, а не получился!

И Славка тут же посмотрел на дядю Лешу, а дядя Леша на Славку. Ну разве такие бывают неудачники?

ПЯТЕРКА ПО РИСОВАНИЮ

...Они договорились: если что-нибудь в школе Славке непонятно — пятый класс, все-таки, не четвертый, — пусть в любое время смело стучится в дверь за подмогой. Славка второй час пыхтит над задачкой, в которой нарочно переливают воду из пустого бассейна в порожний, чтобы запутать и сбить с толку несчастных пятиклассников. Но по законам мужества о подмоге просят, когда сам себе уже решительно не в силах помочь.

А что это за трудность — задачка, которую наверняка решат три четверти Славкиного класса!

На третий день коварная наука арифметика потихоньку перестает грозить Славке своими напастями.

Вот с английским дело похуже. Произношение в английском, где вообще, как говорит дядя Леша, пишется Бирмингем, читается Ливерпуль, а произносится Бристоль, — вот что не дается Славке.

Алексей Архипович берет Славкин учебник и медленно читает ему текст со всеми ударениями, выделяя то первую, то вторую интонацию.

И Славка только удивляется, как это у него так ловко получается.

Если дяди Леши не бывает дома, со Славкой за стол усаживается Светлана.

В классе все просто поражались Славкиному произношению.

— У тебя хороший слух, Галин, — сказала учительница.

«Э, нет, у меня хороший друг», — подумал Славка...

Пятому классу однажды задали по рисованию придумать и нарисовать, кто что хочет.

Славка знал, чего он хочет.

Штормящее море! Ветер гонит крутые волны, вздымается к небу девятый вал.

Если все, что задумано, получится, Славка подарит рисунок дяде Леше — в память о том разговоре.

То и дело Славка берется за ластик. Один лист приходится просто выбросить: на нем дыры.

И надо же так случиться, как раз в эту минуту в квартиру к Галиным заглядывает Алексей Архипович!

— Ну-ка, ну-ка, Карасик, покажи, что рисуешь!

Дядя Леша смотрит на картину, потом на пунцового Славку и, конечно же, все понимает.

Рисунок иногда говорит человеку больше, чем всякие слова.

— Давай сделаем с тобой тут вот так.

Дядя Леша проводит по листку всего лишь несколько, всего два-три легких штришка — и Славкина картина вдруг неузнаваемо меняется! Море начинает грозить опасностью и бедой. Жуткая тревога повисает в воздухе. Но корабль, затерявшийся было в этой бушующей стихии, вдруг обретает силу и упрямство.

— Так мы хотим, Карасик?

— А то как же? Конечно, так!

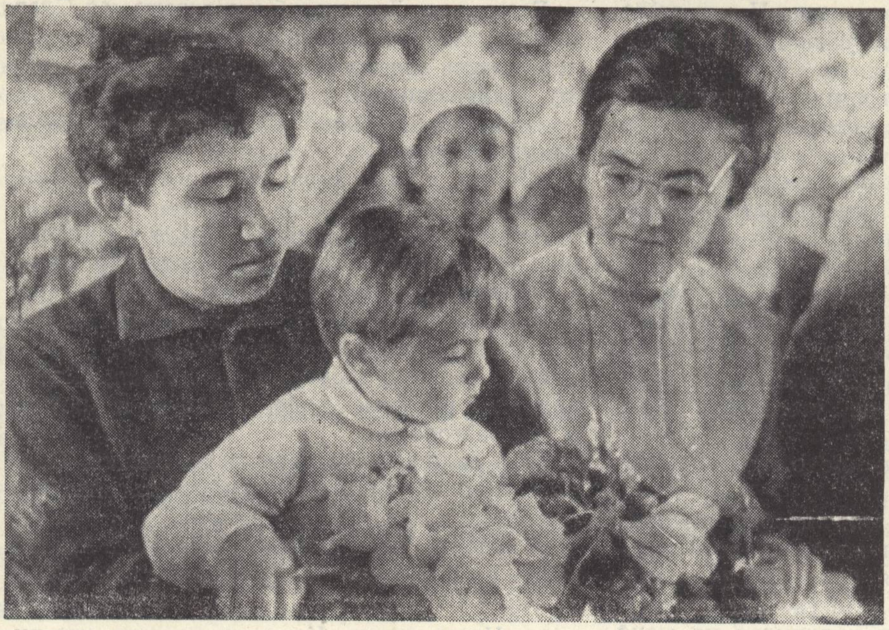
Славка получил за свой рисунок пятерку. Правда, учительница рисования спросила, не помог ли Славке кто-нибудь из взрослых. И Славка ответил, что помог и даже здорово помог. Но учительница подумала и сказала, что это, пожалуй, хорошо. Жалко, если бы этого рисунка не было в его альбоме. А теперь вот он есть.

И Славка с ней согласился.

СЛАВКА ДОГАДЫВАЕТСЯ: АЛЕКСЕЙ АРХИПОВИЧ НЕ ПРОСТО ЛЕТЧИК...

Конечно, это должно было произойти. Конечно, Славка рано или поздно должен был догадаться!

И Алексей Архипович увидел, что Славка догадался. И Славка понял, что дядя Леша

Этим летом Алексей Архипович побывал в 21-й калининградской школе, где он учился. Светлана, Слава и Вита слушают его в школьном зале.

узнал это. Но они, ни слова друг другу не говоря, заключили между собой договор. О том, что касается дяди-Лешиной работы, не спрашивать и не говорить. И друг с другом и тем более с кем-нибудь другим.

Дядя Леша верил Славке, и Славка доказал, что ему можно верить.

По-прежнему дядя Леша звал Славу посмотреть телевизор, поиграть с маленькой Витой, которая тем временем потихоньку все вырастала и уже пристрастилась слушать Славкины сказки про волков и зайцев.

Не раз Славка видел, что дядя Леша вечерами работает — читает или пишет что-то в кабинете. А бывает, что и рисует. Рисует он по-разному — то с серьезным видом, а то совсем весело. Славка знает: если весело, значит, дядя Леша работает над своим «Нептуном».

Так, по-морскому, называется у космонавтов стенгазета.

Иногда он приносит из кабинета показать Славке смешной набросок — портрет кого-то из «слетавших». Славка должен определить, «похоже» или «непохоже».

Если сходство не дается дяде Леше сразу, он будет работать до тех пор, пока не добьется совершенства.

— А как же, Карасик? Надо всегда ставить себе планку повыше. Большую высоту брать интереснее.

Много времени спустя Славка увидел и другие рисунки Алексея Архиповича — около сотни различных положений космонавта в открытом космосе — это дядя Леша готовился к своему «звездному путешествию».

Однажды Алексей Архипович сказал Славке:

— А знаешь, Карасик, что-то мне не нравится, как ты живешь. Человек должен быть сильным, а ты вот-вот жирком обрастешь, разве это годится для мальчишки?

Славка покраснел. Он давно уже решил про себя, что, когда станет совсем взрослым, обязательно будет таким же решительным, и прямым, и веселым, как дядя Леша.

— Э! А ты, Карасик, знаешь, что такое зарядка? Хочешь, покажу? Только завтра в 7.00 быть на ногах, согласен?

На небольшой спортивной площадке Славка увидел не только, какой бывает зарядка. У скамейки делал разминку Герман Степанович Титов. По дорожке мимо Славки бежал Андриян Николаев. Тут были почти все «слетавшие», и не только они.

А еще увидел Славка на площадке нескольких ребят. Они стояли поодаль и точно повторяли то, что делали на площадке взрослые. И Славка пристроился к мальчишкам.

К ним несколько раз подходил Павел Романович Попович. Поправлял, показывал, а Славке сказал, чтобы он с самого начала следил за дыханием.

— Правильное дыхание — самое важное, — сказал он Славке. — Понял?

Вот это была зарядочка!

Славка теперь каждое утро бежал на улицу дожидаться дядю Лешу.

И ВОТ НАСТАЛ ДЕНЬ

Долго ждал Славка этого. И мечтал и тревожился. Но вдруг совсем неожиданно услышал позывные и голос Левитана, который сообщал всей стране о том, что пришел черед Славкиного друга.

Он уже там. В космосе.

В школе, на улице все говорят, рассматривают фотографии. Рядом с Павлом Ивановичем Беляевым улыбается из-под забрала шлема дядя Леша. Весело и спокойно, как всегда.

Скорее домой! Еще издали он увидел Светлану, окруженную соседями. Она немножко волнуется. Славка издали делает ей знак: «Все будет нормально». И она в ответ улыбается Славке.

Все дни полета Славка был со Светланой и Витой. Все трое не отходили от телевизора. Вот дядя Леша в открытом космосе. Совсем близко и бесконечно далеко. Он делает движения рукой, и всем троим кажется, что это он им машет. Только им!

Когда приходит известие, что «Восход-2» на земле, Славка облегченно вздыхает. Все. Теперь все. Только Славке надо принять теперь одно важное решение. Он, пожалуй, уже принял его.

«Никогда, нигде, ни перед кем, — говорит себе Славка, — ты не станешь похваляться, что дружишь с космонавтом, тем самым, который... Никогда, нигде, ни перед кем! Если ты сделаешь это хоть раз, — считай, что ты предал и его и себя, разболтал, расхвастался...»

* * *

Мы познакомились со Славой Галиным спустя несколько месяцев после полета «Восхода-2». И этот рассказ получился только потому, что Алексей Архипович говорил больше о Славе, а Слава — о дяде Леше.

Единственное, что в нем не совсем достоверно, — это принимал ли Славка свое важное решение. Но совершенно достоверно то, что поступает Славка именно таким образом.

Все знают, что Алексей Архипович Леонов — космонавт, все слышали, что он художник, а вот то, что Леонов был пионерским вожатым, знаем пока только мы с вами.

Рассказали нам об этом вот эти две грамоты. Одну из них Алексей Архипович получил за то, что был хорошим председателем совета лагеря, другую — за то, что был отличным вожатым.

А еще о том времени немного рассказал нам сам Алексей Архипович:

— Пятьдесят второй, пятьдесят третий год... Значит, мне было всего восемнадцать-девятнадцать лет. Никакой педагогической науки я, конечно, не знал, но ребят любил и, по-моему, находил с ними общий язык. Выдумывал разные игры, водил в походы, на рыбалку, устраивал военные сражения. Однажды в пионерлагере, в изоляторе (больных пионеров у нас не было), мы сделали живой уголок. Жили у нас там ужи, куропатка, чайки... Приехала в лагерь комиссия. Директор водит комиссию по территории, рассказывает, какой всюду порядок. Пришли и в изолятор, а там... ужас! Кровати отодвинуты в сторону, из-под кроватей ужи лезут... Попало мне, конечно!..

Дружеский совет ребятам

Конечно, космонавтом быть интересно и почетно. Но главное — вырасти настоящим человеком. А профессия может быть любой. Только бы она нравилась.

Вот летчики. Планируют им три полета в день, а они требуют пять, потому что интересно!

★

Чем раньше человек определит цель в жизни, тем лучше. Тем больше будет у него времени заняться делом.

Скажу честно: я в школе не был отличником. Но зато я твердо знал, что больше всего меня интересует техника, поэтому нужнее всего мне физика и математика. Однажды скандал получился: я отказался учить стенографию — решил, лучше лишний час сохраню для своих технических увлечений. Когда я пришел в авиационное училище, я уже хорошо знал конструкцию двигателя, теорию полета, штурманскую подготовку. Советую, ребята: не гонитесь за пятерками ради пятерок!

★

Очень важно еще в школе приучить себя работать и думать самостоятельно. Надо иметь свое мнение и не бояться высказывать его. Пусть даже у преподавателя другое мнение, пусть он разобьет тебя в споре.

Хуже, если мысли правильные, но чужие.

★

Я знаю, ребята, профессию выбрать трудно. Бывает так, что решит человек что-то, а потом видит — не получается. И вот уж раскис парень, хотя ничего страшного не случилось. Надо только быстро переключиться. Так не бывает, чтоб человек только чем-то одним интересовался. Я мечтал стать художником. Но потом понял: с этим не получится. Решил пойти в авиационное училище и сразу же, как решил, начал себя к этому готовить. А мое увлечение живописью не пропало.

★

Я знаю, мальчишек, да и девчонок, всегда волнует, как завоевать авторитет у товарищей. Иногда все решается просто — силой. У кого кулаки крепче, тот и командует. Это несправедливо. Я был сильнее многих своих сверстников. Но я всегда считал: стыдно использовать свою силу в драке. Я ходил в секцию бокса, и, когда кто-нибудь особенно задирал нос, я приносил перчатки и вызывал его на честный поединок.

Конечно, ребята всегда уважают тех, кто сильнее. Но еще ребята уважают тех, кто много знает. Что для этого надо делать, я думаю, вы и сами догадываетесь...

★

А еще мне хотелось бы, чтобы вы научились отвечать за свои слова. Расскажу один случай. В пионерлагере я подготовил ребят к сдаче норм на значок «БГТО». Сдали ребята нормы, а значки им не дали. В комитете физкультуры сказали, что полоса препятствий у нас была нестандартная. Мне до сих пор неудобно перед ребятами.

Алексей ЛЕОНОВ

ПРЯМО С НАТУРЫ

Художник отбросил холст, прикрывавший картину на мольберте, и мы увидели то необычайное, что мог изобразить только он, один-единственный в мире художник, проплывший над Землей в скафандре.

Перед нами предстала космическая бездна. На фоне очень темного неба — крупные, яркие, немигающие звезды. Солнце — как раскаленный огненный диск. Горизонт резко очерчен яркими, похожими на радугу полосами...

Впервые в истории человек увидел Землю, Солнце и звезды не с самолета, даже не из иллюминатора космического корабля, а непосредственно, во всей широте и объеме космического пространства.

Эту картину ты видишь теперь на нашей цветной вклейке, сверху. Ее автор — космонавт Алексей Архипович Леонов.

Алексей Архипович рассказывает, как поразил его космос, как трудно передать словами ощущение бескрайнего простора, яркость красок, резкость контрастов. А мы думаем: как хорошо, что он художник!

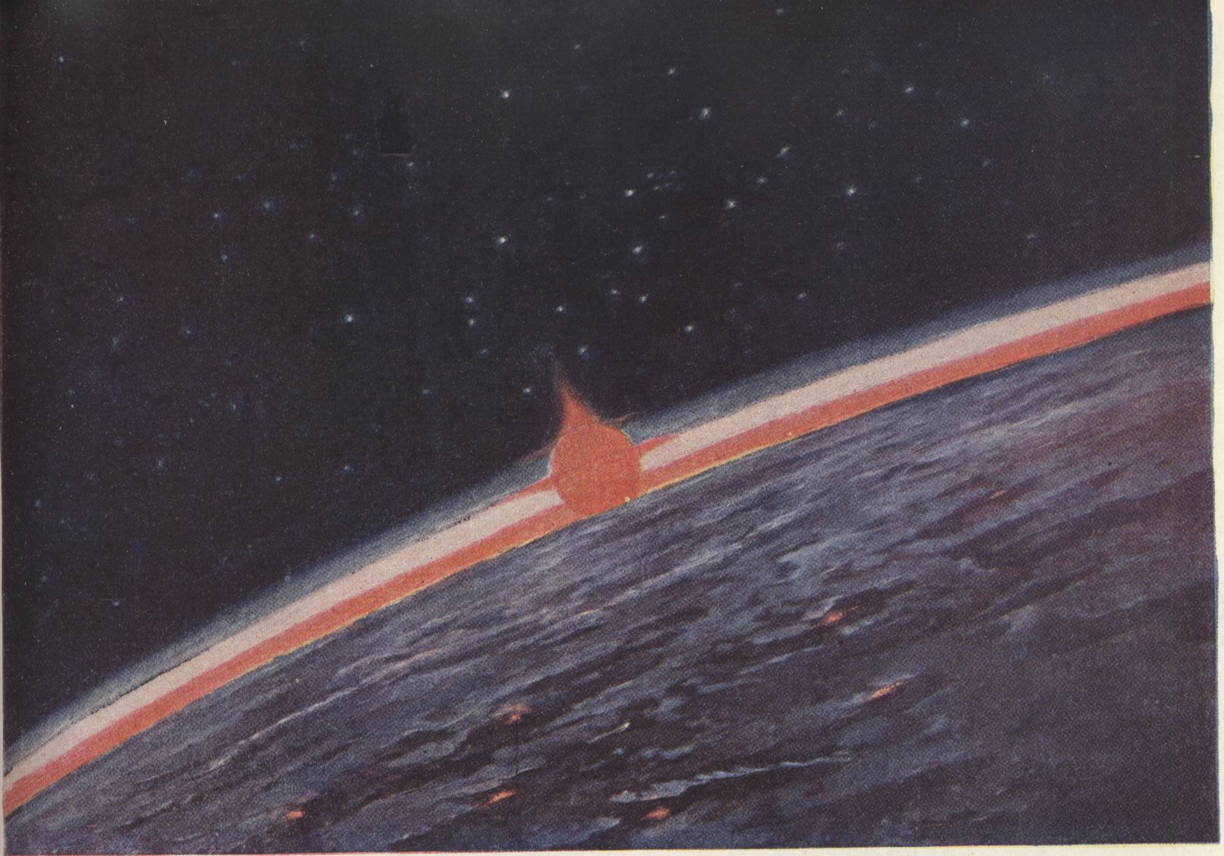
Вторую картину Алексей Архипович не хотел сначала отдавать в журнал: она еще не окончена — не дорисованы звезды. Чуть-чуть намечена кистью часть космического корабля... Но то, что изображено на этой картине, необыкновенно интересно — три слоя яркости над горизонтом.

Это удивительное явление было до сих пор неизвестно. Впервые увидел три слоя яркости ученый-космонавт Константин Петрович Феоктистов. До него никто никогда не только не видел этого явления, но даже не предполагал, что оно существует. Феоктистову сначала даже не поверили, подумали, что он ошибся. А ученый был прав.

Алексей Архипович прямо с натуры сделал наброски в бортжурнале, а потом по этим наброскам написал картину. Мы убедили Алексея Архиповича, что ребятам все это очень интересно, даже если картина не окончена.

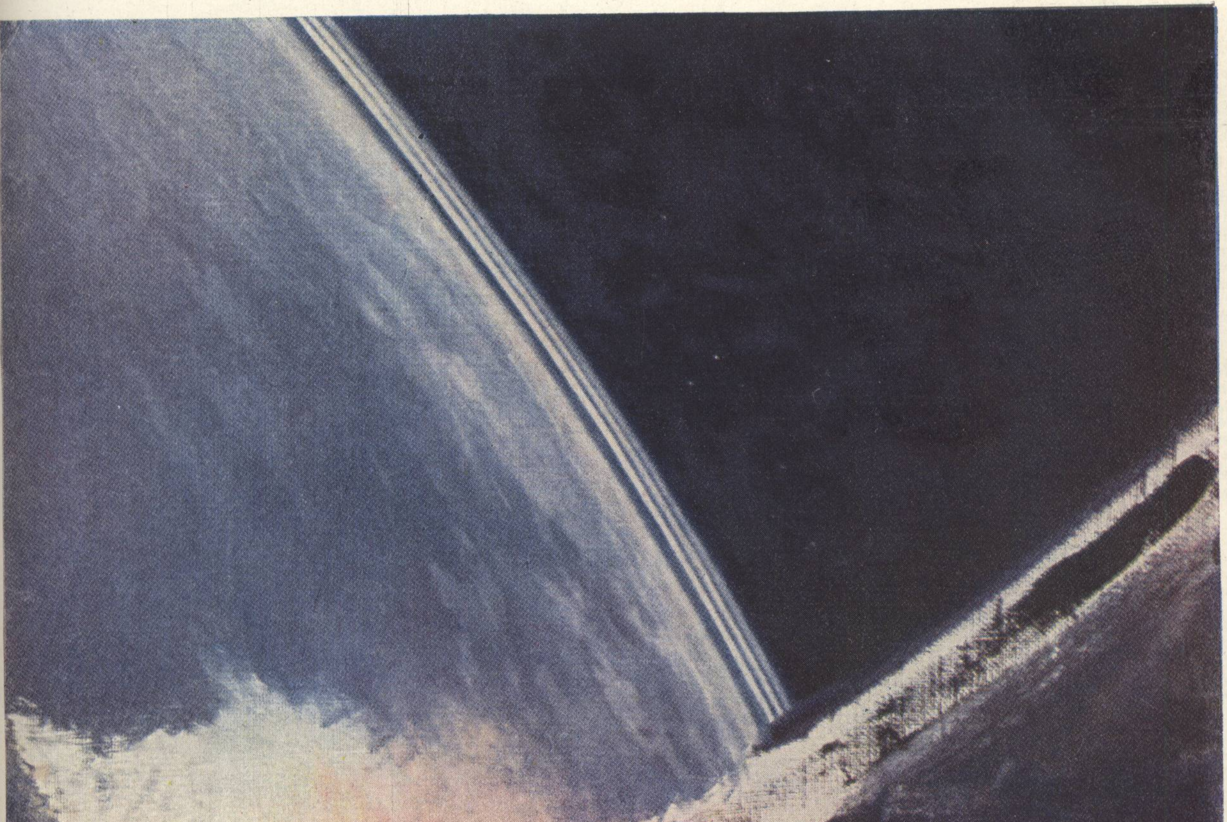
Новые работы художника никто пока не видел. Вы, ребята, видите их первыми.

Л. СИМОНОВА

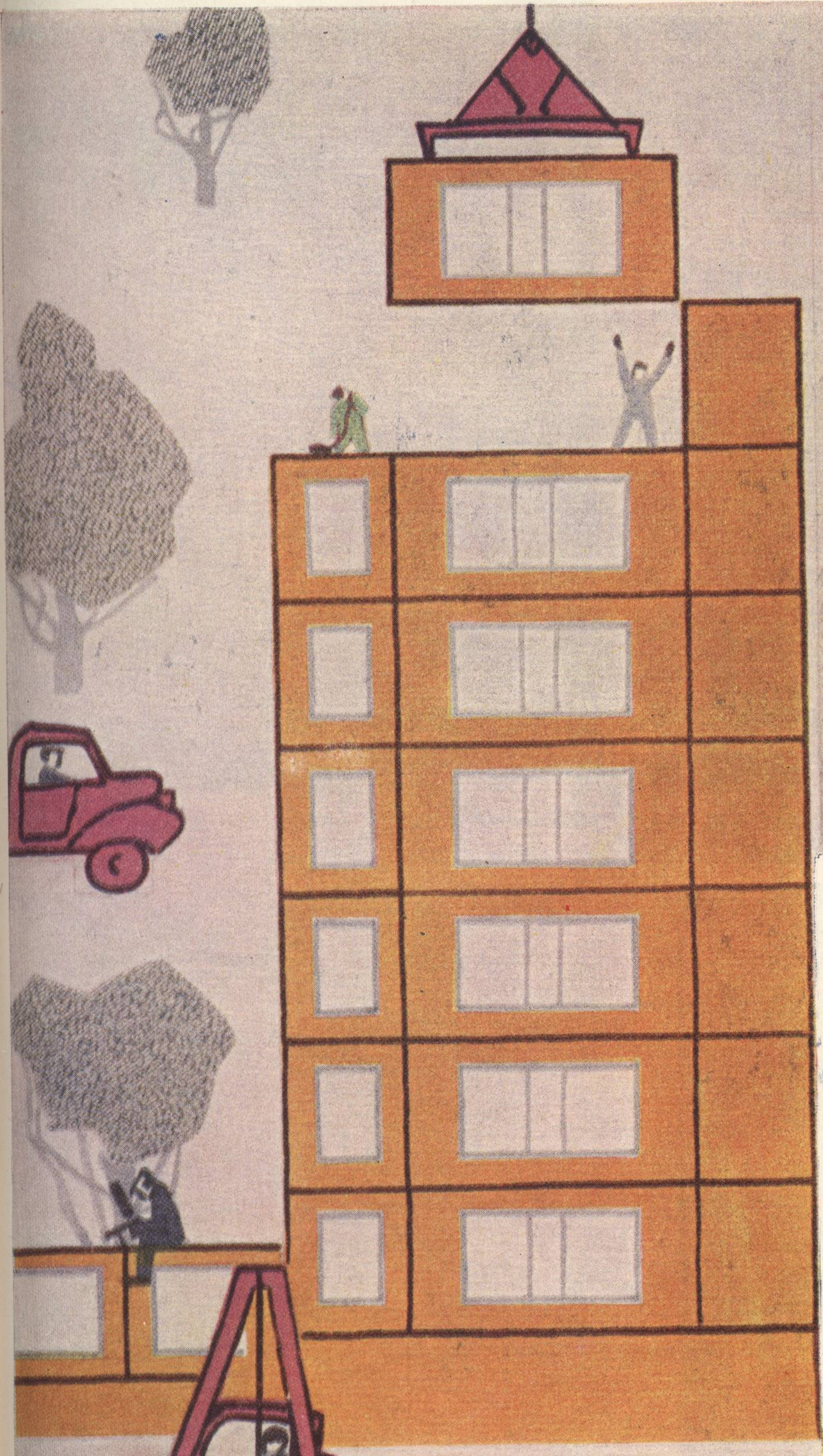

ЗАКАТ СОЛНЦА. Алексей Леонов.

ТРИ СЛОЯ ЯРКОСТИ. Алексей Леонов.

Этот двенадцатиэтажный дом недавно вырос на одной из главных магистралей Москвы — улице Чкалова.

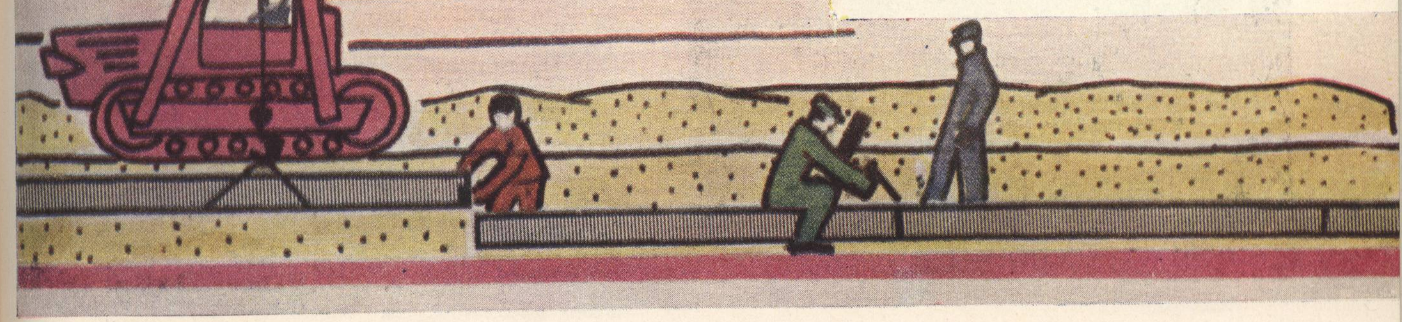
Под его крышей можно поселить всех жителей любого районного городка. А в комнатах — воздух какой захочешь, потому что по соседству могучая установка искусственного климата.

И весь этот дом-город возведен всего лишь за полгода.

Авторы проекта архитектор А. Б. Бергельсон и инженер И. И. Краюшкин рассказали нам родословную гиганта. Оказывается, все его детали — стены, лестничные марши, перегородки комнат, перекрытия этажей, балконы — изготовлены на заводе. Прямо с заводского конвейера их грузили на машины и везли на строительную площадку. Едет по Москве машина, а в ее кузове — целая квартира.

Приехала квартира на площадку, мощный кран подцепил ее и поставил на место. Крановщик даже и не видит, куда водружается готовая конструкция. Но не ошибается: все его действия корректируются по телефону.

Будешь и ты жить в таком доме. Домостроительная индустрия — завтрашний день наших строек.

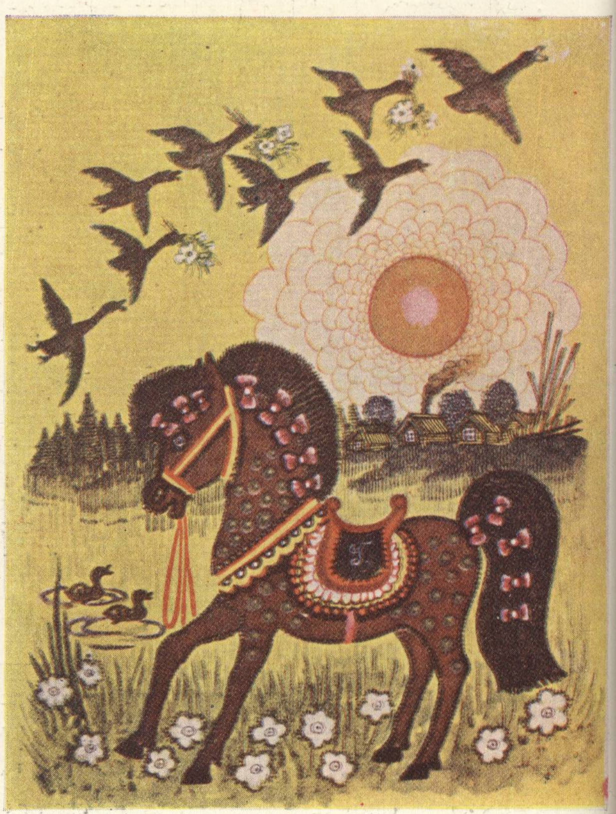
КОЛОБОК.

ПОЖАР.

КОЛЫБЕЛЬНАЯ.

КОНЬ.

Когда глазам весело

Не случалось ли вам проснуться утром с чувством какой-то удивительной радости? Кажется, ничего особенного не случилось и ничего особенного не предстоит, впереди обычный будничный день. А на сердце легко и весело. И невдомек, почему. Если же начнешь искать причину, разбираться, окажется, что причина — солнышко. Ясное, солнечное утро создало это радостное настроение, хотя иной раз человек так и проживет весь день, не разгадав причину.

То же самое бывает у нас и с книгой, когда она украшена рукой большого художника. Давно известная книга вдруг становится совсем иной. Будто впервые и совсем по-новому слышится каждое слово, и кажется, будто солнце легло на страницы.

Недавно родилась на свет одна такая книга, озаренная солнцем. Она для малышей, но знать про нее надо всем. Называется эта книга «Ладушки». Давным-давно, с незапамятных времен первого детского лепета знакомо в ней каждому каждое слово. И как ладушки были у бабушки, и как загорелся кошкин дом, и как сорока кашку варила... Мама водила пальцем по нашей ладони, а мы заливались смехом. И так было до нас с нашей мамой, в ее детстве, и с маминой мамой, и с самыми далекими нашими прабабушками, потому что и «ладушки», и «сороку», и «солнышко-ведрышко», и «кошкин дом» придумал народ в незапамятной древности. Все эти песенки, сказки, потешки стали для нас столь знакомыми и привычными, как пальцы на собственной руке. Но вдруг пришел художник, и все изменилось.

Художник этот — Юрий Алексеевич Васнецов. Он рисует так, что все обыденное и привычное превращается в сказку. Его рисунки такие же яркие и праздничные, как народная вышивка, как расписной пряник или вятская игрушка. У него и дом, и дерево, и небо, и снег, и солнышко — все цветистое, все нарядное. Страницу за страницей расшил он радостными узорами своих рисунков, и вдруг в привычных «ладушках» и «сороках» засияла солнечная, добрая улыбка народа. Иногда в ней есть и лукавинка, иногда скрытое раздумье, но всегда большая нежность взрослого, сильного, мудрого к малышу. И от этого книжка для самых маленьких стала интересной и нужной для всех, без различия возраста. И от этого, когда смотришь ее, становится весело глазам и сердцу. Когда книжка сделана так, что нельзя даже в мыслях отделить рисунки от слов, когда они живут общей, навсегда слитной жизнью, тогда книга сама по себе становится произведением искусства, как статуя, как песня, как дворец.

Е. РУБЦОВА

Сухой лист

Алексей САЛАТКИН

Каждый год звенит березка
Свежевспыхнувшей листвой.
Лишь на самой верхней ветке
Лист болтается сухой.

Подрастающие листья
Неразумнее внучат.
— Отчего, скажи на милость,
Ты не падаешь! — ворчат.

— Рад-радешенек упасть бы,
Да какая-то напасть:
Каждый год упасть хочу я —
Не могу никак упасть!

Рисунки А. БРЕЯ.

Варчикан белкует

Высматривая белок
По веткам, по сучкам,
Первой порошей
Идет Варчикан.

Белок повсюду
Следы на снегу.
Снежинки украшают
Горелую тайгу.

Издали собака
Голос подает.
Варчикан услышал —
На голос идет.

Увидел он белку —
На ветке сидит.
Хвостом собака вертит,
В лицо ему глядит.

Выстрелом гулким
Воздух сотрясен.
Белочка упала,
Забыв обо всем.

Собака подхватила
Пушистый комок.
Отнял охотник,
Сунул в мешок.

Бежит собака дальше.
Идет Варчикан,
Высматривая белок
По веткам, по сучкам.

Много он за день
Белок возьмет —
До дому добычу
С трудом донесет.

Перевод Гл. Семенова.

ЭВЕНОВ И ЭВЕНКОВ

Весенняя песня

Платон ЛАМУТСКИЙ

Выглянуло солнце,
Осветив лесок.
Радуется солнцу
Чей-то голосок.

Он высок и сбивчив:
— Чипи-чипи-чив-чив!

Маленькие крылья,
Кругленький зрачок.
Не стоит на месте
Острый язычок.

В посветлевшем мире:
— Чири-чири-чири!

Пробудился Север,
Больше нет зимы.
И, воспрянув духом,
Радуемся мы
Песне первых птичек:
— Чиви-чиви-чик-чик!

Перевод А. Кушнера.

СОВА

Платон ЛАМУТСКИЙ

Сова — голова,
перья пестрые,
зеленые глаза,
когти острые.

На сухом сидит суку,
головою вертит,
ни пичуге, ни зверьку
не уйти от смерти.

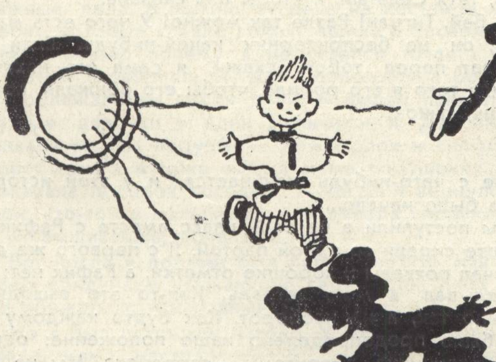
Куропатка пробежит —
куропатку потрошит.
Серый заяц промелькнет —
черной тенью промахнет.

Эх, схватила,
закогтила!
Эх!

Перевод А. Кушнера.

ТЕНЬ

Алексей ЧЕРКАНОВ

Ты за тенью не гонись,
Ты за тенью не крадись,
Не пытайся тень догнать,
Не пытайся тень поймать,
Можешь бить или топтать —
Ничего не сделаешь!

Передразнивает тень,
Что ни делай, целый день.
За тобой она бежит,
Каждый шаг твой сторожит.
Только к ночи и устанет,
Только ночью и отстанет!

Перевод В. Френкель.

Тихо — музыка!

Нина АЛЛАХВЕРДОВА

Рисунки Ф. ЛЕМКУЛЯ.

Мальчишки из нашего подъезда проводили свое время на улице.

Они собирались каждый день, шумели у парадного, разглядывали прохожих, кого-то пугали, за кого-то заступались, смеялись не знаю над чем, а я был чужой, «маменькин сынок», и потому хотел мстить, хотел дружить, хотел понять их и не мог не презирать.

Отец потребовал утром:

— Тигран, предупреди ты наконец этих бездельников. Музыка — дело нешуточное. Если ты не скажешь, я объясню этим дикарям сам.

Но я-то знал, что ни предупреждать, ни объяснять им ничего не надо. Ведь дело было совсем в другом.

Я должен был попробовать, должен был однажды, спускаясь по лестнице, попробовать бросить им «Привет!», спросить о чем-нибудь или просто облокотиться на перила и постоять так минутку. Словно я не собираюсь проходить мимо, словно мне нужно провести с ними ну хотя бы ближайший час. А вместо этого, не видя никого, с опущенным взглядом, одеревеневшей походкой я торопливо спускался по лестнице, сжимая в руках свою папку.

— Шаг печатает,— начинал тут же кто-нибудь из них,— ать-два, ать-два!

И вот уже я совсем сбивался с темпа и как-то неловко, плечом, выскальзывал на улицу.

Обычно, в довершение моих мук, они кричали мне вслед, и как меня это ни унижало, я не мог остановиться, обернуться и спросить, что им надо. Я не мог произнести самую простую фразу, хотя каждый день давал себе слово сказать им что-нибудь настоящее.

Все кричали мне вслед. Но один — Рафик со второго этажа — досаждал мне больше всех. Ничего особенного по сравнению с другими он, правда, не делал. Просто я появлялся, а он разводил руками и, подражая кому-то, заводил вокализы: «А-а-а-а»,— как упражняются певцы. Выходило у него хорошо, это-то я понимал. И пел он так, как будто не унизить меня хотел, он даже как будто в мою честь пел. Но мне была невыносима эта издевка!

Мама заступилась за него перед отцом:

— Гурген-джан, посмотри на Рафика хорошенько. Увидишь, он вылитый отец. Это очень достойная семья, красивые люди... Зачем им нас обижать? Тигран, сын, а ты пригласи Рафика к нам. Пусть Рафик посмотрит, как мы живем. Разве мы хуже людей? Ты скажи, Тигуш-джан, может быть, ты его обидел?

Я был благодарен маме. Если бы она только знала, как я благодарил ее мысленно, когда она так спрашивала! А ведь мне было понятно: мама знает, что меня обижают, но не признается сама себе. Она вообще боится, прячется от всего плохого. Но я до того был беспомощен, что одно только предположение, да и то не мое, а мамино, одна только мысль, что я его обидел, меня уже утешала. И я хотел бы действительно его обидеть, чтобы ко мне пришла его мать, тетя Салатын, и чтобы она сказала:

— Вай, Тигран! Разве так можно! У него есть мать, отец, он не беспризорник какой-нибудь. Если он виноват перед тобой, скажи, я сама его накажу. Не для того я его родила, чтобы его обижали, понимаешь, сынок?

Все с чего-нибудь начинается, и у этой истории тоже было начало...

Мы поступили в первый класс вместе с Рафиком и даже сидели за одной партой. Я с первого же дня получал похвалы и хорошие отметки, а Рафик нет: он заглядывал в мою тетрадь. Как-то это выходило именно так, а не наоборот. Как будто каждому из нас было предопределено наше положение: одному — отличника, а другому — середняка. Мы не видели в этом ничего противоестественного, и, наверное, каждый из нас был тогда доволен собой.

Жизнь моя, сколько я себя помню, протекала всегда четко и организованно. Сердцем этой жизни был неумолимый черный треугольник. Он старательно отсчитывал такт за тактом, честно делил жизнь

на ряд последовательных дел: одно и, два и, три и, четыре и,— и все надо сделать, и все надо сделать хорошо.

Маленький механический прибор отсчитывал не мне одному. Отец с озабоченным видом читал газеты, завтракал, уходил на работу и по пути к дверям похлопывал меня по спине.

И мама ходила с озабоченным лицом, хотя она никогда не работала и могла бы чувствовать себя свободной и легкой, как весна...

А вот бабушка, по-моему, будь она жива, никуда бы не торопилась. Она никогда не опаздывала, всегда занималась делом и всегда была свободна. Она, по-моему, скорее бы притворилась глухой, чем стала слушать эту машинку.

Я садился за пианино и включал метроном, черный треугольничек, маленький механический прибор, и он раз за разом выдавал мне такт за тактом, такт за тактом, и чем старше я становился, тем больше дел надо было сделать, и время дробилось и дробилось, и все чаще щелкало механическое сердце, оно отсчитывало доли такта: сначала целые, потом половинные, потом четвертушки, все быстрее и быстрее...

Я бежал, торопился после уроков домой, выполнял домашнее задание и потом спешил с бабушкой на музыку. А Рафик еще долго не уходил домой, глазел в школьном дворе на старшеклассников, терпеливо ждал, пока ребята оглянутся и, может быть, примут его в игру.

Однажды, спускаясь по лестнице, я увидел Рафика и ребят. Они хоронили в противопожарном ящике с песком какую-то птицу. Лица у них были печальные. Рафик сказал речь:

— Умерла наша птица. Она была очень красивая. Всюду себе летала высоко в небе. А потом умерла, и мы ее хороним.

Дослушав Рафика, ребята начали спускаться по лестнице, как будто они несут гроб, а я хотел пройти мимо, потому что опять спешил. И ушел бы, и не увидел, чем все кончилось, если бы бабушка не взяла меня за руку и не повела вслед за ребятами. Она пошла таким же шагом, какой взял Рафик. А когда мы вышли на улицу, она позвала:

— Эй! Рафик-джа! Степик-джа, Горик-джа, Тигран-внучек, не горюйте...

Но мальчишки ее не дослушали, а я потянул за руку: ведь мы и так уже опаздывали.

Так сложилось. Я всегда спешил, а у них были свои хоть неспешные, но, наверное, тоже очень важные дела. Я помню ту речь на лестнице и всех ребят, которые стояли вокруг ящика с песком, и думаю: почему, почему я не остался тогда с ними?

Потом я заболел, и меня положили в больницу. Я пролежал там сорок дней. В нашей палате было четыре девочки и один мальчик — я. Девочки вышивали мамам подушечки для иголок и салфеточки крестиком, и я тоже вышил маме подушечку. Мама показала подарок соседям. А когда я вернулся домой, кто-то из мальчишек у подъезда спросил:

— Вышиваешь, доченька?

Вот когда я должен был либо ответить, как отвечают обидчикам уважающие себя люди, либо вовсе не обижаться, как равный.

Но я был острижен наголо. У меня не было товарища, мама настояла, чтоб я остался во втором классе еще на год, и я решил, что они и я чужие.

Знал ли кто-нибудь, что́ значило на самом деле сказанное обо мне «он ходит на музыку»!

Второй этаж, темная площадка, дверь направо. Я звоню, кто-то открывает, я не всматриваюсь, бурчу спасибо, иду по длинному-длинному коридору, сначала прямо, до кухни, потом сворачиваю налево и без стука вхожу в угловую дверь.

Большая комната с высоким потолком, какой теперь редко встретишь в жилых домах. Пристроенные к стенам книжные шкафы. Во всю комнату темного дерева стол, темные стулья, темные дверцы шкафов, зеленые и золотистые корешки книг за холодными стеклами шкафов и огромное, от потолка до пола готическое окно.

В комнате есть антресоли: они, когда стоишь у двери, оказываются над головой, а окно напротив. Мощный свет идет из этого окна, ложится к двери, вычерчивает на обеденном столе большие клетки оконной рамы.

Прямо от входной двери, у которой я стою, на антресоли ведет лестница. Я механически берусь за потрескавшийся шар на конце перильца, но не поднимаюсь, а, наоборот, огибаю лестницу и скрываюсь за ней — вхожу в дверку под лестницей.

Эта дверь обычной высоты, но по сравнению с другими дверями дома, стенными шкафами, окном и столом она кажется крохотной.

Я привык, что двери в комнатах всегда открыты и меня никто не встречает.

Я прохожу к роялю. Он стоит у такого же громадного окна, как в первой комнате, но здесь окно почти донизу завешено темной шторой. В постоянных сумерках все блекнет, кроме клавиш рояля. Ничто не бросается в глаза. Только клавиши. Когда я был меньше, мне казалось иногда, будто это гигантское и живое не то улыбается так страшно, не то оскалило сердито пасть. Я трепетал, забирался на стул и ждал, совсем недолго ждал, пока послышится легкое шарканье, шелест платья и войдет она, моя учительница музыки. Она сядет на высокий стул у рояля, я услышу запах духов, теплая, сухая рука возьмет сначала одну мою руку, потом другую, подержит в своей и поставит на клавиши.

— Сегодня у тебя плоские ладошки, мальчик. Представь, что ты держишь яблоко. Округли ладонь, вот видишь, правильно, так хорошо... А пальцы у тебя прекрасные, совсем не деревянные, настоящие пальцы у тебя, музыкальные. Жаль только, что очень послушные. Не понимаешь? Они слушаются меня, а скоро научатся слушать музыку. Надо научиться слушать музыку. Музыку, понимаешь? Ну-ка, подвинься, я тебе поиграю.

Я отодвигался от рояля, а она придвигала к нему свой высокий стульчик и начинала играть. Иногда совсем знакомое, а иногда совсем чужое. Глаза ее были полузакрыты, на фоне окна четко вырисовывался горб на спине и прижатый к нему затылок с пышной прической. Грудь неестественно выпрямлена, а руки легко перебирают клавиши. Лампочка на рояле (она горела постоянно, в любое время дня) светила на ноты, но я смотрел на подбородок, губы, полуприкрытые глаза, большой круглый воротник платья, и мне казалось, что вот-вот случится необычайное: я подыму глаза и не увижу горба, угловатых плеч и напряженной шеи. Передо мной будет сидеть прекрасная из прекраснейших.

Потом я подрос, и уже в десять лет понял, что она и есть прекрасная из прекраснейших, и не хотел, чтобы она была другая.

Она зачесывала волосы высоко и закалывала гребенками и шпильками. Это было очень красиво, и такую прическу не носил никто. Ни женщины, которых я видел на улице, ни учительницы в школе, ни мама

дома. Так были причесаны женщины в книгах, иногда в кино, и так причесывалась она.

Я никогда не видел, чтобы она убирала или чтобы кто-нибудь другой у нее убирал, никогда не замечал, чтоб она что-то делала в доме или поправляла хотя бы. Никогда не видел, как она ест, и не знал, на чем она спит. Она входила ко мне откуда-то чуть ли не из стены, и я каждый раз переживал это заново.

Когда я был совсем маленький и занимался музыкой неохотно, моя учительница, чтоб утешить меня, доставала из платяного шкафа громадную куклу и сажала на рояль. Кукла смотрела на нас не моргая, я видел бантики на ее ручках, желтый свет отражался в стеклянных глазах, и время проходило незаметно.

Я заметил однажды, какая она маленькая, моя учительница. Прошло семь лет, куклу для меня давно не доставали, и мне уже все было знакомо в этом доме. Даже платья, которые носила моя учительница, я знал наперечет.

Иссиня-черное платье в крупный белый горох — тогда на руке, я знал, будет браслет. Другое платье — лиловое, самое красивое, единственное без воротника на спине. Это платье она носила, накидывая на плечи большой кашемировый платок с кистями... Была еще белая кружевная кофта с брошью под горлом — все мне казалось нарядным. Каждую минуту мог бы войти самый почетный, самый важный гость, и он не застал бы ее врасплох. Все было бы изысканно и необычно.

И гость входил. Гостем был я. И мне оказывались все почести. Полтора часа длились наши занятия, иногда после них она играла мне что-нибудь, если была мной довольна, и я уходил, уверенный, что я и есть тот единственный гость, который заслуживает внимания.

Никогда ее ученики не сталкивались нос к носу в ее передней, вся ее жизнь и время принадлежали нам, и она распределяла эти богатства так, чтобы каждый из нас получал их полной мерой.

Было скользко. Неожиданно выпало много снега. Это в нашем-то городе, где снег такая редкость! Может быть, эти мальчишки толпятся у подъездов и глазеют на прохожих, потому что у нас всегда слишком тепло?

Мама послала меня за керосином. Обычно мы не пользуемся керосином, во всяком случае, я не помню, чтобы у нас когда-нибудь был керосин. Но вот отключили газ (и все из-за погоды!), мама порылась в кухонном шкафу, вытащила бидон.

— Тигран-бала, сходи за керосином!

Лавка у керосинщика оказалась небольшая, очень теплая, и запах в ней прекрасный. Керосинщик, громадный мужчина в кожаном фартуке, в темноте черпает керосин громадным медным половником из черного корыта и, высоко подняв руку, тонкой струйкой льет керосин в воронку.

Я взял свои три литра, хотел постоять еще немножко, просто так, и посмотреть, но надо было торопиться. Не так давно мы выбрали с моей учительницей, что́ я буду играть на школьном концерте в консерватории. Работа мне удавалась плохо, хотя я репетировал без конца. И я пошел домой. Уже издали я заметил, что у подъезда стоят ребята. Когда я уходил из дому, никого не было,— я думал, их холод прогнал и они не соберутся.

Что особенного? Человек несет керосин! Не папку с нотами, а керосин. Но в том-то и дело. Я так болезненно переживал дурацкое прозвище «маменькин», что бидон в моей руке сразу отяжелел и ноги еле передвигались. Вот я, на виду у всех, а вот улика, подтверждающая, как мне казалось, кто я есть такой. И хотя я понимал, что надо быть выше их мнения, и хотел быть выше, мне это ни за что не удавалось. Я живо представил, какими словечками они меня встретят. И сразу почувствовал, что ноги больше не подчиняются мне, они идут сами по себе, и руки тоже сами по себе, одна держит бидон, а другая размахивает совсем не в такт моим шагам.

И в этот момент кто-то из ребят цыкнул на меня — выкинул в мою сторону руку и ногу. Я ждал какой-нибудь шутки в этом роде, но все-таки отпрянул от неожиданности. Ноги заскользили, в бидоне тяжело плеснулось, и, хотя, пригнувшись, я удержал равновесие, бидон выскользнул у меня из рук. Но не опрокинулся, а мягко проехался по снегу в сторону мальчишек. Потом чья-то нога придержала его, как футбольный мяч, и ударом отбросила ко мне.

Ярость охватила меня. Несколько мгновений я не мог поднять глаза, не мог сдвинуться с места. Вот уже щеки отвратительно задергались, и тогда, не знаю почему, но я неторопливо, совсем чуть-чуть отодвинул бидон от себя ногой и, по-прежнему не глядя на них, но гораздо спокойнее, чем всегда, поднялся по лестнице и завернул на площадку.

— Эй, а керосин? — крикнул кто-то, но я не оглянулся.

Когда я открыл дверь, мама поискала глазами бидон, но ничего не сказала. Она смотрела на меня, пока я снимал пальто, тщательно мыл руки, и потом, когда сел за пианино и стал молча растирать и разминать пальцы, она продолжала на меня смотреть.

— Что-то случилось...— начала она тихо, но стук в дверь помешал ей договорить.

— Тетя Сирануш, возьмите ваш бидон,— услышал я голос Рафика, и Рафик сбежал по лестнице.

— Здравствуй, Тигран!

— Да? — сказал я.

Мы стояли друг против друга. Он и я. Я так и не смог объяснить себе, почему меня ни разу не били. «Маменькиных» обычно бьют, так принято, а меня ни разу не ударили...

— Послушай, зайди ко мне сегодня,— сказал он.

Я промолчал. Если бы они меня тронули, я, может быть, уже был бы другим.

— Есть дело,— сказал Рафик,— зайдешь?

Мимо нас прошла нянечка. Она стирала пыль и изловчилась протереть подоконник, у которого мы стояли, не задев нас и не помешав. Прозвенел звонок на урок. Мы медлили, не желая проявить друг перед другом суетливость. Мне надо было на историю, но он не спешил, и я не показал виду тоже. Правда, мы были с ним однолетки, но то, что он учился уже в восьмом классе, а не в седьмом, как я, делало его старшим. А что для старшего школьный звонок!

Они еще ни разу не били меня, никто меня даже не ударил, просто кричали мне вслед. И я давно уже перестал бояться, что меня когда-нибудь остановят и ударят. Иногда мне казалось, что это нужно и пусть, наконец, произойдет. Я уверен, что не испугался бы. Вряд ли я бы ответил, но я бы не убежал. Это я знаю. И не расплакался бы.

— Хорошо,— сказал я,— зайду.

Начался последний урок. Я не мог представить, зачем меня зовут, но тревоги не чувствовал никакой.

Был вторник, второй день недели и обычный в ряду других прожитых мною дней. Утром, как всегда, школа, в два — конец занятий, потом полтора часа, за которые надо успеть поесть и собраться

на музыку, в четыре часа — к учительнице музыки, потом домой — за школьные уроки и вечером опять занятия музыкой.

В конце концов я ведь действительно не боялся их. Это я знал точно. Я решил зайти к нему по пути на урок, чтобы со мной обязательно была моя синяя папка, и перестал до трех часов думать о своем обещании.

В комнатке, куда провел меня Рафик с веранды, никого, кроме его сестры, не было. Здесь было очень чисто. Но чувствовалось, что эта чистота неосновательная, временная. Такой неестественно красный цвет был у полов, что каждый бы догадался: полы выкрашены кем-то недавно и неумело.

Двенадцатилетняя сестра Рафика, Лана, сидела у стены на низенькой скамеечке для ног, тоже выкрашенной этой краской, и, чтобы не накрошить (она доедала какой-то кусок), придерживала у подбородка руку. На ногах у нее были носочки в полоску, какие носят летом, и это, помню, показалось мне безвкусным.

Не знаю точно, в чем тут причина, но с девочками я всегда чувствовал себя увереннее.

— Здравствуйте,— поздоровалась со мной на «вы» Лана. У нее был вид человека, которого застали врасплох. Она не успела еще доесть и, наверное, поэтому чувствовала себя неловко.

И я почему-то не ответил просто «здравствуй», а сказал «здравствуйте», но я сказал это не так, как сказала она, испуганно и растерянно: у меня это вышло чопорно, слишком по-светски и потому тоже неловко.

— Здравствуй-те? — спросил Рафик, делая ударение на последнем слоге.— Почему «здравствуйте»? Не можешь поздороваться по-человечески? — спросил он у Ланы.

Но она ничего не сказала, подняла скамеечку и вышла из комнаты, прикрыв за собой дверь.

Вот, собственно, и все, что произошло в первую минуту. Я понял Лану, заметив ее робость и неуверенность. Но именно это, именно ее растерянность помогла мне взять независимый и хладнокровный тон.

— Давай садись! — показал мне Рафик на невысокую кровать, покрытую серым байковым одеялом и без подушек, а сам уже уселся на стол, придвинутый вплотную к спинке кровати.

Я не хотел торопить его с объяснениями, и он, по-моему, тоже не спешил объясняться.

Этажом выше заиграли что-то знакомое, да, Бетховена. Игра была отличная. Сначала я почти не слушал фортепьяно, решив, что это передача по радио, но вот мелодия оборвалась и возобновилась опять с самого начала. Кто-то проигрывал вещь заново.

Поразительно, до чего же хорошо слышалась музыка здесь, в этой комнате на втором этаже! Я прислушался, стараясь понять, в чем же дело.

— Слушай! — окликнул меня Рафик.— Ладно, слушай,— добавил он,— слушай, потом поговорим,— сочувственно и одновременно по-хозяйски снисходительно к моей слабости сказал он, как будто играли на его пианино в его комнате.

Игра наверху опять оборвалась и возобновилась не сразу.

— Все,— сказал я, чтобы он начал говорить.

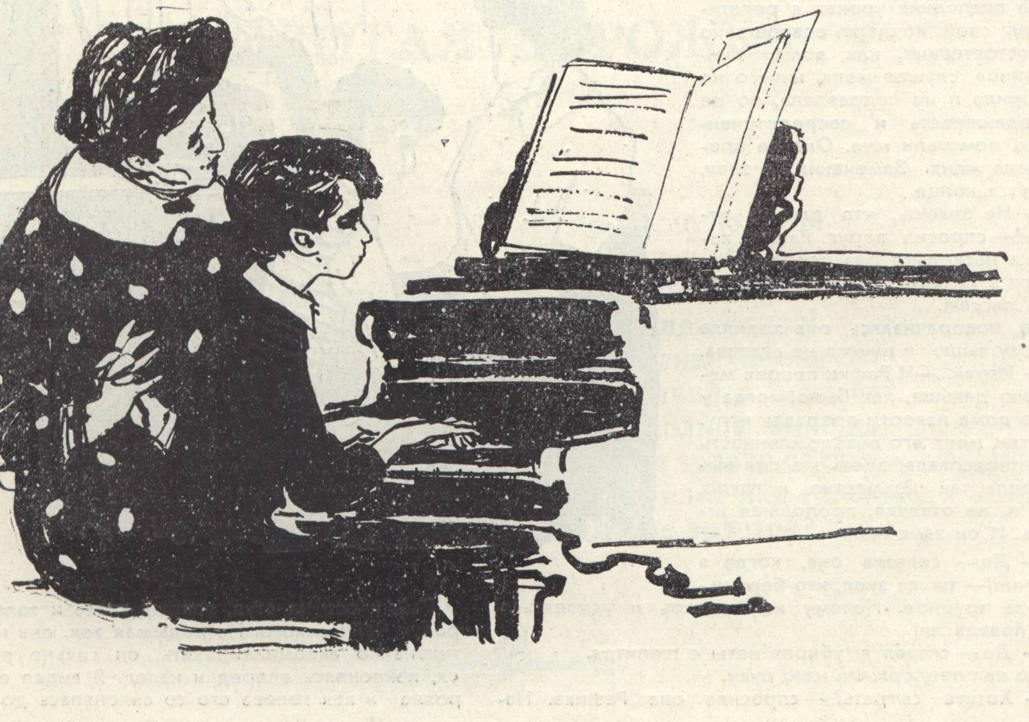
Но Рафик не понял меня.

— Нет,— сказал он,— еще не все. Там дальше еще будет.— И он пропел несколько тактов мелодии с того самого места, где ее оборвали.

Наверху опять заиграли, и Рафик замолчал.

Я оглядывал потолок и тут заметил, что Рафик пошатывает кровать. В первое мгновение я не сразу понял, но уже в следующее знал, что он делает это в такт музыке, очень нерезко, очень тихо.

В эти минуты все во мне обострилось, как у чело-

века заблудившегося. Я слышал музыку и слышал, как слушает Рафик, и это было непостижимее всего, этого-то я ожидал от него меньше всего.

— Жаль, что тебе пора,— сказал Рафик,— а то прямо сейчас пошли бы... Ну ладно, я тебя провожу, а потом пойдем. Сможешь?

— Я не понимаю в гитаре,— сказал я.— Никогда в руках не держал.

— Ну как не понимаешь? Так тебе кажется.

— Не могу. Мне некогда.

Мне действительно было пора.

— Пять минут. Магазин за углом. Знаешь ведь, в «Культтоварах».

Вот откуда эти вокализы. Музыкальное соседство... В чем я могу обвинить его? Подумаешь, он пел, а другие смеялись. И он, кончив, смеялся и сплевывал на мостовую. А теперь он выкрасил полы, мать дала ему деньги, теперь ему гитара нужна и еще понадобился я.

— Я пошел,— сказал я и встал.

— Ладно, пошли вместе,— сказал Рафик и, взяв с кровати мою папку, первый вышел из комнаты. Не спрашивая, он пошел со мной на урок так же спокойно, как если бы я шел в библиотеку.

Учительница музыки не удивилась, когда увидела Рафика. Наклонила голову, и мы начали заниматься. Рафик сидел на черном венском стуле, и я не знаю, что̀ он переживал, пока мы были заняты. Потом, когда мы возвратились, он только спросил у меня, откуда в доме, где мы были, оленья голова. Рядом с вешалкой действительно была прибита оленья голова. Кто-то хотел, чтобы на рога вешали шляпы, но нынешние хозяева (кроме учительницы, здесь жил еще ее брат, инженер) не хотели использовать эту голову как вешалку. Под ней и рядом прямо кнопками были прикреплены к обоям три репродукции с картин.

На последних уроках я репетировал свой концерт совершенно самостоятельно, как дома. Учительница, слушая меня, ничего не говорила и не поправляла, но ее неподвижность и сосредоточенность помогали мне. Она не прерывала меня. Замечания, я знал, будут в конце.

— Не знаешь, что дальше играть?— спросил вдруг Рафик, когда я несколько раз подряд вернулся к началу, отрабатывая трудный пассаж.

Не поворачиваясь, она подняла голову выше и ничего не сказала.

— Играй...—И Рафик пропел мелодию дальше, как было, когда у него дома наверху прервали игру. Но там меня его осведомленность заинтересовала, здесь же она выглядела так неуместно и глупо, что я, не отвечая, продолжал играть. И он замолчал.

— Да,— сказала она, когда я кончил,— ты же знал, что берешься за трудное. Нечему нам теперь и удивляться. Не правда ли?

— Да,— сказал я, убирая ноты с пюпитра.

Но она придержала мою руку.

— Хотите сыграть? — спросила она Рафика. Наверно, решила, что он мой друг, и поэтому была так с ним приветлива.

— Чего сыграть? Я учусь, что ли? Я музыке не учусь...— легкомысленно отмахнулся он.

— Он не играет,— сказал я и убрал ноты с пюпитра.

— Я думала... Вы хотели помочь Тиграну...

— Я думал, он забыл мотив. Я мотивы знаю,— сказал Рафик,— я мотивы разные знаю. А играть не умею, только петь могу.

— У них кто-то очень музыкальный живет этажом выше,— сказал я, вставая.

Она вздохнула. Подняла руку, как будто хотела поправить прическу, но опять опустила.

— Спойте, пожалуйста, если вам не трудно,— попросила она.

Рафик не стал отказываться, подошел к роялю. Учительница села на мое место. Я встал в угол между окном, роялем и ее стулом. «Она будет ему играть...» — подумал я с грустью.

— Сыграйте музыку из кино «Анна на шее»,— попросил Рафик.— Я больше всего люблю эту музыку.

— Из кино? — прикрыла глаза Наварта Аршаковна.— Не знаю, напойте, пожалуйста...

Рафик сел на стул, закрыл глаза и запел «Баркаролу» Чайковского. Не подымая век, она начала ему тихонечко аккомпанировать, он сильно раскачивался, наклоняясь вперед и назад. Я видел ее руки на рояле и как голова его то склонялась до рояля по

левую сторону от ее рук, а то возникала где-то над горбом. Он, как гребец в лодке, с каким-то напряжением и усилием раскачивался, сначала вперед, а потом так же медленно отклонялся назад, и было странно видеть, что он при этом не разводил руками. Пел он необычно, даже с цыганским подвыванием, и удивительно, что это не портило впечатления, не казалось странным.

Когда он кончил, она, тихонько дотрагиваясь до клавиш, стала нащупывать другие мелодии. Сначала Чайковского, потом Листа — не знает ли их Рафик? Но он сам подсказал, что̀ хочет, спросив, знакома ли нам (он пропел мелодию из соль-минорной сороковой симфонии Моцарта) эта музыка. Потом он начал петь ее. Она не аккомпанировала ему больше, вертела в руках кружевной батистовый платочек, а Рафик раскачивался и пел, спокойно переходил от прозаических «ля-ля-ля» к тихому и выразительному мычанию, если голос не справлялся с мелодией. А несколько раз он и вовсе переставал петь, пропуская недоступные голосу ноты. Только то, как он сжимал и разжимал ладонь, показывало, что музыка в нем не прерывалась.

Давно истекло мое время, но учительница, как всегда, была спокойна и не торопилась.

Пришла ученица — маленькая девочка в желтенькой пуховой шапочке. Она беспокойно ерзала на стуле, на котором полчаса назад сидел Рафик, а когда он, помогая себе, начал хлопать по роялю и надул щеки, как трубач, она не выдержала и, моргая, удивленно дергая плечами, хихикнула.

Рафик выпрямился и открыл глаза. В первую минуту они были не просто затуманенные, а действительно сонные, как будто все это происходило с ним где-то не здесь.

— Тихо! — сказала девочке Наварта Аршаковна.— Тихо! — повторила она, подняв руки к плечам, неловко выставив локти, как будто защищаясь: — Музыка!

Это было единственное замечание, первое, которое я услышал с тех пор, как у нее учился. И хотя оно относилось совсем не ко мне, мне показалось, что она имела в виду и меня тоже. Она больше не предлагала Рафику спеть, а встала, дала мне дорогу выйти.

— Если бы вы,— сказала она Рафику своим тихим и очень мягким голосом,— если бы вы когда-нибудь захотели еще прийти сюда... Приходите, пожалуйста.

— А чего? Вы разве эту музыку не слышали? — спросил меня Рафик, когда мы вышли на улицу.— Наша соседка с утра до вечера или это играет, или пластинки ставит. Бесплатные концерты! Ты приходи, слушай, если хочешь. Слышно здорово. У нас один угол в потолке пустой, там раньше стеклянный фонарь, знаешь, как окно в потолке был. А сейчас досками прикрыли угол, а между ними пустота. Если ухом к кровати прижаться, она, как звукопровод, все слышно...

Он не спрашивал у меня об учительнице, и я не говорил о том, какой у него слух и голос. Всего за две минуты мы дошли до «Культтоваров», долго выбирали и пробовали гитары и, наконец, купили одну желтую, семиструнную, за семь пятьдесят.

Рафик научился аккомпанировать на гитаре через два месяца. Сначала было мы взялись учиться вместе, но Рафик отмахнулся от нот и сказал:

— Ты аккорды давай! Аккорды!

И я подбирал ему аккорды.

Много лет прошло после тех событий. Я окончил консерваторию и выступаю с концертами. Но я всегда помню мою учительницу и то, как она, подняв руку, сказала:

— Тихо — музыка!

ЗОЛОТАЯ ДОРОЖКА

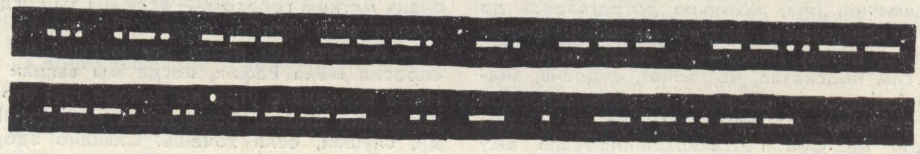
Е. АКСЕЛЬРОД

Солнцу я сказал:
— Скорей
Воду в море подогрей!
И на солнце стал
смотреть
И увидел вскоре:
Чтобы воду подогреть,
Солнце влезло в море
И поплыло под водой,
Проложив дорожку.

По дорожке золотой
Я прошел немножко,
А дорожка золотая
Холоднющая такая!
Будто солнце обмануло,
Будто солнца в море нет.
Может, солнце утонуло
И остался только след —
Красный след над головой,
А на море золотой?

СЛУШАЙТЕ НАШИ ПОЗЫВНЫЕ

«Пионер» благодарит всех ребят, которые откликнулись на наш сигнал:

В редакции ворох интересных новостей.

В Сыктывкаре действует отряд юных летчиков. Ты уже, наверное, прочитал о них в этом номере.

В Вильнюсе готовит новую программу пионерский цирк «Юность». Об этом цирке расскажем в следующем номере.

Пришли вести из рижского клуба «Внуки Колумба». Рассказ о них читайте в номере десятом. Там же вы узнаете о хитрых радиолисах и об охоте на них.

Готовится к печати фоторассказ о моряках из степного города Ново-Троицка, об эстонских Робин Гудах.

А из Южно-Сахалинска известий нет. Может быть, письмо еще не дошло? Ждем.

Ждем вестей от всех, кто открыл новое, занят интересным, придумал то, о чем еще никто не слышал.

ВАЖНОЕ СООБЩЕНИЕ!

В редакции хранятся почетные грамоты летчика-космонавта Леонова. Ты, может быть, уже видел их на странице 31. Алексей Архипович просил передать их лучшему клубу юных космонавтов. Клубы космонавтов, откликнитесь, расскажите о себе!

ВОТ БЫ БЫЛО ИНТЕРЕСНО

...Если бы «Пионер» рассказал, есть ли у наших космонавтов друзья-мальчишки.

...Если бы вы напечатали научно-фантастический рассказ или повесть (особенно я люблю повести Станислава Лема).

...Если бы я открыл журнал, а там — рассказ о наших советских разведчиках!

Мы собрали около пятидесяти разных предложений ребят, а потом читали их все подряд на встречах с читателями в трех парках, пяти школах, на Московском областном слете юных туристов и в восьми пионерских лагерях.

Те из них, за которые поднималось больше всего рук, уже включены в редакционные планы на этот год и на следующий.

Ира Выходцева

Почему-то все думают, что умелые руки могут быть только у мальчишек. А мы, девочки, тоже любим мастерить. Мне нравится в «Пионере» раздел «Веселые портняжки».

Ты права, Ира. «Веселым портняжкам» будем давать больше места.

Саша Сахно

О чем мне больше всего нравится читать в журнале?.. О том, как живут пионеры других стран.

Внимательно следи, Саша, за ближайшими номерами. Скоро у нас в журнале появится постоянная рубрика «Вести от друзей».

Дима Климичев

Самый мой любимый раздел в журнале «Тайны раскрытые и нераскрытые». Я люблю читать все, где рассказывается о разных загадках природы и научных открытиях.

Загляни, Дима, в этом номере на стр. 59. Раздел о тайнах сохранится и в будущем году.

Саша Гаврилов

А я о приключениях больше люблю читать, о путешествиях и вообще о смелых людях.

Для тебя, Саша, и для всех, кто вместе с тобой любит рассказы о бесстрашных, отважных людях, в следующих номерах «Пионера» и в будущем году тоже будет много интересного.

Сережа Тихонков

Вот бы было интересно, если бы в «Пионере» была страничка для коллекционеров!

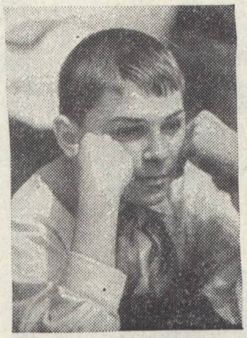
Будет такая страничка.

Саша Ошуков

Что люблю, так это всякие смешные рассказы и сценки. И повести, конечно, тоже.

В следующем, десятом номере печатаем очень смешную сатирическую пьесу А. Хмелика «Пузырьки». Уверены, что и посмеетесь от души и задумаетесь крепко.

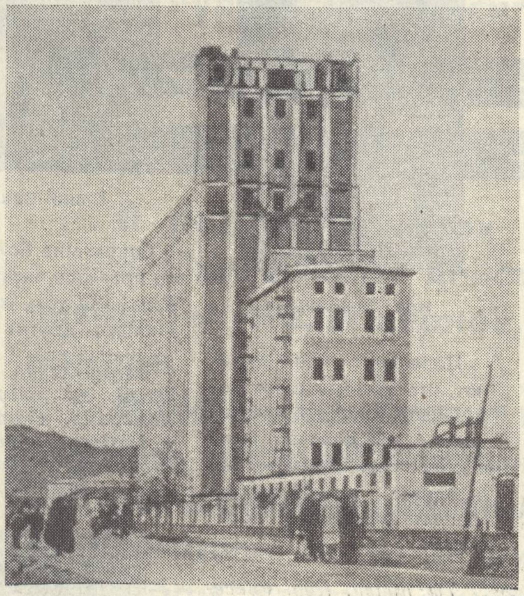

Лена Левина

Мне бы хотелось, чтобы больше рассказывали о нашей жизни, жизни ребят, и еще о том, что происходит в мире.

Твое предложение, Лена, редакция «Пионера» тоже принимает.

Ты собираешься выписать себе журнал «Пионер» на будущий год. Каким ты хочешь видеть твой журнал? Редакция много думает в эти дни, чтобы сделать «Пионер» в следующем году интереснее. Твои предложения нам помогут.

СССР — АФГАНИСТАНУ

Вот какой элеватор появился в Афганистане! Он самой новой, самой совершенной конструкции. Построили этот первый в Афганистане элеватор советские инженеры и техники.

КЛЯТВА ПОВСТАНЦЕВ

Эти люди с винтовками — доминиканцы. С кем они сражаются? Почему?

Вы, наверно, знаете: Соединенные Штаты высадили в маленькой Доминиканской Республике многотысячные войска. Они хотят подавить там движение борцов за свободу. Кварталы Санто-Доминго превращены в груды развалин.

Но отважные повстанцы поклялись драться до конца. С ними весь народ. Даже женщины и дети роют траншеи, готовят бутылки с бензином против американских танков. У доминиканцев одно желание: выгнать с родной земли наглых оккупантов.

ЧЕТЫРЕСТА ОТЦОВ

Это случилось в Лондоне. Поздно вечером рабочий Артур Хартсон услышал на улице детский плач. Мостовая и тротуары были пусты. Плач раздавался из... мусорного ящика. Рабочий поспешил на помощь. В ящике, среди отбросов, он нашел новорожденную девочку.

КРУГОСВЕТКА

Хартсон отнес ребенка в больницу. Там его помыли и накормили. А вскоре весь Лондон облетела необычайная новость. Девочку, которая получила имя Джейн, усыновили четыреста рабочих. Они согласились отдавать ей до совершеннолетия часть заработка — двадцать фунтов стерлингов в неделю.

В КОГО СТРЕЛЯЕТ ЧОМБЕ?

Перед вами Моиз Чомбе. Он называет себя конголезским премьером. Но не народ Конго, не африканцы, а колонизаторы, которым Чомбе верно служит, поставили этого выскочку и предателя на высокий пост.

Смотрите, как усердно изучает Чомбе новую винтовку — «подарок» колонизаторов. Такие винтовки будут стрелять в конголезцев.

ПРИХОТЬ МИЛЛИОНЕРА

Известный французский миллионер Мелмут Гонстон ежегодно платит полиции восемьсот тысяч франков только за то, чтобы она запрещала рыбакам и спортсменам приближаться к его вилле со стороны Бискайского залива. Гонстону, видите ли, неприятно, когда силуэты чужих лодок и яхт «портят» морской вид.

ПЕСНЯ и РЕШЕТКА

Кто в Боготе, столице Колумбии, не знает песен Алехандро! Одна из них облетела весь мир: «Куба — си, янки — но». Ее поют и в Москве, и в Буэнос-Айресе, и в Ханое. А кубинцы считают ее своей народной песней.

Только колумбийским властям песни Алехандро не по вкусу. Когда молодой поэт выступил против нападения американских солдат на партизан Маркеталии, полиция его арестовала.

Уже почти два года Алехандро Гомес в тюрьме. Но разве песню упрячешь за решеткой? Песни колумбийского поэта-комсомольца еще громче звенят на улицах Боготы.

КЛАД

С. АРТАМОНОВ
Фото автора.
Рисунки Н. ДОБРОХОТОВОЙ.

Мне повезло. Бесхитростный и простодушный человек Витя водит меня по улочкам городка, и показывает, и рассказывает...

— А раньше вы у нас никогда не были? — спрашивает он.

— Нет, никогда, — отвечаю я.

— Ну, а теперь, наверно, будете приезжать... У нас хорошо!

— Может, и буду... У вас действительно хорошо.

Медаль к столетию Полтавы. На обороте: «А о Петре ведайте, что жизнь ему не дорога — жила бы только РОССИЯ».

— Я ведь, наверно, скоро уеду, — говорит Витя. — Восьмой кончил и сразу документы послал в Чкаловск...

— А куда? Кем хочешь быть?

— В речное-мореходное послал. Жалко, наша река Пьяна не судоходна, а то бы мимо своего дома плавал и гудел бы нашему Пьянскому Перевозу...

— А вы знаете, — меняет вдруг Витя тему, — знаете, какой мы древний город? Про наш Перевоз в летописях упоминается! Вот придем в музей, я вам выписку покажу... А еще на Перкин городок пойдем и в пойму заглянем, это как раз мимо идти. Там, около моста, ребята мамонтовую кость нашли. Пьяна весной подмыла берег, он обвалился, и эта кость открылась. Ну, и они ее в наш музей поволокли. Вдвоем тащили. Тяжелая. Мы взвешивали — шестнадцать килограммов... Куда пойдем?

— Так ведь ты же хозяин, — отвечаю я, — ты и веди!

Мы идем над рекой по берегу. Вдали, за лугами, поднимаются к голубым небесам круглые зеленые холмы. На их вершинах виднеются там и сям белые храмы и темные ветряные мельницы, деревни с россыпями домиков, черные пятна лесов, светло- и темно-зеленые квадраты полей. Очень красиво

Резной валек для стирки белья. Он очень красив...

Это памятник погибшим в Отечественной войне. Его сооружали и ребята и взрослые.

тут, в самой середке России, где под травой, в черной, тучной земле, дремлет сокровенная старина и древность. Миллионы людей прожили здесь свой век. Были детьми и состарились. Сами оставили детей и ушли из жизни. Каких только не было тут историй и случаев, прежде чем настали наши с вами дни!.. Ни один человек, ни один народ не должен забывать свое прошлое. Деды и прадеды требуют от нас внимания и уважения. Когда-нибудь и нас не будет, но разве не обидно исчезнуть без следа, словно сухой лист, капля воды?

Так я думал по дороге, а Витя вел меня в школу, в издали виднеющееся трехэтажное здание. Вел и рассказывал:

— Мы раньше и не думали, что в нашем Перевозе столько интересного. А оказывается, был Перевоз уездным городом. Даже свой герб был. В музее увидите, наши ребята по описанию нарисовали: щит, на щите сверху олень, а внизу река, и на реке плотик. Он-то и есть перевоз. Из книг — мы это узнали...

Школьный музей — две крохотные комнатки. Обе прямо-таки забиты любопытнейшими вещами. Среди старинной одежды и домашней крестьянской утвари толпят-

ся, озираясь, ребята, приехавшие из дальней школы на экскурсию. Люся Артамонова и Наташа Токарева рассказывают им:

— Где-то совсем рядом, за Пьяной, погибло летом 1377 года неосторожное и беспечное русское ополчение. Оно вышло навстречу татарскому царевичу Арапше, но тот схитрил и остановился. Русские решили, что он повернул в сторону, и успокоились,— пересказывают девочки летопись, а Лидия Ивановна, руководительница музея, разговаривает со мной в сторонке, а сама прислушивается, как и я, к древним русским словам: «Доспехи своя вскладоша на телеги, а щиты и копья не приготовлены»,— укоряет и печалится летописец, повествуя о битве полутысячелетней давности. И серьезны и внимательны лица ребят, слушающих его сегодня, через сотни лет, вот тут, совсем близко от места битвы.

«И ударил, подобравшись с пяти сторон, коварный Арапша, карла ростом, хитрый и свирепый до крайности». Ополченцы кинулись кто куда. Одни рассеялись по степи, другие угодили в Пьяну, в глубокую и стремительную тогда реку, многие потонули...

— А потом что было? Потом?— требуют ребята продолжения, потому что никому не хочется останавливаться на истории беды. Пусть за бедой следует наша победа! Ведь так оно и есть на самом деле. Печальная Пьянская битва предшествовала славной Куликовской, когда великий князь Дмитрий Донской...

И снова в музее тишина, будто и нет никого. Слушают...

Потом вернутся к себе в село и станут внимательно осматривать всякий уголок: нет ли чего и у нас интересного? Что было раньше, до меня, до наших времен в этих местах? Что было, что есть — это история!

Вот, например, мне рассказали ребята, что в прошлогоднем походе они занимались одним запутанным, но любопытным слухом о том, что жил поблизости, в Ичалках, поэт Дельвиг, близкий друг Александра Сергеевича Пушкина. Слух этот не подтвердился, но тогда же узнали мимоходом, что некоторые старики помнят предания о Степане Разине.

— В этом году разыщем того, кто помнит, и все запишем!..

Так узнается новое, так скапливаются богатства музея. И нет ничего удивительного в том, что сюда приезжают ребята из дальних сел, в том, что за два года перебывало в этих тесных комнатушках более восьми тысяч человек, в том, что большой государственный музей в Горьком устроил у себя прошлым летом ребячью выставку и кое-что из экспонатов не прочь был оставить у себя...

* * *

— Не подумайте, пожалуйста, что мы загордились и хвастаем, нет, мы еще очень мало сделали. Только начинаем,— говорила Лидия Ивановна.

И она и ее ребята из совета музея начинают вспоминать свои прежние походы, смеются над забавными эпизодами, заново представляя себе обвалившийся вход в пещеру, возле которой нашли каменный топор. И Витя уверял всех:

— Гарью оттуда пахнет. Раскопать бы и влезть... Может, там Перкин клад! Знаете про Перку?

Я, конечно, не знал. И пошла новая история.

— Это разбойник, атаман шайки. Жил он с товарищами на высоком холме, который с той поры так и зовется Перкиным городком. Вот пойдем туда, сами увидите. Говорят, рос на вершине холма огромный дуб, и сидел на дубу дозорщик, высматривал, не едут ли к перевозу купцы с товарами...

Тогда, завидя поживу, слетала удалая ватага вниз. Еще, говорят, бедных Перка не грабил. А от стражников прятался в глубоких пещерах. Там, по слухам, и клад его до сих пор закопан...

— Говорят и совсем другое про Перку,— вставляет кто-то из ре-

Эта медаль с надписью «Да вознесет вас бог» готовилась во время войны с японцами. Не желая спешить с ней, царь Николай написал на проекте: «В свое время». По ошибке выбили на медали обе надписи. Разразился скандал. Медаль изъяли, уничтожили. Ребята из Перевоза владеют редким экземпляром.

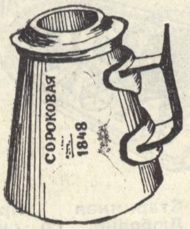
Старинная прялка. Любовно, со сказочной простотой вырезаны лошадь, карета, кучер. В оконце кареты глядит барыня... Все вместе весело и забавно.

Та самая чугунная пушечка.

Медная копейка 1790 года.

Мерка с государственными клеймами.

Чугунный умывальник. Кое-где такие еще и теперь в деле.

бят.— Тут ведь места мордовские. А мордва пряталась по лесам от крещения, тайно поклонялась древним богам-идолам. Перун, или Перкун, был богом. Может быть, тут, на холме, стояла языческая молельня? А еще раньше была стоянка древнего человека. Мы тут каменный топор откопали.

* * *

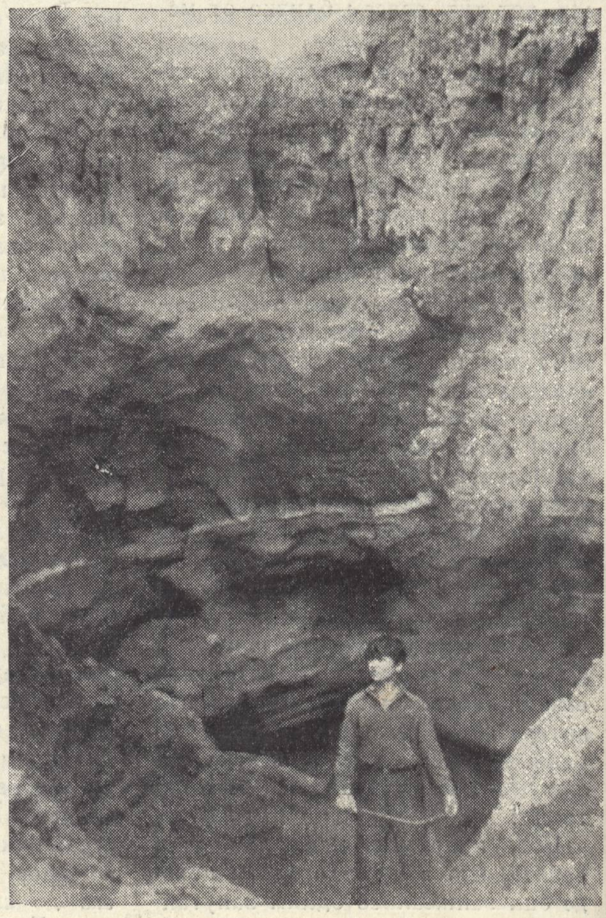
Ребята научились не только собирать экспонаты для музея, но умеют и думать о них, сопоставлять вещи, видеть за предметом целую картину. Вот маленькая чугунная пушечка... Отыскали ее в куче металлолома. Спасли от гибели. Принесли в музей и тут-то задумались: а откуда она у нас? Как могла попасть в наши края?

Взялись за историю, стали искать в книгах. Нашли. Иван Грозный, когда ходил воевать Казанское царство, стоял здесь с войском на отдыхе. Пушечка, должно быть, его...

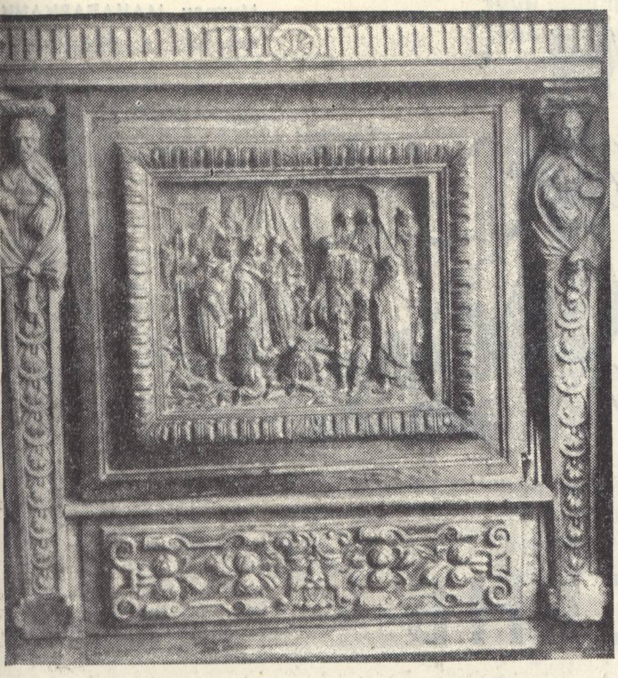
— И знаете, так мы о многих наших вещах постепенно догадываемся, — сказала Лидия Ивановна.— Музей у нас поначалу возник стихийно, сам по себе. Я тут уже двадцать четыре года работаю, учу их географии, хожу с ними в походы...

— Кое-что у меня у самой было: минералы местные, ископаемые кости. Показывала я их на уроках как учебное пособие. А потом гляжу: стали ребята сносить в школу кто монеты, кто медали... Ну и набралось всего помаленьку, да из походов приносили находки: то бивень, то костяную иглу, ядра каменные и чугунные — словом, самые разные вещи оказались у нас в руках. Так и возник музей. Стали помещение просить — дали нам. Выбрали мы совет. Развешали, разложили свое добро... И вдруг из игры, из забавы получилось что-то неожиданно интересное для многих. Потянулись к нам ребята, спрашивают о вещах, сами рассказывают, что знают. Обещают что-то принести. Взрослые приходят.

Вот один человек прислал со своим сынишкой — забыла я уже, что именно. А мы сначала в книгу записываем вещь, потом только выставляем. Ну, и не успела я записать его приношение, заболела. А он без меня приходит, все оглядел, своего не нашел и хоть смолчал, но обиделся крепко. Встречаю его позже, здороваемся, и чувствую я, что-то не так. Но в чем де-

А это Витя возле пещер Перкиного городка.

Лицо дубового шкафа с резной, очень тонкой картиной.

ло, не понимаю. И он молчит из гордости. Потом уже вспомнила, пошла к нему, говорю: так и так, не сердитесь... И знаете, ведь взрослый человек, а так обрадовался! Он-то думал, что мы его вещью побрезговали, посчитали ее хуже других.

Верно, случай забавный, но удивительно приятный. Он лучше любой грамоты похвальной, точно и веско показывает, что к музею перевозских ребят отношение доброе, живое.

В двух маленьких, тесных комнатках стараниями и трудами мальчишек и девчонок как бы сосредоточился весь родной край. Пробежишь из угла в угол глазами, спросишь у кого-нибудь из ребят:

— Что это за резной шкаф у вас?

— А вы посмотрите получше,— наперебой звенят голоса,— знаете картину Перова «Пугачевский суд»? Помните, как эта сцена описана в «Капитанской дочке» у Пушкина?

— Да, помню... Действительно, это напоминает и Пушкина и Перова. Тонкая, многоликая, сложная и красивая работа!

— Это мы в больнице забрали. Они в этом шкафу ведра ставили. Пока еще не знаем, кто резал, но ясно: мастер был настоящий. Наверно, самоучка. Наверно, увидал картину Перова — и захотелось ему преобразить ее по-своему, в дереве...

И так почти о всякой вещи рассказывают. Кто-то сбоку добавляет. И все рады, что мне интересно слушать. А я рад, что ребята так много знают, так интересно умеют объяснять и так ясно, широко видят родные места.

* * *

Сейчас они готовят выставку о сегодняшнем дне Перевоза. О том, как ставили памятник всем погибшим в эту войну, о том, кто из замечательных людей нашей страны — их земляки, о героях гражданской и Отечественной войн, о людях труда. Хорошо у них тут, хорошо и интересно. И, словно угадав, о чем я думаю, Витя говорит:

— Приезжайте еще! Я вам о Барнуковских пещерах не рассказал... А там, видели бы вы, какие залы! Правда, вход был закрыт. Не пускали никого. Но я слазил. Даже заблудился немного В некоторых местах только ползком и можно, на животе... Ползал я, ползал, потом смотрю: свет. Я туда! И вылез метров на пять выше того места, где влезал. Вот приезжайте!

Но мне-то как раз надо было уезжать.

Прощаюсь, а сам думаю: «Вот бы и вправду приехать сюда пожить, пойти с ребятами в поход, попить с ними щавелевого киселя, которым они так гордятся...» Словом, мне тут очень понравилось.

Монета с вензелем царя Павла I.

Серебряный георгиевский крест за оборону Севастополя в Крымской войне и цепочка к часам с брелоком в виде якорька. Подарены внуком героя.

Мухран МАЧАВАРИАНИ
Рисунки А. ЛИВАНОВА.

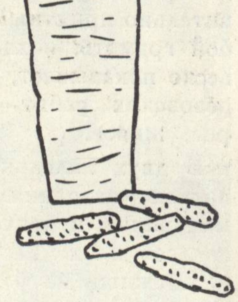

ОСЕНЬ

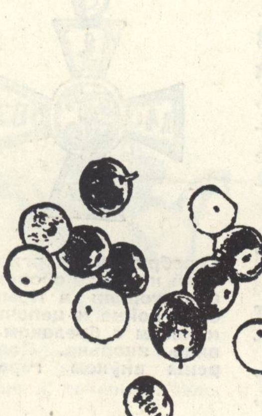

За ночь в горах побелели вершины,
И
Стало ясно: зима на носу.
Перепугались луга и долины,
Перепугались деревья в лесу.

— Эй, берегись! —
Задрожала осина,
И —
Кто куда, наобум, наугад —
Бросились фрукты к тазам и корзинам—
Персик,
айва,
абрикос
и гранат.

Будут орехи и малым и старым,
То-то спешат со всех ног наутек —
С неба в подол—к погребам и амбарам,
С неба на стол — в подоспевший пирог.

Вот кукуруза несется вприпрыжку,
Бабушка не оберется хлопот:
Старая, только задвинет задвижку,
Глянет,
а кузов опять у ворот.

Вот с виноградников напропалую
Прет виноград,
а за ним налегке
Яблоки с яблонь бегут врассыпную,
Располагаются на чердаке.

Тучи пошли по обочине неба,
А по дороге поплыли арбы.
Господи, сколько усатого хлеба
Движется, солнце взвалив на горбы!

Сколько соломы летит над полями,
Сыплет трухой, и на вилах шуршит,
И озабоченно к силосной яме
Под зиму силосоваться спешит!
И
Неожиданно все пожелтело,
Словно на утренней сходке,
Когда
Солнце выходит на жаркое дело,
И отступает ночная звезда.

И,
Охраняемые пастухами,
Бродят стада, озираясь вокруг,
Смотрят коровы большими глазами,
Рады — ну что еще слаще,
чем луг!

. . . .
Тлеют дрова в закопченном камине...
Ива плакучая клонится вниз:
— О, возвращайтесь!
Но нет и в помине
Листьев:
они по земле разбрелись.

Тлеют дрова в закопченном камине.
Дремлет мужчина, вернувшись домой.
Женщина воду меняет в кувшине.
В книжку мальчишка ушел с головой.

Вот и дочитана старая сказка.
Тихо... Темно... Светит месяц в окне...
И
Начинается новая сказка —
Та, что сегодня приснится во сне.

Перевел с грузинского О. Чухонцев.

РАССКАЗЫВАЕТ СОТРУДНИК УГОЛОВНОГО РОЗЫСКА

СЛЕД

В. ЧВАНОВ, подполковник милиции.

Я шагал по сутуловатой мостовой старого переулка. Здесь прошло мое детство. У дома, в котором когда-то жил, я опустился на скамью. Не заметил, как рядом со мной сел еще один человек. Повернул голову — да это же Ленька Самойлов, мой школьный товарищ! Теперь он Леонид Кузьмич, отличный детский врач.

Не успели мы перемолвиться и десятью словами, как из подъезда нашего дома вышел еще один старинный знакомец — Витька Давыдов. Когда-то Витька был первым заводилой в переулке. Теперь он хороший семьянин, превосходный, говорят, автослесарь.

Витька улыбнулся мне, поднял в знак приветствия руку и... прошел мимо.

Меня поразило: не остановился! Даже не поздоровался с Ленькой Самойловым. А ведь когда-то мы все были товарищами.

Неужели, подумал я, их детская размолвка затянулась на долгие годы? И даже сейчас, когда мы стали взрослыми людьми, они не могут попросту забыть все, что когда-то было, протянуть друг другу руки?

Наша школа стояла в соседнем переулке. За школьным забором — Екатерининский парк. В те годы он был местом сборища местных карманников и хулиганов.

В укромных уголках, в прохладной тени старых дубов и кленов, а то и просто на пригорке у забора они резались вечерами в карты. Удачу и проигрыш запивали водкой. Закуска, как правило, была одна — бычки в томате. Почему-то любили их. Когда бычков не хватало, в магазин посылали мальчишек, которые кружком стояли около играющих. Мальчишкам нравились эти поручения. Даже когда за нерасторопность им попадало, они не обижались. Пьяная удаль, финки в карманах, руки, покрытые татуировкой, волновали неокрепшие души ребят. Таинственность неизвестной им жизни, рассказы «героев» улицы манили их.

Среди этих мальчишек оказался и Витька Давыдов. После уроков он приходил в парк. Карманники уже знали его. Не чета другим, Витька несколько раз играл с ними в карты. И, конечно, проигрывал. Да что проигрыш! Зато его считали своим!.. Воры помоложе стали даже учить Витьку добывать деньги в чужих карманах. И он делал все, хотя ему и не нравилось.

Все чаще Витька пропускал уроки, а вскоре совсем бросил школу. Ушел из 8-го класса. Внешне в нем все оставалось мальчишеским: челка, нависшая над смуглым лицом, по-детски пухлые губы. Только глаза изменились: стали угрюмые, недобрые.

Витька беспричинно злился на ребят из своего класса. Приходил на школьный двор, хулиганил, грубил учителям, бил своих прежних товарищей. Приходил в разное время, чтобы не поймали.

Особенно не взлюбил Витька Леньку Самойлова. Бил его чаще других, на глазах у девчонок. Бил несильно — издевался, уни-

жал. Ленька понимал это, но сдачи не давал: чего-то боялся. И этот страх был еще обиднее, чем побои. Не боль, а беспомощность, бессилие угнетали Леньку.

Однажды Витька подкараулил Леньку в переулке. Настроен он был как будто мирно. Только папироска, метавшаяся от одного уголка рта к другому, говорила, что не так уж он спокоен.

— Вот что. Предлагаю мир!

Ленька молчал. Предложение Витьки было неожиданным, но о подвохе думать не хотелось.

— Я решил начать удовлетворять мои растущие потребности,— пояснил Витька.— Но вот беда — денег нет. Будешь давать мне по трешке.

Ленька быстро кивнул головой. Кивнул, не подумав, что скажет Витьке завтра, лишь бы сейчас скорее уйти от неприятного разговора!

А дома Леньке стало жутко. «Где взять столько денег? Не буду давать, будет бить по-настоящему. Хорошо одну трешку, ну, три достать можно. Но ведь Витька не сказал, сколько их потребуется для его растущих потребностей!»

Утром Ленька заглянул в копилку: с зимы откладывал деньги на велосипед...

Витька был точен: приходил за деньгами аккуратно. И не трогал. Только усмехался. Но пришел неизбежно тот день, когда очередной трешки у Леньки не оказалось. Небогатые его запасы иссякли.

— Бери, где хочешь,— сказал при встрече Витька.

— Неоткуда больше мне брать,— попытался возразить Ленька.

Но Витька со спокойной уверенностью в своей силе повторил:

— Бери, где хочешь. Не принесешь — пеняй на себя.

Где было Леньке взять денег?!

В нашем классе, как и в других, время от времени собирали деньги на экскурсию в Третьяковку, на подарок товарищу... В последний раз собрали деньги для поездки на катере по Москве-реке. Хранились они у Ленькиного соседа по парте, нашего культорга Стасика Худякова.

На уроке русского языка, когда Стасик подчеркивал жирно мелом на доске сказуемое и подлежащее, Ленька дрожащими, вспотевшими руками вынул деньги из портфеля товарища. Вытащил и переложил к себе в карман. Но в кармане держать их было опасно. И, улучив момент, когда класс дружно рассмеялся какой-то шутке учителя русского языка, Ленька ловко сунул деньги под ножку соседней парты.

Урок кончился. Не успели ребята выйти из класса на перемену, как раздался крик Стасика: «Деньги украли!» Все кинулись к его парте. Кто-то крикнул:

— Не может быть этого! Посмотри как следует.

— Украли...—беспомощно, чуть не плача, повторял Стасик.— Украли.

— Никто не уйдет из класса, пока не найдутся деньги,— решили ребята.

И деньги, конечно, нашлись.

Никто и предположить не мог, что взял их Ленька, подозревать стали другого мальчишку. И как он ни доказывал, что деньги не брал, ребята не поверили.

Вечером того же дня Ленька сказал Витьке:

— Понимаешь, не удалось. Подожди до завтра.

— Подожду, но дашь мне полсотни. Понял?

— И больше ты от

меня никогда не потребуешь денег? — спросил Ленька.

— Не потребую!

И вот настало завтра.

Встретились в условленном месте. Ленька принес деньги.

— Квиты! — сказал Витька.

Ленька вернулся домой. Над раскрытым комодом стояла мать.

— Ты брал отсюда деньги?

— Нет! Не брал,— ответил он.

А мать заплакала.

Ленька понимал, ох, как он здорово понимал, что мать плачет не потому, что ей жаль этих денег. Она плакала оттого, что он, Ленька, сказал ей неправду.

Этих слез Ленька не мог забыть долго. Не забудет, наверное, до конца дней.

А Витька сдержал слово. Он с тех пор не требовал у Леньки денег. Он даже сторонился, точнее сказать, избегал Леньку.

Прошло много лет.

Ребята стали взрослыми.

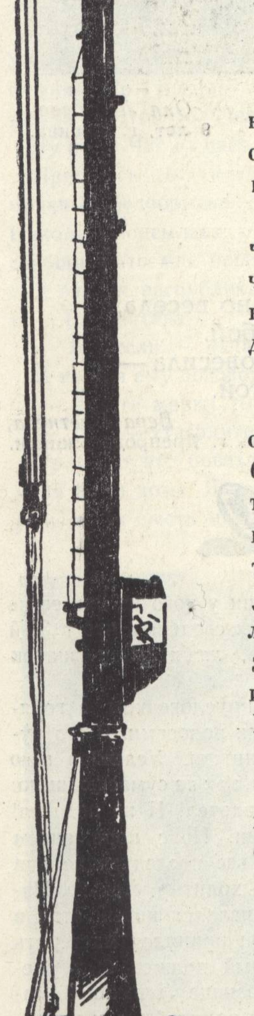
И, кажется, они могли бы забыть мальчишеские счеты и обиды. Но вот рядом со мной на скамейке, во дворе нашего старого дома, сидит Ленька, а из подъезда вышел Виктор, и они не поздоровались. Почему? Я долго думал об этом. И понял, что есть вещи, которые не забываются даже тогда, когда мальчишки становятся взрослыми. Я понял, что Витька с годами, наверное, почувствовал свою вину перед Ленькой, ощутил всю несправедливость того, что было когда-то. Ну, а Ленька так и не смог простить ему первого большого унижения.

А может быть, не ему, а себе он не мог простить этого унижения. Того, что позволил себе слабость и трусость.

Такое не забывается. И не всегда правы те люди, которые полагают, что «детские» конфликты сглаживаются с годами. Жаль только, что понимаешь все порой слишком поздно...

МЫ СТРОИМ ДОМ

Кто мы? Да ты, например. Ты видишь, как стараются архитекторы, инженеры, строители создавать дома красивые, удобные, разные.

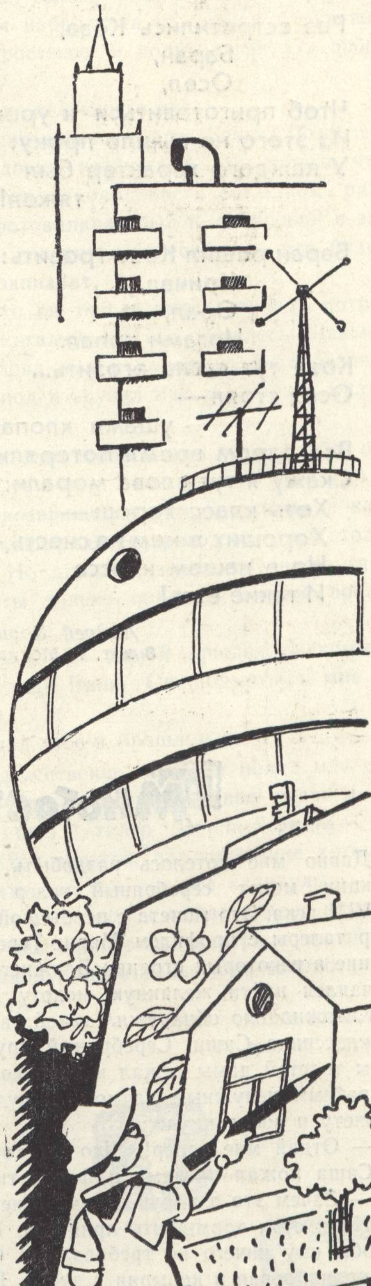
Им помогают придумывать все, потому что все люди живут в домах и все хотят, чтобы дома строили хорошие. И тебе, наверное, тоже не раз думалось: вот какой бы дом получился у меня, будь я строителем! А какой бы это был дом?

Знаешь что? Давай устроим в «Пионере» свою строительную площадку. Все ребята будут придумывать и присылать свои проекты новых домов. Умеешь — сделай чертеж или рисунок. Или пришли описание, каким ты видишь новый дом. Подумай как следует, чтобы в этом твоем доме хорошо жилось и взрослым и ребятам. Наверное, тебе захочется, чтобы прямо в доме было кино и кафе-мороженое. И спортивный зал. И, конечно, пионерский штаб. Где они разместятся?

Сколько этажей будет в твоем доме? Какие окна? Вдруг круглые, например? Какое будет отопление? А освещение? А лифт какой построишь?

Надо предусмотреть все, чтобы было где поиграть. И чтобы магазины были рядом — не бегать же тебе в булочную за целый километр.

Ждем твой проект. А вдруг он получится таким удачным, что архитекторы, которым мы покажем потом все письма, рисунки, чертежи, возьмут да и примут твои предложения?

Осёл, Баран и Коза

Раз встретились Коза,
Баран,
Осел,
Чтоб приготовиться к уроку.
Из этого не вышло проку:
У каждого характер был
тяжел!

Баран решил Козе грозить:
Кричал,
Орал,
Ногами топал.
Коза тут стала егозить...
Осел стоял —
ушами хлопал!
Все даром время потеряли...
Скажу я тут слова морали:
Хоть класс хорош —
Хороших в нем не счесть,—
Но в нашем классе
И такие есть!

Андрей Зорин,
8 лет, г. Москва.

На набережной.

Оля Лебедева,
9 лет, г. Москва.

Ночь

Я — ночь, темна, но весела,
Горжусь сама собой.
На лбу я знак повесила —
Мой месяц золотой.

Вера Плетнева,
4-й класс, г. Днепродзержинск.

Многоступенчатый обмен

Давно мне хотелось раздобыть для своей коллекции монет серебряный талер Австро-Венгрии XVIII века. Это монета с необычной судьбой. До сих пор талеры с профилем Марии-Терезии имеют хождение в некоторых странах Ближнего Востока. Я уж отчаялся найти желанную монету, когда совершенно неожиданно обнаружил такой талер у своего одноклассника Саши. Серебряный кружочек с профилем толстой дамы лежал в коробке с карандашами и разным ненужным хламом. Я судорожно схватил монету и воскликнул:

— Отдай мне талер!.. Что ты хочешь взамен?

Саша пожал плечами и флегматично заявил:

— Зачем это я вдруг отдам? Мне ничего не надо.

Но я стал тормошить приятеля. Не может быть, чтобы ему ничего не требовалось! Саша долго размышлял, зевая и ковыряя в зубах. Наконец он вяло сказал:

— Вот есть такая книжка — «Сержант милиции». Достань ее для меня. Тогда, может, отдам монету.

Отлично! Я выбежал от Саши, уверенный, что теперь талер мой. Был первый день весенних каникул, а значит, впереди целая свободная неделя.

На следующий день я обошел всех своих товарищей в поисках книги, однако ни у кого из них ее не было. Но зато я получил от них сведения, что в 31-й квартире живет некий Ленька, любитель и знаток детективной литературы.

Ленька оказался небольшим человечком с горящими глазами и взъерошенными волосами. В его руках были две раскрытые книжки. Услышав мою просьбу, он посмотрел на меня, как на сумасшедшего:

— «Сержанта»? Ишь чего захотел! И не надейся!

Я ушел не солоно хлебавши. Но с поражением примиряться не хотелось, и я все последующие дни продолжал нудно и настойчиво ходить к Леньке. Наконец мне повезло. У Леньки начался новый этап в освоении детективного дела. Он принялся мастерить миниатюрный приемник, который должен был уместиться в выпотрошенной пудренице Ленькиной матери. Оказывается, точно такая рация была у какой-то знаменитой разведчицы. И Леньке был крайне необходим триод. Поэтому он со вздохом сказал:

— Неси мне триод — получишь «Сержанта».

От будущего разведчика я вышел озадаченный. Что такое триод, и где я его достану? После долгих раздумий я вспомнил о своем бывшем соседе, старшекласснике Николае. Он всегда увлекался радио-

техникой. Но он теперь жил за городом. Делать нечего, придется ехать к Николаю.

Все каникулы была скверная погода, и поэтому мне удавалось заставать своих друзей дома. Николай, когда я зашел к нему, предавался странному занятию. Он ползал около расстеленной на полу простыни и прикалывал к ней разнообразные значки. Вся простыня была усеяна блестящими разноцветными значками. Не отрываясь от своего важного дела, Николай сообщил, что он давно забросил радио, что триод у него есть, но «за так» он его не отдаст. Оказывается, у него недостает двух кубинских значков. И он уверен, что я восполню этот пробел.

— Где же я достану такие значки?— заныл я.

— Есть такой тип — Вовка из четвертого корпуса. У него имеются значки — «Ананас» и «Год просвещения». Но мне он ни за что не даст. Попробуй выуди у него. Получишь триод.

Ну и ну! Час от часу не легче.

Пришлось идти к «этому типу» Вовке. Это был мрачный белобрысый паренек. Он долго ворчал, что Николай подсылает к нему лазутчиков. Потом он сообщил, что мне повезло. Какой-то Филипп обещал ему значок республиканской Испании за марки Ифни и Гибралтара.

— Вот если...— начал Вовка.

Я не дал ему договорить:

— За эти марки ты дашь мне значки?

— Дам,— утвердительно буркнул Вовка.

Ура! Вот это повезло так повезло! Такие марки у меня были дома. Я помчался в город. На следующий день я вез шесть марок Вовке. Он их долго, придирчиво рассматривал на свет и даже, кажется, обнюхал. Наконец нехотя протянул значки. Я радостно схватил их. Это было первое звено цепочки, на другом конце которой находился талер Марии-Терезии.

Николая я застал только на другой день. Он с довольным урчанием набросился на значки и тут же приколол их на простыню. Я получил триод и побежал на электричку.

Я едва дождался следующего дня.

Знаток разведывательного дела Ленька был попрежнему лихорадочно возбужден. Он только что вычитал потрясающую подробность об одном разведчике. У того фотоаппарат был вмонтирован в зажигалку. Ленька доверительно сообщил, что будет делать такой фотоаппарат.

Я испугался, что он теперь вместо триода потребует от меня зажигалку. Но все обошлось. Ленька был человеком слова, как и положено быть разведчику. Он взял триод и вручил мне «Сержанта милиции».

Еще один день понадобился для того, чтобы отдать книгу Саше.

Довольный, я возвращался домой, сжимая в кармане заветный талер, ради которого пришлось столько потрудиться. Но для нумизмата трудности при добывании монеты только придают больше прелести новой монете.

В тот же вечер к нам домой пришел знакомый моих родителей дядя Ваня. Он подмигнул мне и сказал:

— Что я обещал тебе в прошлом году? А?

Дядя Ваня торжественно вынул и подал мне серебряную монету. Я живо схватил ее. Это был... талер Марии-Терезии — копия той монеты, на добывание которой я потратил как раз все каникулы.

Вот с тех пор и лежат в моей коллекции два одинаковых талера с профилем пышной императрицы. Она словно усмехается.

Илья Медовой,
14 лет, г. Москва.

Танцы. *Оля Лебедева.*

Как хорошо читать стихи в подлиннике!

Если ты изучаешь английский язык, то можешь прочитать это стихотворение не только по-русски, но и по-английски. Я постарался перевести его, но мне все равно кажется, что английское стихотворение лучше моего перевода. Да, впрочем, посмотри сам.

Witter BYNER

A LETTER

When I walked home forgotten,
When I walked home in grief,
I found a letter under my door.
It was an autumn leaf.

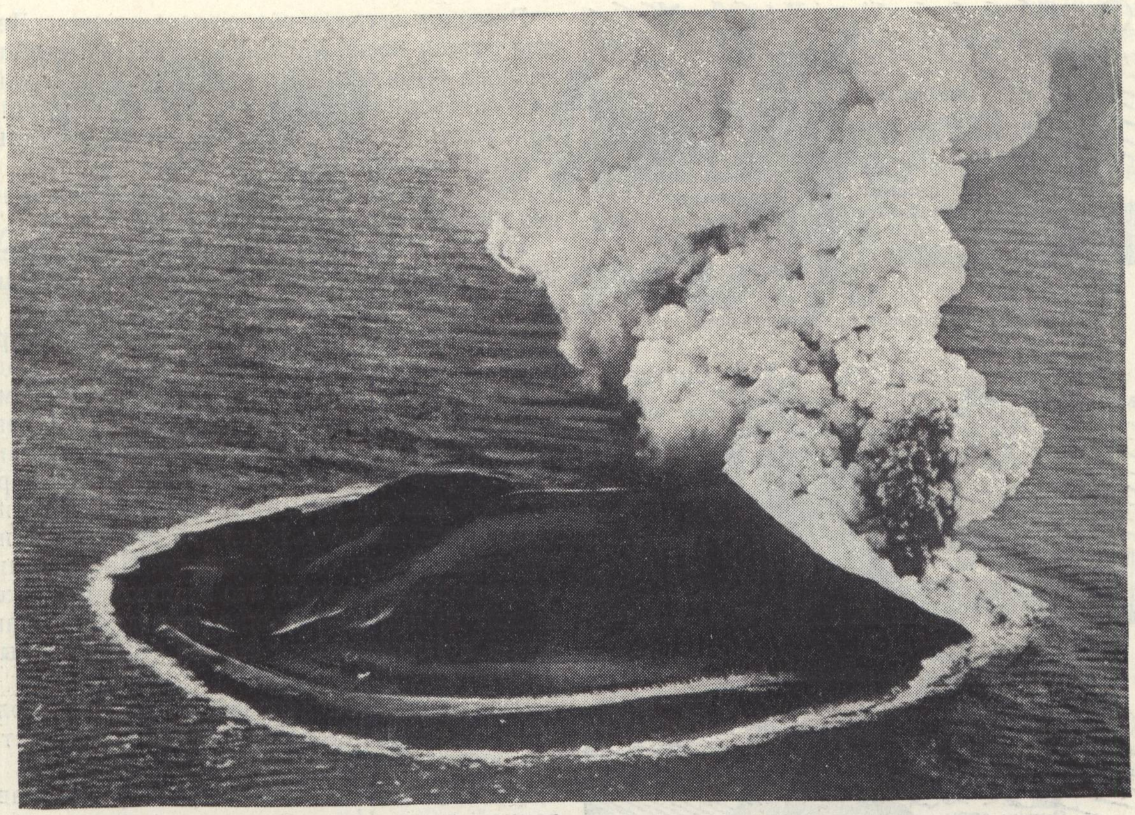
Уиттер БИННЕР

ПИСЬМО

Я шел домой, забывшись,
Я не грустить не смог,
И я под дверью письмо нашел,
Осенний лист — письмо.

Перевел с английского В. Лапин.

Суртсей — остров, рожденный в огне

Утром 14 ноября 1963 года экипаж исландского рыболовного судна «Ислефур», измученный тяжелой работой, крепко спал в своих подвесных койках. На вахте оставался только корабельный повар. Неожиданно он почувствовал сильную тряску. Можно было подумать, что судно попало в водоворот. Кок начал внимательно осматриваться и увидел столб темного дыма, поднимавшийся прямо из моря.

Решив, что в море горит какое-то судно, кок разбудил капитана. Корабль взял курс на дым. Радист вызвал ближайший пост береговой охраны, однако оттуда ответили, что никаких сигналов бедствия не было. Судно подошло ближе, и рыбаки увидели столб дыма и кипящее море вокруг него. Пар, пепел и огромные глыбы лавы вырывались из-под воды — это извергался подводный вулкан.

На следующую ночь на поверхности моря появилась узкая черная полоска. Остров! Вначале это была масса неплотного, пористого материала, который образуется, когда расплавленная лава резко охлаждается холодной водой.

Столб дыма, пара, пепла и камней поднимался все выше, и временами его вершина достигала пятнадцати километров. Крутящуюся вершину дымового столба теперь можно было видеть даже в столице Исландии — Рейкьявике — на расстоянии ста двадцати километров.

Время шло. Вулкан-младенец наращивал силу.

У населения островов Вестманнаэйяр опасный сосед вызывал большое беспокойство.

Толстый слой пепла оседал на острова. Ярко раскрашенные домики покрывались грязными полосами. В этих местах нет источников воды — острова состоят из пористых вулканических пород,— и жители для питья собирают дождевую воду с крыш домов. А сейчас вода сильно пахла фтором и серой. Пригодна ли она для питья?

Суртсей прорвался на поверхность.

Рядом с первым возник новый кратер.

Взрывы в кратере прекратились, лава выливается на поверхность.

Площадь Суртсея немного больше трех квадратных километров.

А что будет с рыбными пастбищами вокруг островов? Непрерывно осаждается на дно моря вулканический пепел. Не засыплет ли он водоросли, не повредит ли рыбе?

К счастью, рыбные промыслы не пострадали, а пепел с крыш пришлось непрерывно смывать морской водой.

Размеры острова все увеличивались. Два дня спустя после начала извержения высота острова была тридцать девять метров, а длина — пятьсот сорок. Вначале это была длинная, узкая полоса, затем остров стал овальным и наконец сделался почти круглым. К концу декабря конус вулкана поднялся на сто пятьдесят два метра.

Ученые с волнением следили за рождением нового острова. Уцелеет он, или его постигнет судьба острова Ниэй, исчезнувшего в морской пучине? Остров Ниэй возник в море в ста километрах от Рейкьявика при подводном извержении в 1783 году. Пока к нему шел корабль с монументом в честь его присоединения к королевству Дании и Исландии, остров исчез в море. О том, чтобы море не поглотило и новый остров, мечтали не только вулканологи. К нему было приковано внимание ботаников и зоологов. На вулканическом острове, только что возникшем из океанских пучин, совершенно нет жизни. Как, когда и откуда придет она на безжизненный клочок земли?

Шла неделя за неделей. Ученые продолжали наблюдение за островом. С самолета они хорошо видели, как море врывалось в кратер вулкана и мешало выходу расплавленной лавы. Но однажды в северо-восточной части поднялся столб белого пара. Лава вышла на поверхность острова! Ее сверкающий поток медленно стекал в море. Там, где встречались вода и огонь, к небу вздымалась крутящаяся стена пара. Теперь остров не исчезнет,— он получил наконец прочную оболочку. Вытекающая из кратера лава будет затвердевать и закроет собой непрочное основание из пористых материалов.

В мире существует много островов такого строения, но никогда раньше люди не видели, как они рождаются и формируются.

Первые дни существования Суртсея на нем не было ничего живого и склоны были покрыты лишь дымящимся шлаком и огненно-красными вулканическими бомбами. Когда большая часть острова остыла, на Суртсей началось вторжение живых существ. Первыми на острове были обнаружены мотыльки и моллюски. Позже в изобилии появились бактерии и некоторые виды плесени. Их занес ветер или чайки, а может быть, перелетные птицы. Крепко вцепились в береговую кромку морские водоросли.

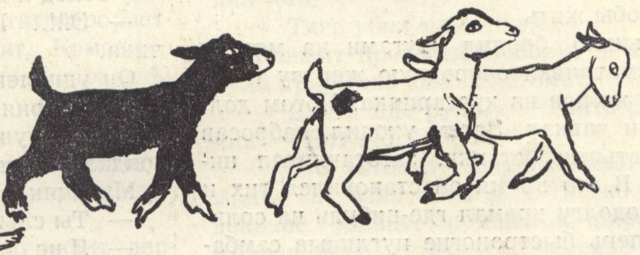
Сейчас вулкан спокоен. На Суртсей можно высадиться с вертолета или корабля. Ученые продолжают работать на острове.

Перевела с английского Н. Новобытова.

Юрий ИЛЬИНСКИЙ
Рисунки Ф. ЛЕМКУЛЯ.

Мальчик и тигр

Эту историю я услышал от садовника отеля в индийском городе Джайпуре. Я не запомнил имени мальчика, но постарался изложить события последовательно, не упуская подробностей.

Северeдж Сингх, так звали садовника, говорил медленно, задумчиво. Над нами чернел ночной шатер южного неба, в нем ярко горели незнакомые звезды. И я подумал тогда, что, возможно, именно так вспыхивали в джунглях глаза тигра. Только огонь их был холодным и злобным.

Мальчик рос тихим и слабым. Он не участвовал в шумных играх сверстников, не лазил с ними по деревьям, не совершал дерзких набегов на соседние сады, не потешался над чудаковатым стариком Али. Даже в веселый праздник Холи, когда мальчишки стаей носились по улицам деревни и поливали краской всех подряд — так уж принято в Индии в этот веселый день, — мальчик робко пробирался сторонкой. Сверстники смеялись над ним. Толстый сын старосты, что всегда ходил в красном вязаном колпаке, не раз предлагал мальчику помериться силами, схватиться на поясах. Но мальчик только печально смотрел на толстяка большими черными глазами и неслышно отходил к своей хижине.

С тех пор, как мать умерла, он жил здесь один. Отца несколько лет назад убил тигр.

Хижина была крепкой, крышу из пальмовых листьев не пробивал даже тропический ливень, и циновки в углу всегда были сухими. Здесь, на циновках, мальчик спал и ужинал. Завтрак он брал с собой в горы и съедал его, присев на пенек, покуда резвые козлята пили из ручья.

Мальчик работал — пас козлят. С козами ходил старик Али и двое подпасков. Козы кормили всю деревню, и ни один крестьянин не доверил бы их мальчику. Козлята — дело другое. Община платила мальчику рисом. Выходило недорого — пять горстей в день.

Он любил свою работу и относился к ней добросовестно. Собственно, он любил веселых маленьких драчунов, ласковых и шаловливых. Он мог часами наблюдать их проказы, мирил их, подкармливал лесными плодами, а иногда и делился своим завтраком. Он заботливо вычесывал из кудрявой их шерсти репьи и колючки, промывал голубоватые раковинки копыт, и козлята благодарно мемекали, скашивая на мальчика розовые овальные глазки, окруженные белесыми ресницами.

Мальчик бдительно охранял своих подопечных. Не раз он отгонял палкой быстрокрылых, мохноногих коршунов, отшвыривал с дороги ядовитых змей, однажды криком и ударами по кустарнику он прогнал огромного питона, гнездившегося в расселине бурой скалы.

Если бы его горластые сверстники увидели мальчика в лесу, то наверняка поразились бы происходившей с ним перемене. Куда только девалась его робость! Он смело шагал по джунглям, напевал тоненьким голоском песенку, смеялся, бегал наперегонки с козлятами, швырял камнями в обезьян.

Джунгли он любил и понимал их язык. Он приходил сюда на заре и уходил при закате. Джунгли были для него родными. Но иногда

липкий страх сковывал его худое тельце, и мальчик бледнел от ужаса. Так бывало, когда поблизости бродил тигр.

Тигр был седой и старый, втрое старше мальчика. Он появился в здешних местах так давно, что стал злым гением целых поколений. Его называли «Ужас ночи». С равным успехом могли назвать и «Ужасом дня». Им пугали детей. Взрослые, заслышав могучий рык, теряли рассудок и мужество.

Тигр был людоедом. Расчетливым, терпеливым, хладнокровным. Он убил более двухсот человек. Он убивал методично, спокойно. Убивал, чтобы жить.

Он неслышно бродил кругами на мягких лапах, высматривал очередную жертву и обрушивался на нее из кустарника. Потом долго хрипел и чавкал. Затем уходил, забросав сухими листьями останки: заготавливал пищу впрок. В это время он становился тих и смирен и подолгу дремал где-нибудь на солнцепеке. Теперь быстроногие пугливые самбары могли спокойно пощипывать траву, лирохвостым павлинам нечего было беспокоиться за рябеньких большеголовых птенцов и пугать всех резким, скрипучим криком.

Потом тигр снова выходил на промысел. Его могучее тело мелькало в кустах, железные когти глубоко втягивались в припухшие подушки лап, пожелтевшие, опаленные годами усы вздрагивали, а влажные ноздри ощупывали встречные воздушные потоки.

●

Деревня в тревоге. Тигр убил женщину, работавшую на поле. На глазах у растерявшихся соседей тигр перекинул ее на широкую спину и унесся скачками.

Мужчины собрались отбивать добычу у зверя. Вооружились сковородами, медными блестящими котлами, гонгами. Нещадно колотили билами — прерывистый звон заметался над джунглями.

Тигр ушел недалеко. С грохотом шли люди по его следам.

Металлический звон приближался, но вот его разметал новый звук, мощный, необузданный, неукротимый. Рев раздраженного хищника преградил путь преследователям. Люди дрогнули и стали. Потом повернули назад, не глядя друг на друга, униженные, жалкие.

Лишенные оружия, что могли они поделать? Не раз вызванные из города солдаты прочесывали местность, поливая кустарники очередями из автоматов, не раз власти приглашали прославленных охотников-истребителей, но убийца всегда уходил.

Люди запирались в хижинах, взывали о помощи к всемогущему Шиве, тихо плакали. Староста послал снова за солдатами. Деревня словно вымерла. Никто не работал на полях, недоенные буйволицы глухо мычали в закутах...

...Мальчик подгонял козлят хворостиной. У околицы его окликнули. Это был старый Али. В расширенных глазах старика белел страх. Али предостерегающе простер сухие руки, но мальчик прошел мимо под цокот маленьких копыт по камням. Старик поглядел ему вслед и вздохнул.

— Эй!.. Подожди!.. — донеслось до мальчика.

Он удивленно обернулся. Толстый сын старосты догонял его.

— Послушай. Не ходи туда! Отец вызвал солдат... Они приедут и убьют тигра...

Мальчик молча смотрел на толстяка.

— Ты слышал?

— Я не боюсь...

Толстяк сдвинул на затылок красный вязаный колпак.

— Ты с ума сошел... Тигр убил стольких людей!..

— Люди сделали его таким.

— Что-о-о?!

— Да, люди... Тигр не рождается людоедом. Сколько их в наших горах, а убивает один. Люди сделали его убийцей. Они ранили его в челюсть и лапу. Он не смог гонять оленей и кабанов...

— Да тебе-то откуда об этом знать? — Сын старосты решил, что его дурачат. — За вранье я тебе сейчас...

— Нет, я не вру. Я сам видел: сидел за деревом, ветер дул в мою сторону. Тигр хромает, и пасть у него не закрывается...

Сын старосты мучительно размышлял. Потом он сказал хрипло:

— Но ведь он убил твоего отца!

Мальчик опустил голову и побрел по дороге, окруженный козлятами. Сын старосты, всхлипнув, повторил:

— Послушай... не ходи туда... не надо!

Слова толстяка некоторое время звенели в ушах мальчика. Наконец наступила давящая тишина.

Джунгли молчали. Не перекликались птицы, попрятались в листве обезьяны, у ручья в камнях не было видно змей. Козлята мочили копытца в воде, звонкие капли стекали с их мягких теплых губ.

Но вот издали послышался рокот. Он приближался, и мальчик понял, что по горной дороге, змеей уползающей ввысь, поднимаются военные машины. Облава!

Мальчик заторопился и погнал козлят к горе. Он не дал им как следует напиться, и козлята возмущенно мемекали.

●

Облава шла уже четвертый час. Плотно окружив гору, солдаты цепью продвигались вперед. Их защитные мундиры сливались с яркой зеленью, алые тюрбаны с золотым полковым значком плыли над землей, словно яркие распускающиеся цветы. Кольцо постепенно сжималось. На всякий случай в действие была введена вторая цепь: если тигр прорвется через первую, его перехватят. Командир части решил во что бы то ни стало расправиться с убийцей, который наводил ужас на всю округу.

Группа снайперов-разведчиков во главе с сержантом шла впереди, издали осматривая в бинокль каждый куст.

— О, черт меня побери! — Сержант дернул себя с досады за молодцеватый ус. — Там пастушонок, вон, правее Синей скалы!

Солдаты переглянулись и бросились вперед. Обливаясь пóтом, они поднимались по крутому склону.

— Что ты здесь потерял? — закричал сержант, когда все остановились возле стада. — Ждешь тигра? Какой болван послал тебя сюда? Уж не эта ли продувная бестия, именуемая по недоразумению старостой? Если так, то у любого твоего козла под хвостом больше ума, чем у него в голове!

— Меня никто не посылал.

— Так какой же злой дух занес тебя сюда? Немедленно катись со своим зверинцем в деревню!.. Слыхал?!

Уверенный, что мальчишка не осмелится нарушить приказание, сержант вытер мокрый лоб и жадно припал к фляге. Мальчик молча следил, как под смуглой, бронзовой кожей челноком ходит кадык.

— Ты еще здесь, о сын греха? — Сержант поправил усы.

— Дайте мне ружье.

Солдаты переглянулись. Мальчик спокойно повторил просьбу. Сержант, пораженный неслыханным нахальством, уже открыл рот, чтобы достойно ответить, но мальчик опередил его:

— Тигр убил моего отца.

Сержант проглотил слюну, и его тяжелые руки привычно сжали автомат.

— Дайте мне ружье, — опять сказал мальчик. — Вот это.

— Это автомат, сынок, — проговорил сержант. Он взял мальчика, легко поднял худенькое тельце, прижал к широкой груди. Вблизи лицо сержанта потеряло солдатскую окаменелость, появилась сетка добрых морщин. Мальчик смотрел на сержанта, припоминая уплывшее, далекое время, когда его вот так же поднимали сильные руки и он смотрел в усатое доброе лицо. — Ты будешь хорошим солдатом, сынок, — раздумчиво проговорил сержант, — ты еще послужишь нашей республике. А сейчас иди...

Пораженные солдаты смотрели во все глаза. Они привыкли к металлу, звеневшему в голосе сержанта, и никогда не слышали от него речей в подобном тоне.

Мальчик опустил голову и побрел вниз по склону, подгоняя отставших козлят. Он шел медленно; козлята, не привыкшие так рано покидать пастбище, то и дело останавливались, и мальчику приходилось снова и снова взмахивать хворостиной. Мимо него скорым шагом прошли солдаты. Цепь охватила вершину и достигла столообразного плато. Послышался шум, крики.

«Они его не нашли», — подумал мальчик и круто повернул обратно. Козлята не поспевали за ним, но он не обращал на них внимания, он не видел ничего вокруг, кроме Синей скалы: там, в ущелье, однажды он видел тигра...

Тигр дремал, но маленькие уши его были настороже. Они еще издалека уловили необычный шум. Тигр открыл желтые глаза. Он был стар и опытен. За свой долгий век он уходил не от одной облавы. Здесь, в ущелье, скрытый шатром колючек, он был недосягаем.

Шум приблизился, потом удалился. Но тигр не выходил из укрытия, он решил дождаться ночи. Внезапно послышался легкий шорох, посыпались камни по тропе, и перед тигром вырос мальчик. Тигр вскочил, прижал уши. Он был сыт, и это спасло мальчика.

Мальчик тоже увидел тигра: в сумраке ущелья вспыхнули зеленоватые огни. В них тлело пламя ненависти. Мальчик отогнул нависшую ветку, и в ущелье ворвался свет. Тигр вздрогнул, ударил хвостом, оскалил клыкастую пасть.

Мальчик шагнул вперед. Тигр зарычал. Могучий рев зверя, удесятеренный эхом, потряс скалы. У мальчика затряслись руки, но неимоверным усилием воли он заставил себя снова шагнуть вперед. Это был маленький шаг, шажок испуганного ребенка. Это был огромный шаг невиданного мужества, шаг к смерти. Когда мальчик поднимался к Синей скале, он мечтал о мести, рисуя себе картину встречи с тигром. Теперь он не думал ни о чем, чувства невиданно обострились, голова была легкой, невесомым стало тело, и только ноги налились металлом.

Тигр рычал. Еще ни разу за свою разбойничью жизнь он не видел человека наступавшего. При встрече с тигром люди в ужасе поворачивались к нему спиной и летели сломя голову. Тигр бросался вдогонку. Сейчас все было иначе: человек наступал. Тигр бешено вспахал землю могучими лапами и снова зарычал. Мальчик шагнул вперед.

Он исчерпал силы, он понимал, что больше не сможет сделать и шага, он сознавал свое бессилие перед хищником. В этот момент он почувствовал, как что-то мягкое метнулось в ноги. Мальчик потерял равновесие и упал головой вперед.

Когда он поднялся, в ущелье никого не было, только качались кусты у входа, да комок белого пуха, словно солнечный зайчик, метался в неверном сумраке...

Мальчик вышел из ущелья и побрел отыскивать свое стадо. Он успел найти только трех козлят, когда внизу, там, где была вторая цепь, грохнул залп.

Командир воинской части сделал правильный расчет.

Эмма МОШКОВСКАЯ

МОКРЫЙ ГОРОД

Сколько же стало кругом фонарей!
На мостовой — фонари
и под ней.
Из каждой машины
стало две,
едут машины
на голове...
Из каждого дерева
стало два:
вверху — голова,
внизу — голова.
И я вдвоем иду сам с собой,
по мокрой-мокрой иду мостовой...

ВЧЕРА И СЕГОДНЯ

Вчера я был моложе,
вчера я был глупее,
и что вчера я натворил,
забудьте поскорее!

Сегодня я старее,
старее и мудрее,
остепениться мне пора.
Сегодня —
это не вчера!

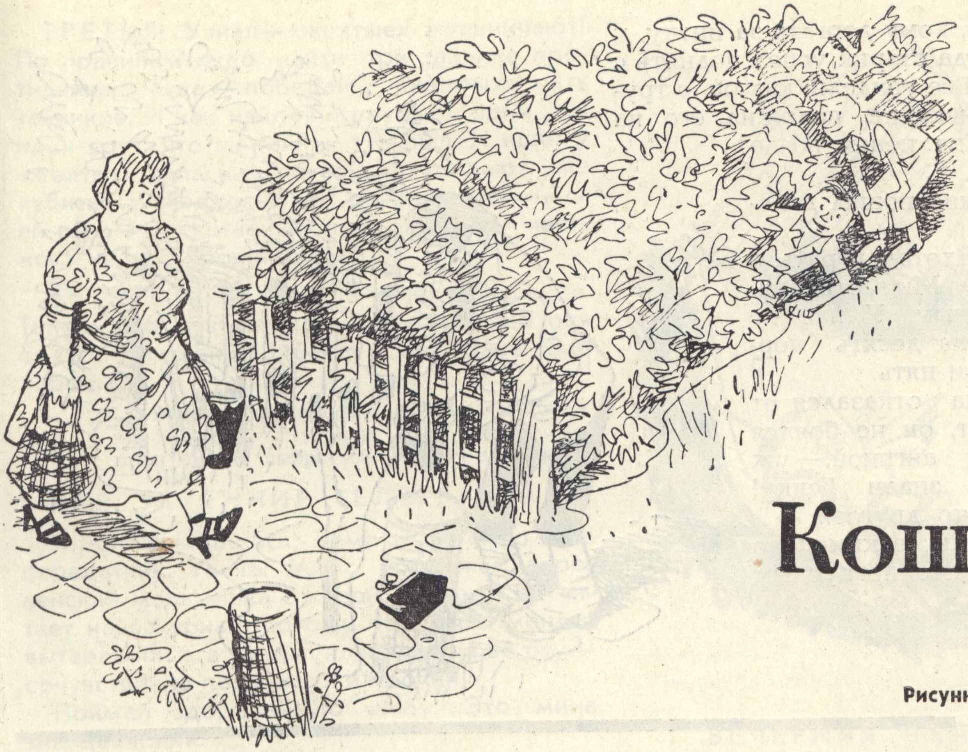
ВРЕМЯ

Слушай,
ВРЕМЯ,
Что такое?
Я не знаю —
ТЫ какое?

ТЫ худое?
ТЫ хромое?
ТЫ смешное?
Или злое?

ТЫ рябое?
ТЫ седое?
Или ТЫ совсем другое?

Ведь тебя, ТЫ понимаешь,
Я не видел много лет.
ТЫ все время убегаешь!
Никогда тебя тут нет!

Кошелек

В. ПАШУТИН

Рисунки Е. ВЕДЕРНИКОВА.

Мы слонялись без дела по двору и не знали, куда девать наши руки и ноги. Вчера в окно дворничихи тети Дуси забил Сережка футбольный мяч. Стекло мы не разбили, но тетя Дуся сказала, что мяча нам не видать, как своих ушей. Без футбола каждый из нас не представлял своей жизни.

Генка сделал умное лицо, приложив к виску палец, и воскликнул:

— Тише! Чапай будет думать! Десять порций мороженого, кто придумает интересную игру.

Генка хитрил. Он наверняка уже что-то придумал. Генка был среди нас чемпионом по мороженому. Раз он проглотил двадцать порций и неделю лежал с ангиной.

— Считаю до десяти. Раз!..

— В казаков-разбойников!

— Старо! Два!..

— В войну!

— Надоело воевать! Три!.. Я придумал! В кошелек!

Я притащил из дому старый, потертый кошелек. Засунули в него газету, и он стал неестественно толстым. Привязали длинную суровую нитку. Вышли на улицу и спрятались за кустом сирени. На тротуаре остался лежать, блестя никелированными углами, кошелек, а Славка держал в руках нитку, намотав ее на палец.

Показалась женщина. Все следили за ней. Увидит или нет?

Она увидела кошелек. Глаза ее заблестели. Славка, приоткрыв рот, наблюдал за каждым ее движением. Палец с намотанной ниткой покраснел. Рука вздрагивала. Женщина наступила на кошелек, поставила сумку на землю. Поднять кошелек ей мешали прохожие. Женщина нагнулась — сверкнуло кольцо на ее руке.

— Дергай! — зашептал Сережка.

Она приподняла мысок туфли. Мы лежали на земле, зажав рты, чтобы не рассмеяться. Но когда кошелек выпрыгнул из ее рук и пополз, мы прыснули.

— Хулиганье! Управы на вас нет!

Она ушла. Мы вновь стали ждать, не позарится ли кто на кошелек. На лице проходившего мужчины можно было прочесть удивление: «Есть же еще такие растяпы!» Он подтолкнул его ногой, но кошелек быстро исчез. Мужчина повернулся в нашу сторону и рассмеялся густым басом. Эти шутки ему были знакомы. Он тоже был мальчишкой. Мужчина ушел довольный, что мы его так провели.

Игра понравилась нам. Каждому хотелось дергать за нитку.

В конце улицы показался старичок. Он часто останавливался, опираясь на суковатую палку, и тяжело дышал.

Мы заспорили, кому дергать за нитку, и не заметили, когда старик успел поднять с земли кошелек. Все увидели, как он, с трудом переводя дыхание, положил его на видное место — на пенек возле забора.

Старик медленно пошел дальше.

Первым не захотел играть в кошелек Генка. Мы отправились за мороженым. У нас не хватило денег на десять порций, и мы купили пять.

И вдруг Генка отказался от мороженого. Нет, он не боялся снова заболеть ангиной,— уж мы-то хорошо знали Генку! Здесь было что-то другое...

Втроем мы ели эскимо, но оно было каким-то невкусным сегодня.

Смехотрон в пионерском лагере

Рисунки **А. ЕЛИСЕЕВА, М. СКОБЕЛЕВА.**

Всю зиму мечтал Смехотрон о пионерском лагере, и вот мы купили ему путевку. Однако в день отъезда его не оказалось в редакции. На столе белела записка: «Не сердитесь и не волнуйтесь. Уехал сам. Не пропаду. СМЕХ».

Конечно, мы заволновались, но что же делать? Стали ждать.

К вечеру второго дня смехотроний телеграф заработал, побежала лента с буквами. Мы облегченно вздохнули. Но что такое?

ПЕРВАЯ ТЕЛЕГРАММА

Беда, беда! Не доходя до лагеря, попал в плен. Во рту — кляп. Сижу в какой-то яме и ржавею. Ваш СМЕХ.

Все мы так и онемели: как это — «в плен»? На ночь оставили дежурного по редакции и в тревоге разошлись по домам.

ВТОРАЯ ТЕЛЕГРАММА

Дождался темноты и пробую на авось сигналить. Включаю и выключаю лампочку-нос. Часовой обстрекался крапивой и чешется со скоростью сто километров в час. Он чешется, я мигаю.

ТРЕТЬЯ ТЕЛЕГРАММА

Тут два лагеря и две армии. «Желтые» воюют с «голубыми». Не могу понять, какой из лагерей мой. Я в плену у «желтых». Их генерал только что заметил мои сигналы. Велел замотать мой нос тряпкой. Меня водили на допрос. Заставляли стать шпионом. Если не соглашусь, «желтый» генерал развинтит меня на части. Я ему сказал, что я имущество журнала «Пионер» и он будет за меня отвечать! Но он нахально захохотал и ответил, что обо мне никто и не узнает. «Развинтим тебя и — нету! Тю-тю».

ТЕЛЕГРАММЫ НА РАССВЕТЕ

ПЕРВАЯ: Я добрый и веселый робот, но иногда... Одним словом, лучше меня не обижать. Я за себя постоять сумею.

ВТОРАЯ: До сего дня меня никто пальцем не тронул, а «желтый» генерал стукнул меня по голове за то, что я сказал: «Разве можно пионерам курить?» Ну, теперь держись, генерал!

ТРЕТЬЯ: Узнал—«желтые» жульничают! По правилам надо найти три тайника противника, тогда — победа. У «желтых» пять тайников. И как найдут «голубые» один, так им и врут, что не тайник это был. И еще: у «желтых» запасные погоны. Их выдают уже «убитым». Подделывают погоны около моей ямы — тут штаб. «Голубые» воюют честно. Я на их стороне. СМЕХ.

ЧЕТВЕРТАЯ: Часовой у меня сменился. Теперь это девчонка. Я подумал: «Все они боятся лягушек... Значит, и она тоже. Это хорошо!»

...Мы все толпились у аппарата и, следя за ходом дел, верили, что наш Смехотрон сумеет выбраться из этой передряги.

ДВЕ УТРЕННИЕ ТЕЛЕГРАММЫ

Тороплюсь. Боюсь, заметят, что во мне передатчик. Точка. Мимо пробежал деревенский мальчишка с козой. Видимо, он читает наш журнал, потому что узнал меня и вытаращился, а увидал кляп у меня во рту— сочувственно подмигнул и пропал.

Поймал здоровенную жабу. Это мина для девчонки.

ДНЕВНЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

ПЕРВАЯ: Жабу подбросил. Девчонка орала. Со страху вцепилась в меня. Я ее пожалел. Связан. Опять в яме.

ВТОРАЯ: Ночью «желтые» пойдут в атаку. Заслали вперед разведчиков. Они укажут путь светлячками. У меня — план!

ВЕЧЕРНЯЯ ТЕЛЕГРАММА

Атака! «Желтые» кинулись вперед. Но я замигал глазными лампочками, размотал тряпку с носа. Мои сигналы они приняли за светлячков и устремились к штабу. Вызываю огонь на себя! Ну и ну, вот так свалка! «Желтого» генерала его же солдаты обстреляли шишками, закидали комками глины, повалили, связали, взяли в плен.

ТЕЛЕГРАММЫ СРЕДИ НОЧИ

Опять сменили часового. Это мальчик в очках. Он привязал к моей ноге веревку, другим концом обвязал свою ногу. Постелил одеяло, лег и уснул. Я подумал: «Спи, мальчик, покрепче!»

Через час появился тот, деревенский, с козой. Оказалось, он «голубой» разведчик. Козу берут напрокат у знакомого подпаска, за что обещано ему двадцать порций компота после войны.

«Голубая» армия хочет меня выручить. Прекрасно! Но тут выяснилось, что мой лагерь — это лагерь

«желтых». Что же делать? Воевать против своих? Вырабатываю новый план.

План созрел. 1-е: освободить и вытащить меня. 2-е: при помощи моего кляпа заставить молчать козу, надеть ей на голову мешок и посадить на мое место в яму. Повесить на дерево ведро с водой и к нему привязать веревку от моей ноги.

СООБЩЕНИЕ ПОД УТРО

Все готово. Чтобы не возбуждать подозрений, умолкаю. Утром меня будут судить за попытку побега. Как бы не так.

ДНЕВНЫЕ ТЕЛЕГРАММЫ

«Желтые» идут к штабу, который со всех сторон окружен «голубыми». Ни те, ни другие моего замысла не знают. Я молчу.

«Ага, ты спишь! В крапиву его!» — заорал «желтый» генерал, увидев спящего часового. Тот вскочил и на вопрос: «Где пленный шпион?» (то есть я)—гордо потянул за веревку. В тот же миг весь штаб окатило холодной водой. Часовой обалдело кинулся к яме, спрыгнул туда и пробкой вылетел обратно. За ним, опрокидывая «желтых», выскочила и заметалась по кругу коза. Переполох, суматоха, паника.

«Так,— сказал «желтый» генерал часовому. — Что это значит?»

«Это значит, вы попались»,— ответил ему генерал «голубой». Сопротивляться было поздно: всех «желтых» крепко держали... Война, казалось, окончена и безнадежно проиграна нами; вот тогда-то и появился я. Я произнес речь.

РЕЧЬ СМЕХОТРОНА

Ребята «желтые»! Я тоже «желтый», но я за справедливость. Разве это была честная игра? Кто хотел меня развинтить? А кто придумал фальшивые тайники и липовые погоны? Долой генералов-жуликов! Предлагаю перемирие, перевыборы, новую игру! Все закричали «ура» и решили разжечь костер мира...

ДВЕ ПОСЛЕДНИЕ ТЕЛЕГРАММЫ

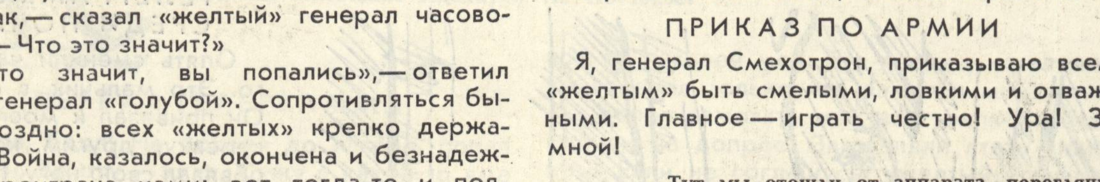
ПЕРВАЯ: Гордитесь мною! Я уберег свой лагерь от позорной капитуляции. Я вывел на чистую воду обманщика. А еще: теперь я, Смехотрон,— генерал «желтых». Меня выбрали единогласно, при одном воздержавшемся. Это был прежний генерал. Ну и пусть!

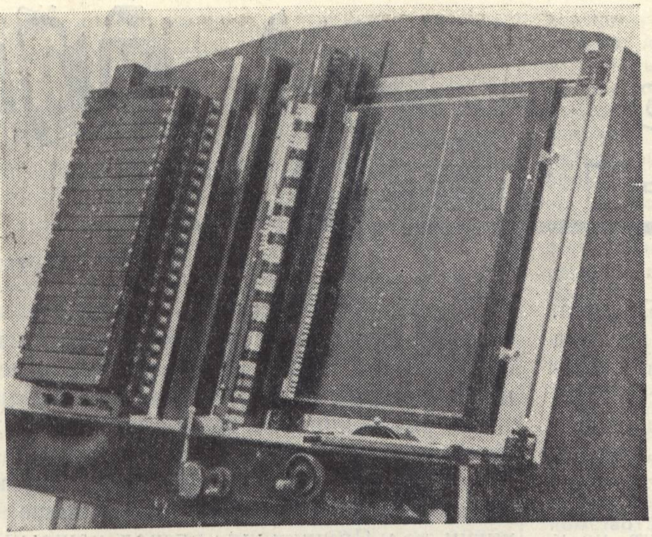
ВТОРАЯ: Догорает костер перемирия. Мы все поем походные и боевые песни. Затем обе армии разойдутся на свои позиции. Завтра начнется новая, честная игра. Тчк.

ПРИКАЗ ПО АРМИИ

Я, генерал Смехотрон, приказываю всем «желтым» быть смелыми, ловкими и отважными. Главное — играть честно! Ура! За мной!

Тут мы отошли от аппарата, переглянулись и покачали головами. Конечно, Смехотроша — молодец, что так ловко выбрался, но как бы он теперь не зазнался, как бы не расхвастался — вот что нас стало заботить! Ну да ладно, поживем — увидим.

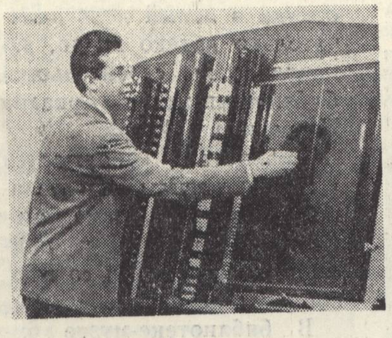

Музыка, нарисованная на стекле

Фото С. Карасева.

Как вы думаете, чем занимается этот мальчик? Он рисует музыку... Перед ним — стекло, покрытое черной непросыхающей краской. В руке — палочка. Любая закорючка, любая черточка, буква, слово, нарисованные на этом стекле, зазвучат на разные голоса. Но, конечно, не для того создавали этот удивительный инструмент, чтобы ребята рисовали на нем разные закорючки. Прикоснется к черной доске рука композитора — и мы услышим то, что он захочет,— волшебное пение скрипки или мощное звучание оркестра.

Этот удивительный инструмент стоит в павильоне радио-

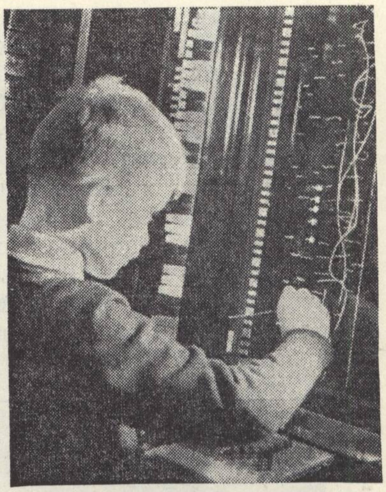
электроники на ВДНХ. Наш корреспондент **З. Коваленко** побывала там и попросила рассказать об инструменте композитора **С. Крейчи.** Это пока единственный в мире человек, который пишет музыку для нового инструмента.

— Вы видели, как работает художник? — спрашивает Крейчи.— Сделает мазок кисточкой, отойдет, посмотрит. Хорошо — оставит, а нет — сотрет и положит другую краску. То же и здесь. Нарисует композитор черточки на стеклянной панели, подвинет ее — она зазвучит. Понравились звуки — оставит. Нет — сотрет обыкновенным ластиком и нарисует другие. Черная панель — как белая нотная бумага, а черточки — как ноты.

Новый инструмент звучит и как скрипка, и как труба, и как целый оркестр. Грохот обвала в горах и взлет космического корабля — любую музыкальную картину можно «нарисовать» на этом инструменте.

АНС — имя нового инструмента. Так он назван в честь великого русского композитора Александра Николаевича Скрябина и, видимо, будет хорошим помощником композиторам. Обычно, чтобы проверить, как звучит музыка, написанная, например, для скрипки, нужно проиграть ее на самой скрипке. И так — для каждого инструмента, и только потом — для всего оркестра. АНС облегчает работу: композитор слушает звучание каждого инструмента в отдельности, а магнитная пленка позволяет услышать несколько инструментов вместе.

Музыка, записанная на панели, звучит не больше минуты, большое произведение занимает несколько панелей.

Вам, конечно, интересно узнать, где же все-таки рождается звук. За черной панелью сильная лампа. Если на панели ничего не нарисовано, черная краска не пропускает света. Любая черточка стирает краску, а значит, пропускает луч света. Он попадает на сложное устройство и превращается в звук. Зазвучит любая полоска, любой завиток, сделанный на панели.

Конструктор этого своеобразного музыкального инструмента — кандидат технических наук Евгений Александрович Мурзин. Двадцать пять лет работы вложено в АНС, но конструктор не считает ее законченной. АНС будет еще совершеннее.

ЧНЧ
Что нам читать?

НЕ только Ярушке — и тебе!

Е. РУБЦОВА

Жила-была в Праге девочка Ярушка. В один прекрасный день ее семья переехала в новую квартиру в новом доме. И вот, возвращаясь с младшей сестренкой после прогулки, Ярушка перепутала и вместо своего звонка нажала кнопку чужого. Дверь открыла незнакомая женщина с веселыми глазами. Она плохо говорила по-чешски, и Ярушка с трудом растолковала, что она звонит не к ней, а к себе. Так выяснилась ошибка и началось знакомство.

Случалось ли тебе иметь хорошего взрослого друга, читатель? Такого, чтобы можно было обо всем спросить и обо всем посоветоваться. Такого, чтобы не смеялся над твоими вопросами и не говорил: «Не приставай с глупостями» или «Подожди, мне некогда». Такого, чтобы знал про все, что тебе непонятно, и самое непонятное становилось ясным и простым после его ответов.

Ярушке повезло. В тот день, когда она ошиблась звонком, жизнь послала ей именно такого друга.

Дружба продолжалась и потом, когда старший друг, советская журналистка и писательница Нина Александрова уехала из Чехословакии в Советский Союз.

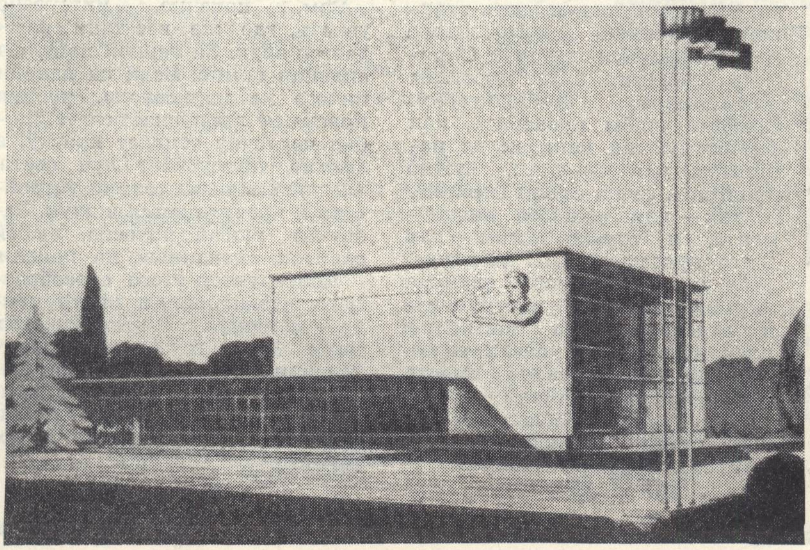
Но расстояние не преграда для дружбы. Ярушка писала в Москву, рассказывала о своих делах, слала фотографии и задавала вопросы. Их становилось все больше: ведь жизнь-то у Ярушки шла вперед, каждый день приносил что-то новое.

Ярушка хотела знать, рождается ли человек смелым. И храбрее ли мальчики, чем девочки. И есть ли в Советском Союзе ленивые ученики. И что самое главное в человеке. И кем стать, когда вырастешь. И как быть с Гонзиком, который никого не слушает ни в классе, ни в отряде.

А в ответ приходили толстые письма из Москвы. И какие письма!

Что ни письмо, то рассказ, целая история, будто интересную книжку читаешь. А этой интересной книжкой была сама жизнь. И случаи из жизни были ответами Ярушке.

БИБЛИОТЕКА-МУЗЕЙ ГАЙДАРА

В Каневе, в городском парке, на высоком холме, откуда в ясный день замечательно далеко видно, заканчивается строительство библиотеки-музея Аркадия Петровича Гайдара.

Библиотека сооружается вблизи могилы писателя-воина, сооружается на деньги, заработанные и присланные пионерами со всех концов страны.

В библиотеке-музее будут собраны материалы, рассказывающие о жизни Гайдара и о его подвигах в дни Великой Отечественной войны.

Вот какой будет эта библиотека-музей.

Б. КАМОВ

Когда же эти все письма сложились вместе, из них действительно получилась книжка. И вот что замечательно: повезло не только Ярушке. Ее старший друг — и твой давний друг — Нина Александрова была в детстве пионеркой, потом вожатой. Даже журналисткой и писательницей она стала, работая в журнале «Пионер». Даже на войну она ушла из редакции «Пионера».

Задолго до того, как она поехала в Чехословакию и подружилась с Ярушкой, она уже была другом наших, советских пионеров.

Возьми в библиотеке книгу **Нины Александровой «С добрым утром, Ярушка».**

Она и для тебя написана. Ты узнаешь из этой книги про мальчишек — разведчиков и партизан, про смелую пионерку Жанну, которой пришлось воевать и побеждать уже в мирное время; ты узнаешь о трех «потерявшихся» в пути и о цене истинной дружбы, о робинзонах Партизанского острова, о стойкости «целинного класса», о понимающих глазах и о линейке в сто миллионов человек.

Ты читаешь эту книжку и слышишь голос старшего друга, коммуниста. Он ведет тебя по жизни. Иными глазами ты видишь себя и своих приятелей, свой отряд и свой двор. Ты видишь прошлое страны и ее будущее. И не просто так! Ты видишь, как твой сегодняшний день связан с минувшими годами и как будущее твоей страны зависит от тебя, от того, какой ты сейчас и каким постараешься стать.

РАЗУМЕН ЛИ ДЕЛЬФИН?

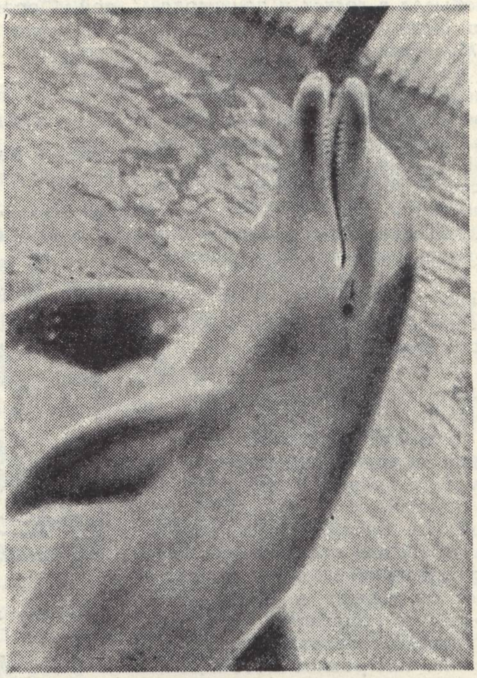
«В течение ближайших десяти — двадцати лет человечество наладит связь с представителями других биологических видов, то есть не с людьми, а с какими-то другими существами, возможно, не наземными, скорее всего морскими, но наверняка обладающими высоким уровнем умственного развития или даже интеллектом» — так пишет американский ученый **Джон Лилли** в книге **«Человек и дельфин».**

Это утверждение кажется фантастичным, но если вы прочитаете книгу, вы увидите, что Лилли опирается только на факты, на результаты своих многолетних опытов.

Лишь недавно ученые получили возможность детально наблюдать морских животных, когда были построены первые гигантские морские аквариумы - океанариумы. Оказалось, что лучше других животных к обитанию в морской среде приспособлены дельфины. Звуковые локаторы позволяют им безошибочно отличать живые предметы от неживых, а на близких расстояниях — одну породу рыб от другой. Удивительное строение кожи — многослойной и пластичной — позволяет развивать высокую скорость. Лучше всех других животных дельфины поддаются дрессировке. Для того, чтобы обезьяна наконец выполнила задание дрессировщика, нужно повторить опыт не менее трехсот раз! А для дельфина достаточно трех. Строение головного мозга дельфинов настолько сложно, что он сравним с мозгом человека. Вот об этом и рассказывает в своей книге нейрофизиолог Джон Лилли.

Однажды, когда он проводил очередной опыт, случилось неожиданное: дельфин поставил опыт над ученым. Лилли добивался, чтобы дельфин в надежде получить лакомство издавал свист определенной высоты, длительности и силы. Дельфин быстро усвоил эту игру, но вскоре стал увеличивать высоту свиста. Наконец ученый совсем перестал слышать свист, только видел сокращения дыхала, которыми всегда сопровождаются звуки. Лилли перестал давать лакомство за свист, которого он не слышал. Не получив лакомства два раза, дельфин снова вернулся к звукам, которые слышит человек.

На основании таких фактов Лилли выражает надежду, что «эти животные постараются пойти навстречу нашим попыткам установить с ними связь». Не все ученые согласны с выводами Лилли, но все с интересом следят за его опытами, которые стали известны во всем мире. Зоологи и историки стали вспоминать, что еще с древних времен сохранились легенды и рассказы о необычайной сообразительности и дружелюбии дельфинов. Известны случаи, когда дельфины спасали людей от акул, выносили тонущих на берег; один дельфин долгое время перевозил мальчика через залив в школу, другой, как лоцман, сопровождал суда. Рассказывали, как дельфины загоняли рыбакам рыбу в сети... Что ж, будем надеяться, что ученым удастся разгадать все дельфиньи тайны и объяснить все удивительные факты.

С. ОШАНИН

КУКОНЯ НЕ СОГЛАСЕН...

Знаете, ребята, кто такой Куконя? Нет? И Пешкин не знал, пока не побывал в гостях у ленинградского шахматного мастера Андрея Михайловича Батуева.

У Андрея Михайловича живут обезьянка Мартик и много говорящих птиц из тропических стран. Самый веселый из жильцов — попугай Куконя. Он знает больше ста слов и иногда пользуется ими очень кстати.

Когда Пешкин был у Андрея Михайловича, пришел один шахматист и стал рассказывать: у того он выиграл, этого победил, тому случайно проиграл. И вдруг Куконя громко крикнул:

— Ну что ты врешь!.. Ну что ты врешь!.. Некрасиво... Некрасиво...

Пешкин обрадовался: Куконя был совершенно прав! С тех пор Пешкин подружился с Куконей. Шахматист прежде всего должен быть строгим к самому себе, не увлекаться победами, не искать оправданий для своих неудач. Бывают ведь такие шахматисты: проиграет он партию и давай всех уверять, что поражение он потерпел случайно: голова у него болела или настроение было неважное...

Не уважаю я таких игроков. Так и хочется ему сказать: «Проиграл — молчи да про себя на отыгрыш надейся.

И не только надейся, а поработай. Обязательно разбери проигранную партию, постарайся понять свои ошибки. Поймешь — значит, в следующий раз их не повторишь».

КТО ИГРАЕТ ЛУЧШЕ!

Как-то пошел Пешкин в школу.

— Кто у вас лучший шахматист? — спросил Пешкин одного из ребят.

— Клименко, — ответил тот, — только я его обыгрываю.

Что и говорить, скромный ответ!

Чтобы не было зряшных разговоров о том, кто лучше играет, кто хуже, Пешкин советует вам, ребята, сейчас, в начале учебного года, провести школьное первенство. Сначала можно устроить турниры в отрядах, а потом соревнование победителей этих турниров в дружине на звание чемпиона школы.

Соберитесь все, любители шахмат, и потолкуйте, как проводить турниры, по каким дням, в какое время.

Играйте обязательно по расписанию, серьезно, чтобы спортивные разряды получить. Проведите конкурс решений.

Те шахматные секции, которые хорошо проведут соревнования, мы с Пешкиным наградим грамотой «Ферзя и ладьи».

Пишите нам, ребята, о ваших турнирах, шлите сыгранные партии.

ЗАГАДКИ ПЕШКИНА

Вот какие загадки придумал Пешкин для конкурса.

Сейчас на доске белых фигур еще нет. Пешкин не успел их поставить. Сделайте это вы. Найдите, куда поставить белого короля и белую пешку, чтобы, начиная игру, дать мат в два хода черному королю.

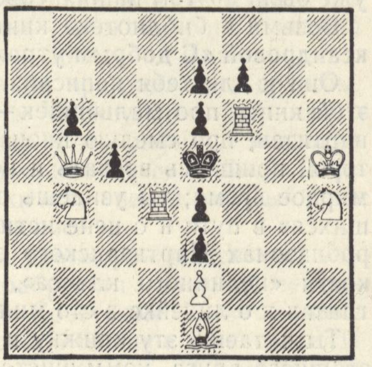

На следующей диаграмме вы видите двух бегунов — две белые пешки.

Далеко умчались они. Близок финиш. Уже можно превратить эти пешки в фигуры. Но в какие?

На это ответить непросто. Ведь черный король надеется на пат.

Найдите, как белые дают мат в три хода черному королю.

А в этой задаче — две задачи! В позиции, которую вы видите на диаграмме, белые могут в два хода заматовать черного короля.

Найдите это решение, а потом снимите с доски черную пешку f7. Задание не изменится, но решение станет совсем другим.

Напоминаю: победителей наших заочных соревнований ждет награда.

ПРАВИЛЬНО РЕШИЛИ

Этюд Сережи Макарычева, напечатанный в № 4, решается так: 1. f6! Крe6 2. f7 Кр : f7 3. ba Л : b4 4a7! С. a7 5. c7 Лb8 6. c8ФС : b8 7. Крe2, и белый король прорывается к полю h1. Ничья.

В окончании задачи **«Стремительная атака»** к цели ведет 1. Лh8+Крc7 2. Ф : d7+Кр : d7 3. Cf5+ и мат следующим ходом.

«На шахматной автостраде» ничья достигается путем 1. g4! Кр : h3 (если 1... a2, то 2. Крg2 и 3. Cg3 мат) 2. Крh1! a2 3. Cg1! Кр : g4 (при 3. a1Ф или a1Л белым пат) 4. Cd4 и т. д.

Среди ребят, приславших верные решения, **Витя Куприянов** (п. Купавна, Московская область), **Александр Коровянский** (Белгородская область), **Таня Пудкова** (Муром), **Володя Фокин** (Москва), **Тимирбай Ахметшин** (станция Кондры, Башкирская АССР), **Слава Захаров** (Бухарская область), **Сережа Баварский** (поселок Каменка, Ивановская область).

Пень-олень

Ю. КОВАЛЬ Рисунки Е. Ведерникова.

Однажды мы с Борькой ходили в зоопарк. Мы долго бродили, глядели на слона и бегемота, а слон и бегемот глядели на нас.

— Посмотри, Юрка! Вот индийский слон. Видишь, какой здоровый! Хобот-то, хобот! А уши? Вон какие здоровые! Как парашюты!

Борька мне прямо надоел. Целый день он толковал, что слон здоровый, бегемот тоже здоровый и толстый, жираф здоровый и длинный, а лев здоровый и злой. Но когда Борька сказал, что уши у слона, как парашюты, я рассердился:

— Много ты понимаешь. Уши у слона похожи на огромные лопухи.

— Это ты похож на лопухи,— сказал Борька,— а у слона уши как уши... как парашюты.

— Хотел бы я видеть, как слон прыгает с самолета.

— Слон не залезет в самолет.

— В «ТУ-104» может залезть.

— Там двери маленькие. Они не рассчитаны на слонов. Туда и бегемот-то не залезет.

Тут я подумал, как бы было здорово, если б над Москвой вдруг пролетал самолет, а из него выпрыгивали с парашютами слоны, жирафы, бегемоты, и я сказал об этом Борьке.

— Ну и что ж. Очень даже просто. Ведь летали в космос Белка и Стрелка.

Мы подошли к большой огороженной лужайке, по которой бродил пятнистый олень. Он был совсем один.

Борька стал подзывать оленя: «Олень, олень!» — и олень подошел к нам. Он был такой красивый и ласковый, что мы даже удивились.

— Олень! Хочешь баранки?

Олень посмотрел на Борьку симпатичными глазами и потерся рогами об изгородь. И Борька дал ему кусок баранки.

— Вот олень так олень — баранку лопает! Нам бы с тобой такого оленя.

— А где бы он у нас жил?

— На балконе. Где ж еще?

— А рога-то, смотри, какие! Прямо кусты!

— Вот бы было здорово, если б у оленя на рогах ягоды какие-нибудь росли! Смородина или крыжовник! Представляешь?

— Или малина,— подхватил Борька,— или брусника, а под рогами росли бы грибы и бегали зайцы, лисы, медведи и олени!

Тут мы засмеялись, попрощались с оленем и пошли домой. Мы шли по дорожке и ели мороженое. И тут я увидел, что из кустов торчат оленьи рога!

Пнище, выкорчеванный давным-давно, высовывал из кустов свои корни. Под корнями чернел сучок, напоминающий олений глаз. А старая кора под сучком вздулась, как оленьи губы.

— Пень-олень! — закричал Борька. — Юрка! Это пень-олень!

— Смотри, какой глаз!

— А ноздри-то чудные, как фонари!

Мы стали рассматривать пень, очищать его от земли.

— А не взять ли нам его домой? — сказал Борька.

— Ура! — сказал я. — Но мы его не дотащим.

— Ну-ка, берись за рог.

Борька уверенно двинулся к выходу из зоопарка. На его плече лежал один олений рог, а на моем — другой. Женщина, которая проверяет билеты, посмотрела на нас и сказала:

— Эти юннаты совсем с ума посходили.

А на улице один верзила сказал:

— Все пионеры металлолом собирают, а эти куда-то пень волокут.

— Это не пень, — сказал Борька. — Это олень.

Верзила выпучил глаза.

— И верно, пенек на козла похож.

Было жарко. Корявый олений рог впился в мое плечо. Какая-то противная муха выписывала кренделя около моего носа.

— Борька, отдохнем! — взмолился я.

— Ну, давай.

Мы подошли к киоску с газированной водой и опустили пень. Пень-олень заскрежетал рогами по асфальту. Пот хлестал и катился по моему лбу, как дождь по стеклу.

— Два с сиропом, — сказал Борька.

Румяная продавщица нажала на рычажок и спросила:

— Это что за чудеса?

— Пень, — сказал я.

— Пень-олень, — сказал Борька.

Продавщица высунула голову из-за своих стеклянных труб, наполненных ярким красным сиропом.

— Ну, на оленя он совсем не похож...

Я посмотрел на пень и прямо обомлел. Страшный осьминог обхватил длинными щупальцами баллон с газом.

— Осьминог! — закричал я.

Борька даже водой поперхнулся.

Пень-олень, перевернутый вниз рогами, был ужасно похож на сердитого одноглазого осьминога. Ветвистые оленьи рога превратились в щупальца, оленья ноздря стала осьминожьим глазом, который нахально уставился на нас. Борька перевернул пень, и осьминог превратился в гордого оленя.

— Что же это? Пень-олень или пень-осьминог?

— Давай домой. Там разберемся.

У наших ног ползла синяя тень. Тень-пень-олень, тень-пень-осьминог ползла по серому асфальту, заползала на цветастые булыжники мостовой.

Мы пришли домой и положили пень посредине комнаты. Мы вертели его так и эдак.

— И все-таки больше всего пень похож на оленя, — сказал Борька. — Поэтому пусть это будет пень-олень.

— Ура! — сказал я. — Пусть это будет пень-осьминог.

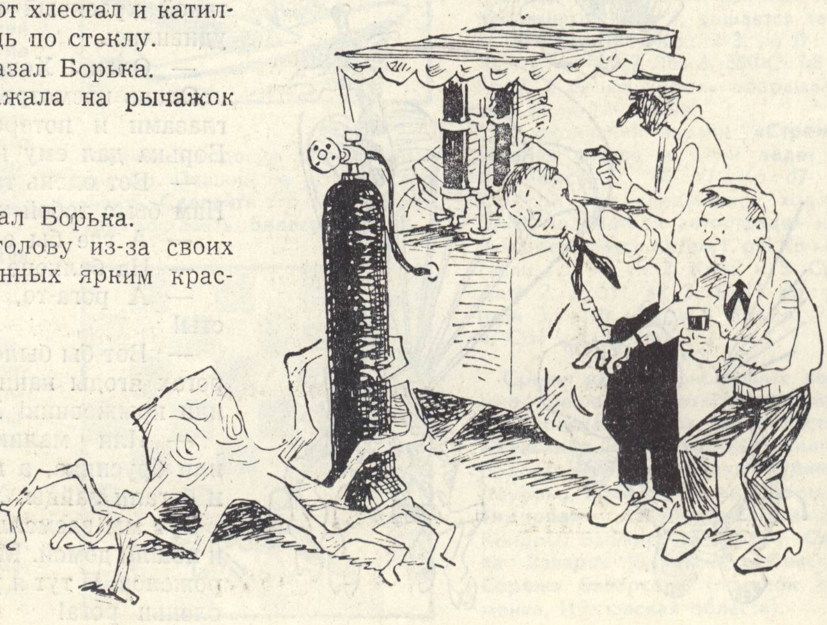
Тут мы немного поспорили и решили: пусть это будет пень-олень-осьминог. Повернем так — пень-олень, повернем эдак — пень-осьминог. И мы сняли с пианино хрустальную вазу и поставили туда пень.

А когда пришла с работы мама, она удивилась и сказала:

— Пусть этот пень стоит на балконе. Где это видано, чтобы олени ходили по пианино?

И мы отнесли пень на балкон...

Когда мы возвращались из школы, пень-олень помахивал нам рогами, а пень-осьминог оплетал щупальцами балконную решетку и смотрел на пробегающие внизу автомобили.

«Микро-65»

Хотите, чтобы в вашем дворе разъезжал вот такой автомобиль? Сделать его вполне по силам техническому кружку или дружному отряду. Только пусть вам в этом деле обязательно взрослые помогут. А помощь их вам вот почему понадобится: машина хоть и очень простой конструкции, не требующей токарных работ, но зато некоторые детали придется покупать. Чтобы приобрести велосипедный мотор и два детских самоката на резиновых шинах (ни мотора, ни колес вам самим не сделать), понадобится около восьмидесяти рублей. Поэтому не беритесь за постройку машины в одиночку. Можно использовать и подходящие старые детали — поискать их на автобазах и в мастерских.

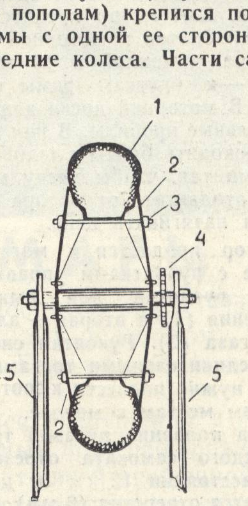
О «Микро-65» рассказывает руководитель детского технического кружка, где родилась эта машина, Александр Сергеевич Абрамов.

Мы довольны своей новой машиной. Она легко возит двоих взрослых и развивает скорость до 35 километров в час. Моторчик у нас мощностью в 1,3 л. с. Более мощный ставить не рекомендуем. Помните, что по улицам города ездить на таких машинах нельзя.

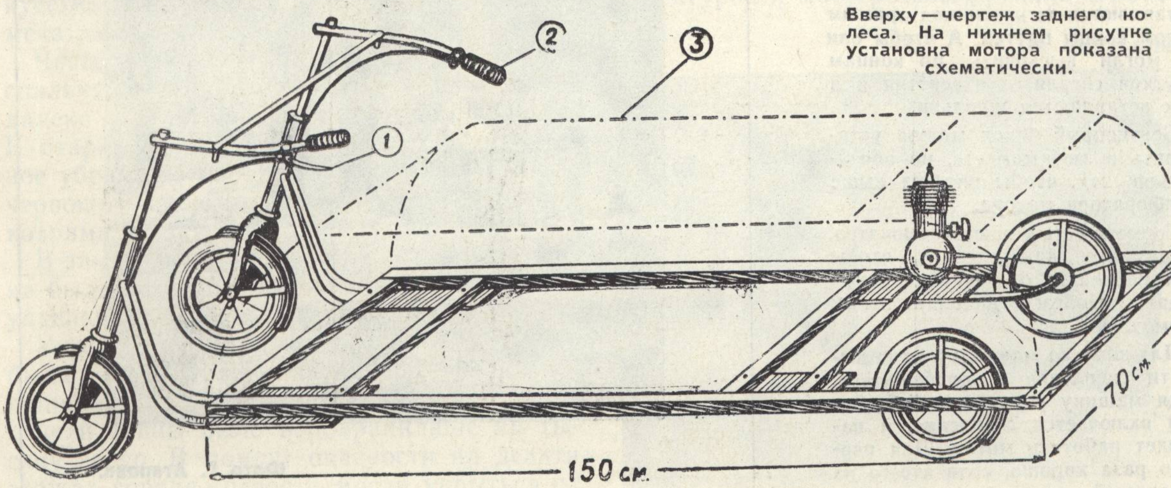
Тем, кто будет строить «Микро-65», советуем прежде всего сделать деревянную раму из сосновых брусьев (40×40 мм). По углам раму соединить в шип или в накладку, для прочности скрепить углы металлическими накладками.

Рама станет устойчивой только после установки боковинок кузова (3) и настила пола. Боковинки кузова (толщина фанеры 8 мм) прикрепляют к брускам рамы шурупами, предварительно смазав клеем места соединения.

Рулевая часть самокатов (каждый самокат нужно разрезать ножовкой пополам) крепится по бокам рамы с одной ее стороны — это передние колеса. Части само-

Вверху — чертеж заднего колеса. На нижнем рисунке установка мотора показана схематически.

катов с задними колесами устанавливаются с другой стороны рамы тоже по бокам, но уже внутри нее. Сборка на болтах 6 мм.

На ведущем заднем колесе устанавливается звездочка. Из дюралюминия или листового железа (2—3 мм толщиной) вырежьте два диска (2) диаметром в 260 мм. Диски наполовину ложатся на покрышки (1). На один из дисков приклепывается звездочка (4). Между дисками и звездочкой ставят прокладку — металлическое кольцо или шайбу. Прокладка должна быть такой толщины, чтобы ведущая цепь свободно надевалась. После этого диски ставят по бокам обода и стягивают болтиками (3). В центре каждого диска должны быть отверстия для оси. Диски сделайте выпуклыми (высота — 15 мм).

Вилку (5) ведущего колеса придется расширить прокладками с таким расчетом, чтобы цепь могла проходить к малой звездочке мотора. Сам мотор крепится при помощи болтов к моторной доске (фанера толщиной в 10 мм), а доска — к брускам рамы или к полу. В моторной доске делаются продольные пропилы. В них должны проходить болты с шайбами и гайками так, чтобы доску можно было отодвигать от мотора и тем самым натягивать цепь.

Мотор продается в магазинах вместе с рукоятками управления. Одна рукоятка для выжимки сцепления (1) и вторая — для подачи газа (2). Рукоятки снабжены соединительными тросами, которые нужно подвести к соответствующим местам в моторе.

Одна половина рулевой трубки у каждого самоката отрезается. На расстоянии 12 см от центра сверлятся отверстия (6 мм), в них вставляются загнутые под прямым углом концы прутка. А чтобы они не могли выскочить, по концам прутков сверлятся отверстия и в них вставляются шпильки.

Бензиновый бачок можно установить в любом месте, но обязательно так, чтобы он был выше карбюратора мотора.

Тормоза есть у ваших самокатов. Подумайте, как сделать, чтобы они работали от одной ножной педали. Полезен дополнительный тормоз.

Для запуска машины нужно вывести сцепление и пробежаться, ведя машину рядом с собой. Затем включается сцепление, и начинает работать мотор. Для первого раза хорошо, если кто-то из товарищей подтолкнет машину.

СПЕКТАКЛЬ О ДЕВОЧКЕ С КОСИЧКАМИ

Зина Портнова... Многие из вас, ребята, читали о ней в очерке А. Солодова «Девочка с косичками» («Пионер» № 5).

А недавно ленинградские школьники поставили спектакль о Зине Портновой по пьесе Г. Набатова «Дочь Ленинграда».

Спектакль идет на сцене Дворца культуры имени А. М. Горького. На этой же сцене до войны играла и Зина Портнова. Она любила исполнять роли отважных и смелых девочек в героических пьесах.

На фото — сцена из 1-го акта. В роли Зины Портновой—Лариса Козырева, в роли Семена Фирсанова — Коля Зарянко.

Фото Г. Агапова.

ЗАМОК ЦАРИЦЫ ТАМАРЫ

Вардзия — так называется этот город, высеченный в скале из желтовато-розового туфа. Прошло более восьми столетий с тех пор, как строители, вооруженные всего лишь киркой и лопатой, возвели этот дворец на берегу Куры.

Это было время расцвета грузинского искусства, время поэта Шота Руставели, замечательных грузинских зодчих.

Часть замка — покои царицы Тамары. Ее спальня, конечно, выглядела в те времена далеко не так голо, как на этом снимке. В старинных книгах описывается роскошное убранство дворца, двери были окованы червонным золотом, полы и стены покрыты коврами и шкурами диких животных.

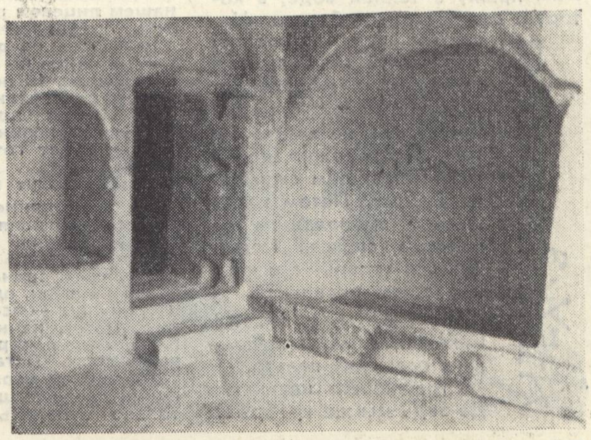
В замке было много света и воздуха. Окна были устроены с таким расчетом, чтобы улавливать даже слабые отблески света.

У жителей Вардзии всегда в достатке была вода: глиняный пятикилометровый водопровод доставлял ее из родников. На случай войны было водохранилище на тысячу ведер. В момент опасности на девяти этажах города-крепости могли укрыться от неприятеля около двадцати тысяч жителей.

И все же замок достался врагу. Изменники провели по тайному подземному ходу орду шаха Тахмаспа. Город был взят и разграблен.

Но, несмотря на все разрушения и сильное действие подземных вод, пещерный город и сейчас поражает своей необычной архитектурой и мастерством древних строителей.

О. БИРЗГАЛИС

ХРАБРЫЕ портняжки

— Где вы, храбрые портняжки! Ну-ка, доставайте поскорей спицы! Сегодня мы не шьем, а вяжем. Пришла осень, за ней зима, а у нас уже готовы обновки: одна красивая шерстяная шапочка к осеннему пальто, другая, спортивная,— для зимы, а может быть, еще и шарф свяжем в тон шапочкам! Ну не здорово ли!

Получится у нас! Еще как! Ведь петли-то вывязывать мы умеем. А нет, так мама или бабушка помогут.

Где раздобыть моток шерсти для вязания! Э, надо только не лениться. Вот тебе два совета.

Азбука вязания

Совет первый. Распустим старые, износившиеся рукавички, шарфик или кофточку. Все равно они теперь не годны. Отдельные нити мы свяжем, но кончики узелков обрезать не будем. (При вязании мы оставим их на изнанке работы.) На ножках перевернутого стула смотаем нити и готовый моток свободно перевяжем белой тесемкой. Почему белой? Чтобы не полиняла и не закрасила шерсть.

Второй совет. Теперь совсем немножко — минут десять — подержим пряжу в теплой воде, в которую мы прежде добавили «Новость». Если «Новости» под рукой не окажется, постираем шерсть в мыльной пене. Но тереть пряжу мы не станем, а только осторожно, не путая нити, будем сжимать ее руками. Потом хорошенько прополощем да повесим сушить. Полюбуйтесь теперь—пряжа у нас точно новенькая!

Что мы будем вязать? Конечно, сначала шапочку к осеннему пальто.

Страшновато начинать? Да ведь мы же храбрые!

ШАПОЧКА К ОСЕННЕМУ ПАЛЬТО

Для нее нужно 100 граммов шерсти. Вяжется на двух спицах № 2,5. Наберем 110 петель и будем вязать «резинкой» — 2×2 — 25 сантиметров. В первом ряду 2 петли лицевые, 2 изнаночные. Во всех следующих рядах — по рисунку: над лицевыми петлями обязательно лицевые, над изнаночными — изнаночные.

Теперь по лицу работы начнем убавлять петли, провязывая их по две вместе. Оставшиеся 8—12 петель стянем ниткой и сошьем нашу шапочку. Осталось только украсить ее. Что тебе больше нравится, помпон или кисточка?

Спортивная шапочка

Спицы у нас те же — № 2,5. Шерсти нам нужно 70 граммов.

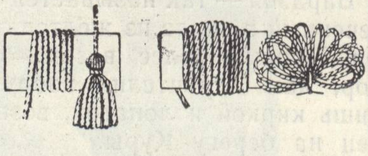
Посмотри, шапочка состоит из двух частей: пояска с наушниками и головки. Начнем с пояска. Наберем 19 петель и свяжем сантиметра 4—5 резинкой 1×1. Это будет часть пояска от середины затылка до уха. Дальше по лицу работы провяжем только 10 петель из 19, которые у нас на спице, и из промежутка между 10-й и 11-й петлями вытянем одну новую петлю. С изнанки эту новую петлю надо вязать на лицо, чтобы по лицевой стороне работы она смотрелась изнаночной. Теперь в каждом лицевом ряду прибавляем петлю, слева от прибавленной предыдущей. (Гей, гей, не робей! Смотри, как хорошо получается!) Всего мы прибавим 13 петель. Когда у нас на спице окажется 32 петли, три ряда мы провяжем, не прибавляя петель. И вот половина наушника у нас готова!

Примемся за вторую. Теперь в нашем лицевом ряду нам надо убавить прибавленные ранее петли, провязывая по две вместе, пока у нас на спице не останется, как было вначале, 19 петель. После этого вяжем до середины лба резинкой 1×1. Потом продолжаем вязать вторую половину пояска. Когда поясок будет готов, петли мы закроем.

А как вяжут головку?

По всей длине пояска наберем петли, вытягивая по одной из каждой «косички». Десять сантиметров мы свяжем так: первый ряд (лицевая сторона работы) — одна петля лицевая, одна — изнаночная, второй ряд — все петли изнаночные. Потом начнем убавлять петли: в лицевых рядах — вязать по две вместе. Оставшиеся 6—8 петель сошьем иголкой, сзади у шапочки сделаем шов. Теперь нужно только отпарить через влажную ткань донышко шапочки на перевернутой кастрюльке да пришить потом помпончик или кисточку.

КИСТОЧКА делается просто. На картонку длиной 10—12 сантиметров наматываются нитки. Верхнюю часть кисточки затягивают ниткой, нижнюю — обрезают. Верхний конец немного ниже макушки обматывают несколько раз ниткой — и вот вам кисточка!

ПОМПОН сделать еще проще. На картонку длиной 7—8 сантиметров и толщиной 2 сантиметра намотай потолще ниток, целый, неразрезанный моточек аккуратно сними и потуже перевяжи посередине. Разве плохой получился помпон?

Мы хотим еще связать себе **ШАРФ.**

Теперь-то нам это легче легкого. Он вяжется из 80—100 граммов шерсти тем же узором, что и шапочка. Наберем 40 петель да и свяжем полосу нужной нам длины. Конечно, потом мы еще отделаем его кисточками. Знаешь, как это делается? Пучок ниток длиной в 14—16 сантиметров сложи пополам, продень пучок в край шарфа и, захватив середину пучка, вытяни нити. В образовавшуюся петлю продень концы нитей и затяни узел. И так с каждым пучком. Располагать кисточки лучше всего сантиметра через полтора друг от друга. Вот и шарф готов!

С обновой вас, храбрые портняжки!

О. ЛУНЕВА

Без камчатского паспорта

Быль

А. ХАРИТАНОВСКИЙ

В областном краеведческом музее раздался телефонный звонок.

— Живая... Понимаете? — торопился в трубке взволнованный мальчишеский голос. — Зеленая, большая...

— Прыгает?

— Конечно, еще как! Но я не пускаю...

Через несколько минут голубое такси мчалось по направлению Красной сопки, расположенной на границе между северной и южной частью города.

Место происшествия искать не пришлось: люди, столпившись на тротуаре, образовали плотное кольцо.

Работники музея — большеглазая хрупкая девушка и художник-препаратор с длинным худым лицом, — решительно раздвигая толпу, устремились в середину.

Там стоял на коленях мальчишка лет десяти. Он держал наизготове кепку, словно сачок. Увидев работников музея, приподнялся было, но, тут же спохватившись, снова присел и, кося глазами, доверительно зашептал:

— Убегала уже... Вы с ней поосторожнее...

— Да, да, — подтвердил высокий мужчина в шляпе, — сам помогал ловить.

— Мы ее нашли вон там, возле самой дороги. Хотела в сопки уйти, — торопливо рассказывал парнишка. — Едва догнали. К-а-а-к прыгнет!

Перед ним, тупо глядя вперед и тяжело дыша, сидела... обыкновенная лягушка. То есть в данных обстоятельствах совсем необыкновенная.

Лягушка не в меньшей мере, чем тигр или слон, — существо совершенно неожиданное для Камчатки. На полуострове лягушки не водятся так же, как змеи и ящерицы.

И вот, пожалуйста! Научная сотрудница посмотрела на находку и официальным тоном сказала:

— Да, это лягушка.

Впрочем, сомнений на этот счет и так ни у кого не было.

Тут же она была завернута в газету и передана препаратору. Тот осторожно, на вытянутых руках понес сверток к автобусной остановке. Первый автобус пропустили: он был переполнен. Во второй автобус их не впустили после того, как препаратор торжественно крикнул: «Осторожно, лягушка!» Провоз лягушек на городском транспорте, оказывается, не был предусмотрен. Так и сказала кондукторша.

Пришлось искать такси.

И вот наконец лягушка в музее. Она тихо сидит в пустом аквариуме, приготовленном для благородных камчатских лососей, и озирается.

— Почему молчит? — огорчился художник и осторожно тронул лягушку линейкой.

Та неохотно квакнула. Получилось вроде: «Здрасте!»

Но это приветствие девушка оставила без внимания, а пожилая научная сотрудница с озабоченным видом решала, куда поместить новый экспонат. Она размышляла вслух:

— К рыбам — не подходит. К птицам — тем более... Только посетителей введем в заблуждение. Подумают, что на Камчатке водятся земноводные.

— Но ведь данный случай и есть подтверждение, — начала молодая сотрудница.

— Что вы?.. — перебила ее старшая. — Откуда здесь быть земноводным? Вы же отлично знаете...

— Тогда пусть лягушка будет нетипичным для полуострова представителем фауны. Так и написать под ней.

— Но зачем же нам нетипичное? — подняла плечи старшая сотрудница. — Я же говорю, что это вводит в заблуждение. А мы научная организация... Лягушку надо выбросить, — решительно закончила она.

Препаратор, вынув лягушку из аквариума, вышел.

Дня через три молодая сотрудница, просматривая местную газету, радостно крикнула:

— Опять лягушка! Смотрите...

Под заголовком «Удивительная путешественница» сообщалось, что у подножия Никольской сопки, близ городского парка, поймана лягушка... В научно-исследовательском институте доктор биологических наук подтвердил, что это обыкновенная лягушка и, вероятно, завозная. При этом ученый напомнил, что несколько лет назад сюда на корабле был завезен змей полоз. Лягушка, по-видимому, тоже прибыла на корабле, например, с виноградом (он только что появился в магазинах). Самостоятельно переплыть Охотское и Японское моря она не могла. Такие лягушечьи вояжи нигде еще не описаны.

— Ну вот, видите, еще одна появилась, — торжествующе сказала девушка.

Старшая промолчала и в упор посмотрела на препаратора.

— Вы ее где выпустили?

— Кого? — снаивничал тот.

— Ля-гуш-ку, — четко выговорила сотрудница.

— Ах, лягушку...

Его перебил телефонный звонок.

— Говорят из редакции, — послышалось в трубке. — Нам хотелось бы подарить музею лягушку. Она у нас в отделе информации. Приходите. И хорошо бы, если бы вы написали нам...

— Поезжайте и заберите, — приказала старшая девушке. И развела руками: — Раз уж вокруг нее общественное мнение...

Содержание

Редактор **Н. В. ИЛЬИНА.**

Художественный редактор **П. И. Кузьмичев.**

Адрес редакции: **Москва, А-15, Бумажный проезд, 14, 11-й этаж.** Телефон Д 3-30-73.

Рукописи не возвращаются. Технический редактор **В. Пархоменко.**

А 02384. Подписано к печати 31/VIII 1965 г. Тираж 540 000 экз. Изд. № 1701. Заказ № 2073.

Форм. бум. 84×108[1]/16. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина.
Москва, А-47, ул. «Правды», 24.

ВСЕРОССИЙСКОЕ ОБЩЕСТВО ОХРАНЫ ПРИРОДЫ

Прошло пионерское лето. Немало увлекательных страниц раскрыла природа перед вами, ребята. Сколько нового, неизвестного раньше вы увидели, узнали! Какие интересные коллекции, гербарии привезли с собой!

Теперь, собравшись в школе, вы можете сделать отрядный альбом с рисунками и рассказами о том, как вы провели лето, что нового и интересного узнали.

Чей альбом будет лучшим в дружине!

Объявите конкурс на лучший гербарий, коллекцию полезных ископаемых.

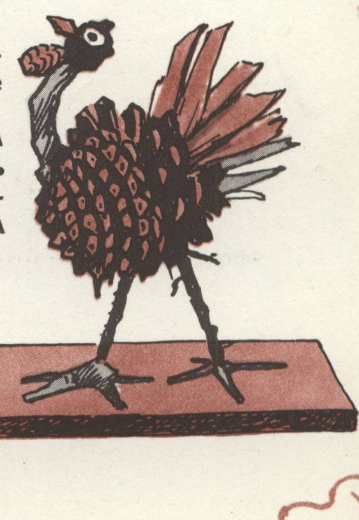
Некоторые ребята, наверно, привезли из лесу причудливо изогнутые корни, сучки, похожие на людей, птиц, зверей. Один из них—ну точь-в-точь Дон-Кихот, другой — «совсем живой» грозный лев с огромной гривой.

Такие диковинки тоже можно показать на школьной выставке.

Покажите, какие фрукты, ягоды и цветы вырастили вы в школьном и своем саду. Не забудьте пригласить своих родителей на выставку.

Уже начались осенние посадки. Помогите вашим младшим товарищам-первоклассникам посадить возле школы или в сквере деревцо. Этот день должен стать памятным для малышей, торжественным и радостным, как первый урок.

Цена 25 коп.
Индекс 70694

